

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

№ 2 (26)

SOCIETY, LAW, STATEHOOD: RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published, in scientific specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences (Juridical Sciences) should be published.

12+

© Уфимский юридический институт МВД России
ISSN 2949-0979

Уфа – 2026

Об издании – [2](#), [5](#)

Главный редактор:

Латыпов Вадим Сагитьянович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Исаев Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, заслуженный работник образования Республики Башкортостан, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Безлепкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Бельский Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Бондаренко Юлия Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Ульяновского государственного университета.

Гусманов Искандер Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Башкирского государственного аграрного университета.

Гусманов Расул Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Башкирского государственного аграрного университета.

Даллакян Карлен Ашотович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Денисова Любовь Владиленовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России.

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина по научной работе.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Колесников Валерий Александрович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кубякин Евгений Олегович – доктор социологических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, научный руководитель Института права, заведующая кафедрой криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

Низамов Садык Сабирович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Плотников Владимир Валериевич – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры

оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Редько Александр Александрович – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России.

Сальников Евгений Вячеславович – доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Степанова Айгуль Ахметзямилевна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Стовба Евгений Владимирович – доктор экономических наук, профессор, отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой информатики и экономики Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий.

Субхангулов Рустем Раисович – кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры информационного и технического обеспечения ОВД Уфимского юридического института МВД России.

Сухоплюев Павел Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Филимонов Олег Викторович – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России.

Хабибуллина Зия Наилевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Хусаинов Рамиль Равилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России по научной работе.

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Янбухтин Раиль Маратович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Эл. № ФС77-84275 от 8 декабря 2022 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор: Ю. Р. Исмагилова, техническая верстка: Ю. Р. Исмагилова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: rio_cyi@mvd.gov.ru

(с пометкой: «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»).

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 18.06.2026. Дата выхода в свет: 30.06.2026

Электрон. текстовые дан. 702 MB (1,75 MB). 1 электрон. опт. диск (CD-R). Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система Windows XP и выше; AdobeReader 8.0 и выше.

Загл. с экрана. Тираж 10 экз. Заказ № 56. Цена свободная.

**SOCIETY, LAW, STATEHOOD:
No. 2 (26) 2026 RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE**

Electronic Scientific journal

Published since 2020 4 times a year

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Latypov Vadim Sagityanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Deputy editor-in-chief:

Isaev Andrey Anatolyevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Bezlepkina Olga Vyacheslavovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Professional Training at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Belskiy Vitaly Yurievich – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Bondarenko Yulia Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure at Ulyanovsk State University.

Gusmanov Iskander Uzbekovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management at the Bashkir State Agrarian University.

Gusmanov Rasul Uzbekovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management at the Bashkir State Agrarian University.

Dallakyan Karlen Ashotovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Denisova Lyubov Vladilenovna – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head at Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Divayeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Scientific Work at Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putlin.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Ivanov Dmitry Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision at Kuban State University.

Karimova Gulnaz Yurisoyna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kolesnikov Valeriy Aleksandrovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic

Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kubyakin Yevgeniy Olegovich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Honorary Educator of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and Methodology of the Public Administration at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure at Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Scientific Adviser of the Institute of Law, Head of the Department of Criminalistics of the Institute of Law at Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of State Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law Disciplines at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizamov Sadyk Sabirovich – Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty of Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Plotnikov Vladimir Valerievich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration at the Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov.

Pobedkin Alexandr Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Policy at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezshalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities

of Internal Affairs Bodies at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Redko Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Salnikov Evgeniy Vyacheslavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines at Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stepanova Aigul Akhmetzyamilevna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of State Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stovba Evgeniy Vladimirovich – Doctor of Economics, Professor, Excellence in Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Informatics and Economics at Birsik Branch of Ufa University of Science and Technology.

Subkhangulov Rustem Raisovich – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Information and Technical Support of the Internal Affairs Bodies at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Sukhoplyuev Pavel Alexandrovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexandr Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure at the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Filimonov Oleg Viktorovich – Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Khabibullina Zilya Nailovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies at the Faculty of Philosophy, Psychology and Sociology of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Khusainov Ramil Ravilovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Scientific Work at the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yanbukhtin Rail Maratovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

El. No FS77-84275 dated December 8, 2022.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

Literary editors: Yu. R. Ismagilova, technical layout by Yu. R. Ismagilova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(marked: «Society, law, statehood: retrospective and perspective»).

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 18.06.2026. Release date: 30.06.2026.

Electronic text data 702 MB (1,75 MB). 1 electronic optical disk (CD-R). System requirements: IBM PC, 1 GHz; 512 mb RAM; 3 mb RAM; CD/DVD-ROM drive; operating system

Windows XP and above; Adobe Reader 8.0 and above.

Title from the screen. Circulation 10 copies. Order no. 56. The price is free.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Шепелев В. Г.</i> От «Русского мусульманства» И. Гаспринского к «Обращению к мусульманам» 1917 г.: сравнительный анализ подходов к интеграции мусульман в российское правовое пространство	10
---	----

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Самигуллин В. К.</i> О профессионализации субъекта правоохранительной деятельности	22
---	----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Кокорев Р. А., Кустов А. М.</i> Заключение специалиста как самостоятельное средство доказывания: проблемы правового регулирования	30
<i>Свяженина А. А.</i> Цифровая модель оптимизации завершающих этапов досудебного производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних	39
<i>Фок С. В., Даровских О. И.</i> Дифференциация досудебного производства в Республике Беларусь и Российской Федерации	46
<i>Хусаинов Р. Р.</i> Тактические особенности применения официального предостережения при осуществлении государственной защиты	59
<i>Черняков С. А., Челядинов Д. В.</i> Оперативно-розыскные меры противодействия хищениям лома металла, перевозимого на переплавку железнодорожным транспортом	68
<i>Эйсмонт Я. А.</i> Дифференциация уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков в зависимости от характера общественной опасности деяний, содержащихся в статье 228 УК РФ	79

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Конькова Н. Е.</i> Трансформация региональных экономических систем в условиях новой реальности: факторы устойчивости и пространственного развития	87
--	----

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Гарипова З. Ф.</i> Социологический анализ образовательного неравенства: выявление барьеров и поиск путей инклюзии	97
<i>Мантуров О. С., Рыбина Е. А.</i> Средства массовой коммуникации как социальный институт: вызовы для современного российского законодательства	109

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Гарипов Р. Ф., Кашапов У. А., Сулейманов Т. Ф.</i> Критика вождизма в работах русских мыслителей конца XIX – начала XX в.: сравнительный анализ взглядов К. П. Победоносцева и Н. А. Бердяева	119
<i>Морщакина С. М., Пустовалов В. В., Зинова У. А.</i> Противодействие негативному информационно-психологическому воздействию как социальной проблеме в органах внутренних дел Российской Федерации (на примере Республики Крым)	126

Памятка	135
----------------------	-----

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Shepelev V. G. From I. Gasprinsky's "Russian Islam" to "Appeal to Muslims" in 1917: a comparative analysis of approaches to the integration of Muslims into the Russian legal space 10

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Samigullin V. K. On the professionalization of a subject of law enforcement agencies 22

CRIMINAL LAW SCIENCES

Kokorev R. A., Kustov A. M. Expert opinion as an independent means of proof: problems of legal regulation 30

Svyazhenina A. A. Digital model for optimizing the final stages of pre-trial proceedings in criminal cases involving minors 39

Fok S. V., Darovskikh O. I. Differentiation of pre-trial proceedings in the Republic of Belarus and the Russian Federation 46

Khusainov R. R. Tactical features of applying official warning during the implementation of state protection 59

Chernyakov S. A., Chelyadinov D. V. Operational and search measures to counter the theft of metal waste transported for remelting by rail 68

Eismont Ya. A. Differentiation of criminal liability for illegal drug trafficking depending on the nature of the public danger of acts provided for in Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation 79

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Konkova N. E. Transformation of regional economic systems in the new reality: factors of sustainability and spatial development 87

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Garipova Z. F. Sociological analysis of educational inequality: identifying barriers and searching for ways for inclusion 97

Manturov O. S., Rybina E. A. Mass media as a social institution: challenges for modern Russian legislation 109

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

Garipov R. F., Kashapov U. A., Suleimanov T. F. Critique of leaderism in the works of Russian thinkers of the late 19th – early 20th centuries: a comparative analysis of the views of K. P. Pobedonostsev and N. A. Berdyaev 119

Morshchakina M. S., Pustovalov V. V., Zinova U. A. Countering the negative information and psychological impact as a social problem in the internal affairs bodies of the Russian Federation (using the example of the Republic of Crimea) 126

Instruction 135

Научная статья
УДК 34.05:297(470)"1917"

Вячеслав Геннадьевич Шепелев
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия, slawius@yandex.ru, ORCID:
0009-0000-3344-6656

**ОТ «РУССКОГО МУСУЛЬМАНСТВА» И. ГАСПРИНСКОГО
К «ОБРАЩЕНИЮ К МУСУЛЬМАНАМ» 1917 Г.:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ИНТЕГРАЦИИ МУСУЛЬМАН
В РОССИЙСКОЕ ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО**

Аннотация. Эволюция подходов к интеграции ислама в российское правовое пространство в конце XIX – начале XX в. проходила на фоне нарастания центробежных тенденций, которые в годы Гражданской войны стали ключевым дезинтегрирующим фактором для мусульманской уммы, одновременно катализируя национально-государственное строительство. Объект исследования – эволюция подходов к интеграции ислама в российское правовое пространство в конце XIX – начале XX в. Предмет исследования – концептуальные положения программы И. Гаспринского, изложенные в работе «Русское мусульманство» (1881), и нормативно-правовые принципы, закрепленные в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (1917). На основе анализа указанных документов, как этапов перехода от имперской модели веротерпимости к революционной декларации прав народов, выявлены пересечения и принципиальные расхождения эволюционно-просветительского и революционно-классового подходов, а также показано, как атеистическая власть парадоксально легитимировала переход мусульман от стратегии адаптации (мекканская логика) к национально-государственному строительству (мединская логика).

Научная новизна состоит в сравнительном анализе разнородных источников как равнозначных этапов дискурса об интеграции ислама, применении схемы мекканской и мединской правовых логик к российским реалиям, а также в выявлении двойственной правовой природы «Обращения» 1917 г.

Автор приходит к выводу, что большевики, восприняв риторику джадидизма, создали правовые основы для мусульманских автономий, но внутренняя противоречивость этого союза предопределила его временный характер и трансформацию религиозной политики в конце 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: Исмаил Гаспринский, «Русское мусульманство», «Обращение к мусульманам» 1917 г., большевики, джадидизм, пантюркизм, интеграция ислама, мусульманская умма, Гражданская война, самоопределение, государственно-конфессиональные отношения, мекканская и мединская правовые логики

Для цитирования: Шепелев В. Г. От «Русского мусульманства» И. Гаспринского к «Обращению к мусульманам» 1917 г.: сравнительный анализ подходов к интеграции мусульман в российское правовое пространство // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 2 (26). С. 10–21.

Original article

Vyacheslav G. Shepelev
Penza State University, Penza, Russia, slawius@
yandex.ru, ORCID: 0009-0000-3344-6656

**FROM I. GASPRINSKY'S "RUSSIAN ISLAM"
TO "APPEAL TO MUSLIMS" IN 1917: A COMPARATIVE ANALYSIS
OF APPROACHES TO THE INTEGRATION OF MUSLIMS
INTO THE RUSSIAN LEGAL SPACE**

© Шепелев В. Г., 2026

Abstract. The evolution of approaches to the integration of Islam into the Russian legal space in the late 19th and early 20th centuries took place against the background of increasing centrifugal trends, which during the Civil War became a key disintegrating factor for the Muslim Ummah, while catalyzing national state building. The object of the research is the evolution of approaches to the integration of Islam into the Russian legal space in the late 19th and early 20th centuries. The subject of the research is the conceptual provisions of I. Gasprinsky's program, set out in the work "Russian Islam" (1881), and the normative and legal principles set out in the appeal "To all working Muslims of Russia and the East" (1917). Based on the analysis of these documents as stages of transition from the imperial model of religious tolerance to the revolutionary declaration of peoples' rights, the intersections and fundamental discrepancies of the evolutionary-educational and revolutionary-class approaches are revealed, and it is also shown how the atheistic government paradoxically legitimized the transition of Muslims from the strategy of adaptation (Meccan logic) to national-state building (Medina logic).

The scientific novelty consists in a comparative analysis of diverse sources as equivalent stages of the discourse on the integration of Islam, the application of the scheme of Meccan and Medina legal logics to Russian realities, as well as in identifying the dual legal nature of the "Appeal" of 1917.

The author concludes that the Bolsheviks, adopting the rhetoric of Jadidism, created the legal foundations for Muslim autonomies, but the internal inconsistency of this union predetermined its temporary nature and the transformation of religious policy in the late 1920s and 1930s.

Keywords: Ismail Gasprinsky, "Russian Islam", "Appeal to Muslims" in 1917, Bolsheviks, Jadidism, pan-Turkism, integration of Islam, Muslim Ummah, Civil War, self-determination, state-confessional relations, Meccan and Medina legal logics

For citation: Shepelev V. G. From I. Gasprinsky's "Russian Islam" to "Appeal to Muslims" in 1917: a comparative analysis of approaches to the integration of Muslims into the Russian legal space // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 2 (26). P. 10–21. (In Russ.)

Введение

Проблема интеграции ислама в правовое поле России, поиска баланса между формами государственно-конфессиональных отношений (от иноконфессиональной имперской модели до светской советской и постсоветской) и религиозно-культурной автономией мусульманской уммы¹ неизменно сохраняет свою актуальность на протяжении всей истории их взаимодействия [1, с. 19]. Сложность ее разрешения во многом обусловлена тем, что ислам представляет собой не только религиозно-догматическую систему, но и целостную нормативно-правовую традицию, регулиющую как культовую практику, так и повседневную, в том числе социально-бытовую, жизнь верующего [2, с. 5–7]. В современной геополитической ситуации, когда Россия позиционирует себя в качестве

государства, сохраняющего традиционные ценности, и самобытного центра многополярного мира, осмысление исторического опыта взаимодействия государства и ислама приобретает особое значение.

В рамках настоящего исследования в качестве ключевых вех выделяются два документа, разделенных не только временем, но и коренным переломом в государственном устройстве России, однако связанных внутренней логикой развития общественной мысли: первый – программная работа просветителя Исмаил-бея Гаспринского (Гаспралы)² «Русское мусульманство» (1881), в которой впервые был сформулирован проект эволюционной интеграции мусульман в российское общество через просвещение и реформу образования; второй – специальное воззвание «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (1917) (далее – «Об-

¹ Умма – религиозная община мусульман. (Подробнее см.: Негляр Л. В. Ислам // Энциклопедический словарь. М. : Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 241.)

² Исмаил-бей Гаспринский (Гаспралы) (8 марта 1851 г. – 11 сентября 1914 г.) – уроженец н.п. Авджикой Таврической губернии, крымскотатарский политический и общественный деятель, издатель, известный мусульманский деятель Российской империи и один из основоположников джадидизма и идеологии так называемого культурного пантюркизма.

ращение»), ставшее первым официальным актом новой власти, гарантировавшим мусульманам свободу верований и право на национальное самоопределение¹.

Цель настоящей статьи – провести сравнительный анализ подходов к интеграции ислама в российское правовое пространство, представленных в указанных документах, и выявить механизмы трансформации правового статуса мусульманской общины в переходный период от империи к советской федеративной государственности.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить комплекс взаимосвязанных задач. Прежде всего требуется реконструировать правовые и социальные аспекты программы И. Гаспринского в контексте политики веротерпимости Российской империи, что позволит выявить исходный, эволюционный вектор интеграции мусульман в российское общество. Далее следует провести тщательный анализ содержания «Обращения» 1917 г. как принципиально нового правового акта, закреплявшего революционные принципы взаимоотношений государства и мусульманской уммы. На основе сопоставления полученных данных необходимо выявить как точки содержательного пересечения двух рассматриваемых подходов, так и их принципиальные расхождения, обусловленные различием исторических эпох и идеологических установок. Наконец, требуется определить историко-правовое значение указанных документов для последующей эволюции советской национальной и религиозной политики, проследив, каким образом заложенные в них противоречия проявились в событиях конца 1920-х – 1930-х гг.

Методы

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой и историко-генетический методы. Сравнительно-правовой метод позволяет сопоста-

вить нормативное содержание документов, выявить общее и особенное в подходах И. Гаспринского и большевиков. Историко-генетический метод дает возможность проследить логику развития идей от постановки проблемы в конце XIX в. к ее нормативному закреплению в 1917 г.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1881 г. (публикация «Русского мусульманства») по 1920-е гг. – время реализации принципов, провозглашенных в «Обращении», и начала свертывания политики религиозных послаблений. Нижняя граница определена выходом в свет программной работы И. Гаспринского, заложившей основы джадидизма как движения за обновление ислама и его интеграцию в российское общество. Верхняя граница связана с окончанием Гражданской войны и переходом советского государства к планомерной атеистической политике.

Источниковая база исследования включает как опубликованные нормативные акты, так и программные документы общественных деятелей. Ключевыми источниками являются: работа И. Гаспринского «Русское мусульманство», полный текст «Обращения» Совета Народных Комиссаров от 20 ноября (3 декабря) 1917 г., а также комплекс законодательных актов Российской империи, регулировавших статус мусульманского населения.

Степень научной разработанности темы настоящего исследования обусловлена тем, что проблематика правового положения мусульман в дореволюционной России и первые годы советской власти привлекает внимание исследователей на протяжении многих десятилетий². Историко-правовые аспекты статуса мусульман в Российской империи анализируются в многочисленных работах как российских, так и зарубежных ученых. Феномен джадидизма и деятельность И. Гаспринского исследуются в тру-

¹ Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока : обращение Совета Народных Комиссаров // ИПО «Гарант». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5310/> (дата обращения: 27.02.2026).

² Зарубежные исследователи: А. Каппелер, Д. Сарбон, М. Френкин, отечественные: Д. Ю. Арапов, А. Ю. Бахтурина, Н. В. Ростиславцева, Ф. М. Кулиев, С. М. Исаков.

дах современных авторов, подчеркивающих его роль в формировании российской мусульманской идентичности [3, с. 134, 135; 4, с. 18–20]. Советская политика в отношении ислама, включая анализ «Обращения» 1917 г., рассматривается в обобщающих работах по истории ислама в СССР, а также в публикациях, посвященных эволюции государственно-конфессиональных отношений [5; 6; 7; 8].

Результаты

1. Проект И. Гаспринского: эволюционная модель интеграции мусульман в правовое пространство Российской империи.

1.1. Правовой статус мусульман в Российской империи к концу XIX в. Для понимания новаторства подхода И. Гаспринского необходимо рассмотреть контекст, в котором формировалась его программа. Российская империя к концу XIX в. представляла собой сложное поликонфессиональное и полиэтническое пространство, в котором правовой статус мусульман определялся общеимперским законодательством и региональными особенностями.

Основополагающим принципом имперской политики в отношении ислама была веротерпимость. В Полном своде законов Российской империи ст. 67 прямо указывала: «Свобода веры присвоается не токмо Христианам инославных исповеданий, но и Евреям, Магометанам и Язычникам: да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и вероисповеданию праотцев своих» [9]. Этот принцип не был пустой декларацией. Как отмечает В. А. Матвеев, даже в ходе ожесточенных сражений Кавказской войны мечети оберегались русскими войсками, а отношение к исламу выдерживалось в рамках политики непереследования [10, с. 39].

Однако формальное равенство в вопросах веры не означало реального социально-политического равноправия. Имперское

законодательство исходило из иерархии конфессий, где первенство принадлежало православной церкви. Мусульмане, признаваясь лояльными подданными, сталкивались с целым рядом ограничений и, что более важно, с отсутствием правовых механизмов реального участия в общественной жизни. И. Гаспринский точно выявил и описал эту проблему, указав на отсутствие единых ценностно-правовых ориентиров между мусульманским населением и государством. Связь мусульманина с государством, по мнению просветителя, носила исключительно внешний, формальный, бюрократически-административный характер [11, с. 337]. Отсутствовала «нравственная связь» – осознание общности исторической судьбы, понимание ценности государственного единства.

Государство обеспечивало мусульманам свободу богослужения, но не создавало условий для их культурного развития и правовой интеграции [12, с. 119]. Система образования оставалась замкнутой: дети мусульман обучались в традиционных мектебе и медресе, где господствовала кадимитская (старометодная) система – схоластическая, основанная на механическом заучивании, оторванная от реалий современной жизни [13, с. 21].

Таким образом, правовой статус мусульманина в империи характеризовался парадоксом: формальная веротерпимость и лояльность сочетались с культурной изоляцией и отсутствием реальных каналов для социального роста и участия в общегражданской жизни. Это создавало почву для накопления правовой изоляции и юридической замкнутости мусульманской уммы, которая часто существовала вне общегражданских правовых механизмов.

1.2. Джадидизм как ответ на вызовы времени: программа реформ И. Гаспринского. Ответом на эту ситуацию стало движение джадидизма¹, основоположником

¹ Джадидизм – (от араб. усуль аль-джадид – новый метод) – общественно-политическое движение за обновление исламской культуры и общества среди российских мусульман Крыма, Поволжья и Урала, Кавказа и Средней Азии 1880–1920-х гг. (См.: Мухаметшин Р. М. Джадидизм // Большая российская энциклопедия/ Министерство культуры Российской Федерации ; гл. ред. С. Л. Кравец. М., 2022–2025. URL: bigenc.ru (дата обращения: 08.01.2026).)

и главным идеологом которого выступил И. Гаспринский. Его деятельность стала событием в истории пробуждения национального самосознания российских тюрко-мусульман. Джадидизм возник как движение за реформу образования, но быстро перерос в широкое общественно-политическое течение, ставившее целью модернизацию мусульманских обществ при сохранении их религиозной и культурной идентичности, а также большую интеграцию в российское правовое пространство [14, с. 16].

Программная работа «Русское мусульманство», написанная в 1881 г., стала первым систематическим изложением взглядов И. Гаспринского на будущее мусульман в составе Российской империи. Ключевая идея работы заключалась в необходимости перехода от внешней, формальной связи к связи внутренней, нравственной. И. Гаспринский настаивал на том, что отношения между мусульманами и государством не должны исчерпываться бюрократической процедурой и административно-финансовыми отношениями; их правовое оформление требовало наполнения общими ценностными ориентирами, взаимным признанием прав и осознанием исторической общности [15, с. 32].

Центральным звеном программы И. Гаспринского стала реформа образования: введение в медресе светских дисциплин и подготовка образованного духовенства, что должно было модернизировать умму изнутри без разрушения религиозных основ. Однако просветительская составляющая служила у него лишь инструментом для решения более широкой задачи – перевода отношений между мусульманами и государством из формально-бюрократической плоскости в плоскость правового признания и ценностного единства.

Важно подчеркнуть, что И. Гаспринский не мыслил свою программу в конфронтации с государством. Напротив, он обращался и к

мусульманам, и к русскому обществу, призывая к совместным усилиям. Его знаменитый девиз «Единство в языке, мысли, деле» подразумевал культурную консолидацию тюркских народов при сохранении лояльности Российскому государству [15, с. 32]. Политическая программа мыслителя была эволюционной и лоялистской: он выступал за реформирование существующей власти исключительно в рамках правового поля, дистанцируясь от революционеров.

Ключевым элементом этой программы стала концепция правового равноправия. В работе «Русское мусульманство» И. Гаспринский фиксировал глубокую коллизию между общеимперским законодательством, основанным на принципе сословных привилегий и конфессионального превосходства православия, и нормами шариата, регулировавшими повседневную жизнь уммы [16, с. 5, 6]. Преодоление этого разрыва он видел не в отказе от собственной правовой традиции, а в ее интеграции в общеимперское правовое пространство на началах равноправия и взаимного признания.

Однако российская власть не ответила на этот запрос адекватными правовыми реформами. Отношение к джадидизму оставалось настороженным, а порой и враждебным, поскольку культурная консолидация тюрков воспринималась как угроза пантюркизма¹ и сепаратизма. Проект И. Гаспринского остался нереализованным, но он создал идейную основу и подготовил почву для последующего политического пробуждения тюрко-мусульманских элит.

Одной из форм этого пробуждения стало обращение к идеям культурного пантюркизма. Изначально ориентированный на культурное возрождение, он объективно содержал в себе потенциал политизации: формируемая наднациональная тюрко-мусульманская идентичность вступала в противоречие с общероссийской гражданской идентичностью и уже на уровне культурной

¹ Пантюркизм – светская националистическая доктрина, сформированная во второй половине XIX в., распространенная в государствах, населенных тюркскими народами. Базируется на идеях о необходимости политической консолидации тюрков на основе этнической, культурной и языковой общности.

консолидации воспринималась государством как экстерриториальный вызов [17, с. 189, 190]. В условиях отсутствия надлежащего правового оформления национально-культурных запросов этот потенциал быстро реализовался в логике политического самоопределения и сепаратизма. Эволюция от просветительских идей И. Гаспринского к радикальным требованиям 1917 г. наглядно демонстрирует, что сам феномен пантюркизма – даже в его культурном проявлении – несет в себе угрозу территориальной целостности полиэтнического и поликонфессионального государства, а его политизация лишь усиливает этот деструктивный потенциал.

2. «Обращение» 1917 г.: революционная декларация и ее правовое содержание.

2.1. Исторический контекст: крушение империи и поиск новой модели взаимодействия с национальными и религиозными меньшинствами. Февральская буржуазно-демократическая и Великая Октябрьская социалистическая революции 1917 г. коренным образом изменили политико-правовое пространство России. Крушение монархии, падение Временного правительства и приход к власти большевиков создали ситуацию правового вакуума, в котором прежние законы утратили силу, а новые еще только предстояло создать.

Для мусульманских народов России это время стало периодом бурного национального строительства. Повсеместно возникали национальные советы, обсуждались проек-

ты автономий – от Идель-Уральского штата¹ до Кокандской автономии² и Горской республики³ [18, с. 71–87]. Раскол в мусульманском обществе, наметившийся еще в дореволюционный период (между джадидистами и кадимистами, сторонниками федерализации и сепаратистами), вышел на поверхность и приобрел политическое измерение [19, с. 513; 20, с. 8].

Большевики, придя к власти, столкнулись с необходимостью определения своей позиции по отношению к этому процессу национально-государственного самоопределения мусульман и к исламу в целом. Несмотря на атеистическую доктрину, они проявили прагматизм, осознав, что в условиях Гражданской войны мусульманский фактор может стать решающим, переводя конфликт из политической плоскости в религиозно-этническую [21, с. 22–23], что требовало от новой власти гибкости и готовности к компромиссам.

Именно в этих условиях, стремясь не допустить перерастания гражданского противостояния в религиозно-этнический конфликт и перехватить инициативу в мусульманском движении, советское правительство опубликовало официальное обращение к народам, исповедующим ислам.

2.2. Структура и содержание «Обращения к трудящимся мусульманам». 20 ноября (3 декабря) 1917 г. Совет Народных Комиссаров опубликовал обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», подписанное В. И. Лениным⁴ и

¹ Национальное «моноэтническое» тюркское государство Идель-Уральский (Волжско-Уральский) штат, документально образованное 8 января 1918 г., но практически не реализованное. Основным идеологом являлся Гаяз Исхаки, 10 (22) февраля 1878 г. р., деятель татарского национального движения.

² Кокандская автономия (Туркестанская автономия) – самопровозглашенное территориальное образование, существовавшее в период с 28 ноября 1917 г. по 22 февраля 1918 г. на территории современного Узбекистана, а в то время – на территориях Семиреченской, Сырдарьинской и Ферганской областей Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи.

³ Горская республика (Республика Союза Народов Северного Кавказа) – государственное образование, возникшее на Северном Кавказе в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Ее предшественником стал Союз Горцев Северного Кавказа и Дагестана, действовавший с мая по октябрь 1917 г. В 1918 г. на его основе была провозглашена независимая Республика Союза Народов Северного Кавказа; независимость была официально объявлена 11 мая 1918 г. на мирной конференции в г. Батуми.

⁴ Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР с 27 октября (9 ноября) 1917 г. по 21 января 1924 г.

И. В. Сталиным¹. Этот документ стал первым официальным актом советской власти, адресованным непосредственно мусульманам, и заложил правовые основы новой политики в отношении представителей этой религии.

По своей структуре «Обращение» состоит из трех частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение. Преамбула задает универсалистский революционный нарратив. В ней провозглашается рождение «нового мира, мира трудящихся и освобождающихся», где Россия представит не изолированным государством, а авангардом мировой революции, объединяющим «всех трудящихся Запада и Востока». Упоминание Индии, где «поднято знамя восстания», служит сигналом о глобальном масштабе происходящих перемен и встраивает мусульманское движение в контекст антиколониальной борьбы. Основная часть, обращенная к мусульманам России, содержит ключевые правовые гарантии: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это».

Юридический язык документа фиксирует не просто терпимость, а позитивное признание институциональной автономии российского мусульманского общества. Это принципиальный разрыв с имперской традицией, где подобные гарантии отсутствовали. Мусульмане впервые признавались не просто совокупностью индивидов, а общностью, имеющей право на собственные институты.

Внешнеполитическая часть, адресованная мусульманам Востока, аннулирует тайные договоры царского правительства о разделе Турции, Персии и захвате Константинополя. Особое значение для тюрок-мусульман имело заявление: «Константинополь должен остаться в руках мусульман». Этот символический жест разрушал образ России как империалистической державы, угнетаю-

щей единоверцев, и создавал основу для доверия со стороны мусульманских народов.

2.3. Правовой анализ: признание коллективных прав и политической субъектности. С правовой точки зрения «Обращение» 1917 г. может быть интерпретировано как документ, закрепивший несколько фундаментальных принципов.

Во-первых, это легитимация коллективных прав мусульманских народов России. В отличие от законодательства Российской империи, которое признавало за мусульманами лишь индивидуальную свободу вероисповедания, «Обращение» говорит о «национальных и культурных учреждениях» как объектах правовой защиты. Это создавало основу для признания мусульманской общины (уммы) в качестве субъекта правоотношений.

Во-вторых, это признание права на самоопределение. Фраза «Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно» и тем более призыв «Вы сами должны быть хозяевами вашей страны!» были восприняты мусульманскими элитами как санкция на создание национально-территориальных автономий. Обращение активировало политическую субъектность мусульман, легитимируя переход от культурно-просветительской деятельности к государственному строительству.

В-третьих, это разрыв с правовой традицией Российской империи, основанной на конфессиональной иерархии. Мусульмане переставали быть «иногородцами» с ограниченными правами и становились субъектами революционного правотворчества. Документ аннулировал не только конкретные тайные договоры, но и сам принцип неравенства народов и религий.

Однако уже в самом документе было заложено внутреннее противоречие, которое проявилось впоследствии. Гарантии религиозной свободы давались властью, идеологической основой которой был так называемый воинствующий атеизм. То, что мусульмане интерпретировали как призна-

¹ Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953) – российский революционер, советский государственный и партийный деятель, с ноября 1917 г. – народный комиссар по делам национальностей РСФСР.

ние их религиозной идентичности, большевики рассматривали как тактический шаг. Классовый универсализм («трудящиеся мусульмане» как часть мирового пролетариата) вступал в противоречие с признанием религиозно-культурной идентичности, создавая основу для будущих противоречий.

3. Сравнительный анализ подходов к интеграции ислама.

3.1. Общее и особенное. Сопоставление программы И. Гаспринского и «Обращения» 1917 г. обнаруживает ряд содержательных пересечений, позволяющих говорить о преемственности, а также принципиальные расхождения, обусловленные различием эпох и идеологий. Для большей наглядности основные параметры сравнительного анализа представлены в таблице.

Таблица

Сравнительный анализ программы И. Гаспринского и «Обращения» 1917 г.

Критерий	Проект И. Гаспринского	Обращение большевиков 1917 г.
Основа идентичности	Религиозно-культурная (тюрко-мусульманская умма)	Классовая (трудящиеся всех наций)
Целевая аудитория	Мусульмане – подданные Российской империи	«Трудящиеся мусульмане» как часть мирового пролетариата
Правовая стратегия	Эволюционная интеграция через законодательно закрепленное равноправие в рамках империи	Революционное разрушение империи и создание нового государства на иных правовых началах
Отношение к государству	Лояльность при условии реформ	Поддержка советской власти как единственно легитимной
Понимание свободы	Автономия в рамках единого государства	Самоопределение вплоть до отделения, но в перспективе – объединение в мировой федерации

Оба подхода признавали необходимость изменения правового статуса мусульман. И Гаспринский, и большевики исходили из критики существующего положения, при котором мусульмане были отчуждены от общественной жизни. Оба документа апеллировали к справедливости: И. Гаспринский – к идее нравственной связи и пользы просвещения, большевики – к идее социального и национального освобождения. Оба подчеркивали значимость культурных и религиозно-правовых институтов мусульман, призывая к их сохранению и развитию.

Однако принципиальными расхождениями являются:

1. Основа объединения. И. Гаспринский мыслил в категориях культурного пантюркизма – надэтнической общности, объединенной языком, исламом и общей исторической судьбой. Большевики предлагали классовый интернационализм, в рамках которого религиозные и национальные различия рассматривались как вторичные.

2. Методы. И. Гаспринский делал ставку на эволюцию, просвещение, постепенную трансформацию общества изнутри. Его метод – диалог, убеждение, реформа законодательства. Большевики использовали революционное насилие, опирались на классовую борьбу и рассматривали мусуль-

манские массы как ресурс для достижения политических целей.

3. Целевая аудитория. И. Гаспринский обращался к тюрко-мусульманам как к единой общности. Большевики разделяли мусульман по классовому принципу, противопоставляя «трудящихся» их «угнетателям» – собственникам и духовенству. Это закладывало основу для будущего раскола внутри уммы.

4. Конечная цель. Для И. Гаспринского идеалом была интеграция мусульман в обновленное российское общество с сохранением их идентичности. Для большевиков интеграция была промежуточным этапом на пути к построению бесклассового и в перспективе атеистического общества.

3.2. От мекканской адаптации к мединской политической субъектности. Для более глубокого понимания трансформации, произошедшей между двумя документами, целесообразно обратиться к концепции, предложенной в исходном тексте, а именно к различению «мекканской» и «мединской» стратегий поведения мусульманской общины.

Мекканская правовая логика¹ – это логика адаптации и выживания мусульман как меньшинства в иноконфессиональном окружении (дар ас-Сулх, дар ал-Харб)². Она предполагает внутреннюю консолидацию, отказ от конфронтации, лояльность власти в обмен на правовые гарантии безопасности и возможность сохранения веры [22,

с. 57–58]. Именно эту стратегию можно усмотреть в проекте И. Гаспринского: просвещение, культурное развитие, требование законодательного закрепления равноправия, но в рамках лояльности империи и без претензий на политическое самоопределение. Империя, однако, не ответила на этот запрос адекватными правовыми реформами.

Мединская правовая логика³ – это логика политической субъектности и государственного строительства. Она активизируется, когда община получает возможность (или вынуждена) взять на себя ответственность за политическое устройство своей жизни. «Обращение» 1917 г. легитимировало именно этот переход. Фраза «Вы сами должны быть хозяевами вашей страны!» была прямым призывом к реализации права на самоопределение. Большевики, будучи атеистической властью, парадоксальным образом активировали политический потенциал исламской общины, который в Российской империи раскрывался преимущественно в культурно-религиозном ключе, а не в публично-правовом измерении.

Таким образом, «Обращение» 1917 г. выступило катализатором, ускорившим трансформацию культурно-просветительского джадидизма в политическое движение за национально-государственное строительство. То, что И. Гаспринский мыслил как эволюционное внутреннее обновление, большевики использовали как импульс для перехода

¹ Мекканская правовая логика сформировалась в период, когда Мухаммед выступал исключительно как религиозный наставник, не обладая политической властью. В это время мусульманская община находилась в иноконфессиональной среде, что определило акцент на сохранении веры, личной набожности и адаптации к внешним условиям, без реализации публично-правовых норм шариата.

² Дар ал-Ислам («территория ислама») – собирательное обозначение всей совокупности мусульманских стран, находящихся под властью мусульманских правителей, жизнь в которых полностью регулируется шариатом, в противоположность дар ал-Харб («территория войны») – немусульманским странам за пределами дар ас-Сулх, которые рассматривались мусульманскими правоведами как находящиеся в состоянии войны с мусульманами, а отсутствие военных действий считалось перемирием; дар ас-Сулх («территория мирного договора») – собирательное обозначение областей, заключивших при завоевании договор (сулх) с мусульманами, определявший размер дани и правовое положение жителей-немусульман; за пределами условий договора продолжали действовать прежние порядки. (Подробнее см.: Негляр Л. В. Ислам // Энциклопедический словарь. М. : Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 56, 57.)

³ Мединская правовая логика сформировалась в период, когда Мухаммед выступал не только как религиозный лидер, но и как самостоятельный правитель, возглавивший политическое образование в Медине. Именно в это время были заложены принципы государственного строительства, публично-правовой реализации шариата и формирования исламской государственности (дар ал-Ислам).

к государственной субъектности (по сути, к мединской правовой логике).

Заключение

Проведенный сравнительный анализ подходов к интеграции ислама в российское правовое пространство, представленных в работе И. Гаспринского «Русское мусульманство» и в «Обращении к трудящимся мусульманам России и Востока», позволяет сделать следующие выводы.

«Обращение» 1917 г. легитимировало ключевые требования, которые выдвигались джадидистским движением во главе с И. Гаспринским: признание национально-культурной автономии, свободу вероисповедания, неприкосновенность культурных учреждений. Однако большевики вкладывали в эти требования иное, классовое, содержание, подчиняя их задачам мировой революции. В этом проявился разрыв между культурно-просветительской парадигмой И. Гаспринского и политико-идеологической стратегией советской власти.

«Обращение» сыграло роль катализатора в ускорении перехода российских мусульман от мекканской стратегии адаптации к мединской логике политического самоопределения. Документ предоставил правовые основания для создания национально-территориальных автономий, активизировав политический потенциал уммы, который десятилетиями сдерживался администрацией Российской империи. Риторика «Обращения», особенно антиколониальная и освободительная, была воспринята в мусульманской среде через призму религиозно-освободительной парадигмы, что создавало иллюзию совместимости исламских ценностей с советским проектом. Двойственная природа документа – признание

религиозной автономии при одновременной ориентации на классовую солидарность – предопределила последующие противоречия.

Кратковременный союз сменился периодом репрессий (с 1929 г.), когда обещания 1917 г. были аннулированы. Мусульманские институты были либо уничтожены, либо поставлены под контроль государства. Тем не менее сам факт появления такого документа создал прецедент признания коллективных прав мусульманской общины, к которому апеллировали последующие поколения.

Анализ эволюции подходов от просветительского проекта И. Гаспринского к революционной декларации большевиков, а затем к атеистической политике 1930-х гг. позволяет глубже понять механизмы взаимодействия государства с исламом. Опыт показывает, что устойчивая интеграция невозможна ни на основе тактических компромиссов, игнорирующих религиозную идентичность, ни на основе культурной изоляции. Подлинная интеграция требует признания мусульманской общины в качестве полноправного субъекта правоотношений, уважения ее институтов и диалога, основанного на долгосрочных, а не на конъюнктурных интересах.

Таким образом, историко-правовой анализ двух ключевых документов – «Русского мусульманства» И. Гаспринского и «Обращения» 1917 г. – позволяет не только реконструировать логику развития российской государственной политики в отношении ислама, но и извлечь уроки, актуальные для современной России, формирующей свою идентичность в многополярном и поликонфессиональном мире.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтурина А. Ю., Ростиславцева Н. В. Окраины Российской империи. Государственное управление и национальный вопрос (1894–1914 гг.). М. : РГТУ, 2024. 348 с.
2. Императорская Россия и мусульманский мир: конец XVIII – начало XX века : сб. статей / сост., авт. вступ. ст., предисл. и коммент. Д. Ю. Арапов. М. : Наталис, 2006. 480 с.
3. Самигуллин В. К. Исмаил-бей Гаспралы и его концепция модернизации тюрко-татарской мусульманской общины // Политика и общество. 2004. № 1. С. 133–142.

4. Самигуллин В. К. Ислам и право: опыт постижения : моногр. Уфа : Гилем, 2006. 240 с.
5. Арапов Д. Ю. Ислам и советское государство (1917–1936) : сб. док. Вып. 2. М. : Издательский дом Марджани, 2010. 208 с.
6. Арапов Д. Ю., Косач Г. Г. Ислам и советское государство (По материалам Восточного отдела ОГПУ). Вып. 1. Н. Новгород : Издательский дом Марджани, 2010. 154 с.
7. Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М. : Социально-политическая МЫСЛЬ, 2004. 600 с.
8. Мухаметдинов Р. Ф. Татаро-башкирский вопрос в 1917 году // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 135–139.
9. Полный свод законов Российской империи : в 2 кн. / под ред. А. А. Добровольского. СПб., 1911. Кн. 1, т. 1.
10. Матвеев В. А. Конфессиональные аспекты российской политики на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2014. № 12 (51). С. 39–54.
11. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор введ. ст., коммент. и приложений Д. Ю. Арапов. М. : Академкнига, 2001. 367 с.
12. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер. с немец. : С. Червонная. М. : Прогресс, 1996. 380 с.
13. Кулиев Ф. М. Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2015. № 15 (54). С. 14–24.
14. Салихов Р. Р. Общественная и философская мысль в Татарстане в начале XX века. М. : Наука, 1990. 198 с.
15. Мартыненко А. В. Вклад концепции Исмаила Гаспринского в формирование российской идентичности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (43). С. 30–35. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2017-3-3>.
16. Ахмедов А. Социальная доктрина ислама. М. : Изд-во политической литературы, 1982. 270 с.
17. Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н. «Панисламизм» и «пантюркизм» в российском общественно-политическом дискурсе конца XIX – первой трети XX веков: методологические размышления // Новый исторический вестник. 2024. № 3 (81). С. 183–214. https://doi.org/10.54770/20729286_2024_3_183.
18. Гайнетдинов Р. Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века – 30-е годы. Набережные Челны : Камский издательский дом, 1997. 159 с.
19. Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М. : Социально-политическая МЫСЛЬ, 2004. 600 с.
20. Пученков А. С. Религиозный фактор в годы гражданской войны в России: феномен, значение, региональная специфика / под ред. А. С. Пученкова. СПб. : Изд-во С. Петербург. ун-та., 2024. 572 с.
21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М. : АСТ, 2003. 576 с.
22. Мусхаджиев С.-Х. Х. Политико-правовая доктрина ислама: теоретический аспект // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2011. № 2. С. 57–63.

REFERENCES

1. Bakhturina A. Yu., Rostislavtseva N. V. The outskirts of the Russian Empire. Public administration and the national question (1894–1914). Moscow : RGTU, 2024. 348 p. (In Russ.)
2. Imperial Russia and the Muslim world: the late 18th and early 20th centuries : collection of articles / compiled, introductory article, foreword and comments by D. Yu. Arapov. Moscow : Natalis, 2006. 480 p. (In Russ.)
3. Samigullin V. K. Ismail-bei Gaspraly and his conception of the modernization of Turkic-Tatar Muslim community // Politics and society. 2004. No. 1. P. 133–142. (In Russ.)
4. Samigullin V. K. Islam and law: the experience of comprehension : monograph. Ufa : Gilem, 2006. 240 p. (In Russ.)
5. Arapov D. Yu. Islam and the Soviet State (1917–1936) : collection of documents. Issue 2. Moscow : Mardzhani Publishing House, 2010. 208 p. (In Russ.)

6. Arapov D. Yu., Kosach G. G. Islam and the Soviet State (based on materials of the Eastern Department of the OGPU). Issue 1. Nizhny Novgorod : Mardzhani Publishing House, 2010. 154 p. (In Russ.)
7. Iskhakov S. M. Russian Muslims and the revolution (spring of 1917 – summer of 1918). Moscow : Socio-political thought, 2004. 600 p. (In Russ.)
8. Mukhametdinov R. F. The Tatar-Bashkir question in 1917 // Questions of history. 2007. Issue 7. P. 135–139. (In Russ.)
9. The complete code of laws of the Russian Empire : in 2 books / ed. by A. A. Dobrovolsky. Saint-Petersburg, 1911. (In Russ.)
10. Matveev V. A. Confessional aspects of Russian policy in the North Caucasus in the second half of the 19th – early 20th Century // Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. 2014. No. 12 (51). P. 39–54. (In Russ.)
11. Gasprinskii I. Russian Islam. Thoughts, notes, and observations // Islam in the Russian Empire (legislative acts, descriptions, statistics) / compiled, introductory article, foreword and applications by D. Yu. Arapov. Moscow : Akademkniga, 2001. 367 p. (In Russ.)
12. Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munchen : Beck, 1992. 380 p.
13. Kuliev F. M. Legal regulation of the activity of confessions in the Russian Empire in the late 18th – early 20th century // Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. 2015. No. 15 (54). P. 14–24. (In Russ.)
14. Salikhov R. R. Social and philosophical thought in Tatarstan at the beginning of the 20th century. Moscow : Nauka, 1990. 198 p. (In Russ.)
15. Martynenko A. V. The contribution of Ismail Gasprinsky's concept to the formation of Russian identity // University proceedings. Volga region. Humanities. 2017. No. 3 (43). P. 30–35. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2017-3-3>. (In Russ.)
16. Akhmedov A. The social doctrine of Islam. Moscow : Political literature publ., 1982. 270 p. (In Russ.)
17. Senyutkina O. N., Guseva Yu. N. "Pan-Islamism" and "Pan-Turkism" in Russian socio-political discourse from the late 19th through the first third of the 20th centuries: methodological reflections // The new historical bulletin. 2024. No. 3 (81). P. 183–214. (In Russ.)
18. Gainetdinov R. B. Turkic-Tatar political emigration: the beginning of the 20th century – the 1930s. Naberezhnye Chelny : Kamskii izdatel'skii dom, 1997. 159 p. (In Russ.)
19. Iskhakov S. M. Russian Muslims and the Revolution (spring 1917 – summer 1918). Moscow : Sotsial'no-politicheskaya MYSL', 2004. 600 p. (In Russ.)
20. Puchenkov A. S. The religious factor during the Russian Civil War: phenomenon, significance, regional specifics. St. Petersburg : Saint Petersburg University press, 2024. 572 p. (In Russ.)
21. Samuel P. Huntington. The clash of civilizations and the remaking of world order. N. Y. : Simon & Schuster, 1996.
22. Muskhadzhiyev S.-Kh. Kh. Political and legal doctrine of Islam: theoretical aspect // Bulletin of Maykop State Technological University. 2011. No. 2. P. 57–63. (In Russ.)

Информация об авторе:

Шепелев В. Г. – аспирант.

Information about the author:

Shepelev V. G. – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 25.03.2026; одобрена после рецензирования 12.04.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 25.03.2026; approved after reviewing 12.04.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 342.518:351.74(470)

Венир Калимуллович Самигуллин

Уфимский юридический институт

МВД России, Уфа, Россия, svenir@internet.ru

О ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В данной статье общетеоретического плана предлагается обобщенное понятие «субъект правоохранительной деятельности», который, выполняя различные предметно-функциональные роли, профессионализируется, то есть деятельно утверждает как профессионал собственное «Я», находясь под влиянием множества факторов. Эти факторы условно могут быть подразделены на виды по разным критериям; предлагается их классификация. На взгляд автора статьи, профессионализация субъекта правоохранительной деятельности – сложный процесс, в котором по признаку «включенности» субъекта в сферу правоохранительной деятельности следует различать ступени (стадии) развития: дослужебную, служебную, постслужебную. Отмечается, что с проблемами и вопросами профессионализации субъектов правоохранительной деятельности связаны процессы депрофессионализации и репрофессионализации. Высказываются соображения по поводу качества действующего законодательства, которое предстает как один из факторов профессионализации субъекта правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: профессионализация, правоохранительные органы, субъект правоохранительной деятельности, стадии профессионализации, депрофессионализация, репрофессионализация

Для цитирования: Самигуллин В. К. О профессионализации субъекта правоохранительной деятельности // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 2 (26). С. 22–29.

Original article

Venir K. Samigullin

*Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Ufa, Russia, svenir@internet.ru*

ON THE PROFESSIONALIZATION OF A SUBJECT OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Abstract. In the article of a general theoretical framework a generalized concept of a “subject of law enforcement activity” is proposed, which performing various subject-functional roles professionalizes, that is, actively asserts its own “I” as a professional, being under the influence of many factors that can be conditionally divided into types according to different criteria. A classification of these factors is given. In the author’s view, the professionalization of a law enforcement officer is a complex process during which stages of development should be distinguished based on an officer’s “involvement” in law enforcement: pre-service, in-service, and post-service ones. It is noted that the processes of deprofessionalization and reprofessionalization are linked to the problems and issues of professionalization of law enforcement agencies. The author expresses thoughts on the quality of current legislation which is seen as one of the factors of the professionalization of law enforcement agencies.

Keywords: professionalization, law enforcement agencies, law enforcement agency, stages of professionalization, deprofessionalization, reprofessionalization

For citation: Samigullin V. K. On the professionalization of a subject of law enforcement agencies // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 2 (26). P. 22–29. (In Russ.)

© Самигуллин В. К., 2026

Введение

Правоохранительная деятельность представляет собой специфическую разновидность государственной деятельности, которая разнопланова и предполагает формирование и функционирование определенных специализированных структур публичной власти. В современной России это прежде всего: Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России) и входящая в его структуру полиция, Министерство юстиции Российской Федерации (Минюст России), Федеральная служба войск национальной гвардии (Росгвардия), Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ России) и ее пограничная служба, Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России), Федеральная таможенная служба (ФТС России), Следственный комитет Российской Федерации (СК России), прокуратура Российской Федерации.

Там, где режим правления в системе государственности тяготеет к тоталитаризму или авторитаризму, а то и вовсе тоталитарен или авторитарен, правоохранительные органы и суд сращиваются. По существу, правоохранительные органы предстают в основном как карательные учреждения. В этом случае даже суд, который должен бы быть не на осуд, а на рассуд, фактически утрачивая свою независимость и самостоятельность, оказывается в ситуации, когда он подчинен карательным органам. Это характерно для сложившейся в Союзе ССР административно-командной системы, особенно для ее деятельности в период политики Большого террора, когда квазисудебными органами («тройками», «двойками»), состоящими при советских карательных органах, было привлечено к юридической ответственности значительное количество граждан. И в отношении них этими квазисудами были применены разные меры уголовного наказания, вплоть до расстрела, они не особо разбирались с вопросами о вине или о риске. Лицами, понимавшими справедливость весьма специфично, составы преступлений не устанавливались надлежащим образом. Следуя негласному правилу «укажите нам

на субъекта, а состав преступления мы для него всегда найдем», часто составы преступления просто приписывались лицам, которые по тем или иным причинам стали неудобными властям. А приговоры, особенно предусматривающие высшую меру социальной защиты, приводились в исполнение незамедлительно [1]

Там, где общество и его государственность развиваются, придерживаясь норм, принципов, ценностей свободы и демократии, господствует иной взгляд – принцип разделения властей, по которому правоохранительные органы и суд не отождествляются. По Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. государственность в России демократическая (статья 1), суд, относясь к судебной ветви власти, представляет собой исключительный и специфичный орган государственной власти. В Российской Федерации исключительность и специфичность суда заключается в том, что главное назначение его – осуществление правосудия посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства (статья 118 Конституции Российской Федерации). И здесь главное – не допустить, чтобы правосудие не обратилось в свою противоположность – в кривосудие.

В некоторой степени дискуссионным является вопрос о месте Следственного комитета и прокуратуры в системе органов государственной власти Российской Федерации. Не вступая в дискуссию, отметим, что имеется больше оснований рассматривать эти органы как предметно и функционально специализированные структуры, тяготеющие к судебной ветви государственной власти.

В интересах отправления правосудия в соответствии с конституционно закрепленными принципами Следственный комитет осуществляет в пределах своей компетенции предварительное расследование, а прокуратуре характерны функции, схожие с контролем, но не сводящиеся к ней. В советское время считалось, что прокуратура осуществляет высший надзор за обеспечением социалистической законности.

В постсоветское время отошли от такого понимания предназначения прокуратуры. Теперь, согласно части первой статьи 129 Конституции Российской Федерации, «прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются федеральным законом»¹. Сегодня таким законом является Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2201-1 «О прокуратуре Российской Федерации», в который внесены многочисленные изменения и дополнения².

П. В. Анисимов обосновывает необходимость и возможность развития теории правозащитного регулирования. В понятийно-категориальном отношении особенность правозащитного регулирования он видит в том, что для него характерно, «с одной стороны, определенная функциональная, динамическая согласованность с понятием «правовое регулирование», а с другой – существенное отличие, связанное со специфическим набором правовых средств, которые, с одной стороны, выражают юридическую природу и регулятивную ценность защиты прав человека, а с другой – функционально предназначены для регулирования процесса осуществления прав человека на правовую защиту» [2, с. 71]. Он отмечает, что развитие этого направления в теоретической и практической юриспруденции предполагает формирование новых понятий: «защита права», «защита прав человека», «право человека на правовую защиту», «правозащитная деятельность», «правозащитные отношения», «правозащитное регулирование и его систе-

ма», «правозащитный метод регулирований» [2, с. 65, 225]. Многие из отстаиваемых им практически значимых теоретических положений уже реализовано. Дальнейшее углубление в проблематику правозащиты требует дополнительного обсуждения вопроса о правовом статусе нотариата, адвокатуры, института уполномоченного по правам человека, а также о правовом статусе юридической службы, которая неплохо «вписалась» в структуры ряда органов государственной власти и органов местного самоуправления, в организации, специализирующиеся в области бизнеса, здравоохранения и т. д.

Методы

При подготовке статьи к публикации использованы различные научные методы: анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, классификация и др.

Результаты

Понятие «субъект права» в теоретической и практической юриспруденции имеет разные смыслы. В данном случае оно используется в значении лица, образующего элемент людского субстрата правоохранительных органов и осуществляющего в соответствии с основным функциональным назначением этих органов конкретную правоохранительную деятельность в пределах своих полномочий. В законодательстве встречаются различные определения этого лица: «должностное лицо», «сотрудник» и т. д. Для его характеристики имеет значение и то, какова должность, занимаемая таким лицом, его специальное звание и другие данные, позволяющие составить определенное представление об этом лице как о конкретной персоне.

Философами, учеными и специалистами большое внимание уделяется проблематике формирования морального облика сотрудника правоохранительных органов. Так, по А. А. Исаеву, Р. М. Янбухтину, П. А. Сухоплюеву, М. М. Закомалдину, «моральный

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон. от 17 янв. 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

облик сотрудника органов внутренних дел следует рассматривать как совокупность целого комплекса профессионально значимых качеств, формируемых и реализуемых в процессе правоохранительной деятельности, повседневном служебном и внеслужебном поведении и общении¹. И это справедливо. Но вот что интересно. Как свидетельствует широкая практика, и это подтверждается данными социологических исследований, в плане морального облика сотрудник правоохранительных органов может соответствовать самым высоким критериям, тем не менее этот сотрудник как профессионал может не отвечать тем требованиям, которые необходимы для решения конкретных задач². Возникает интересная и в то же время серьезная проблема о профессионализации субъектов правоохранительной деятельности. Какова степень профессионализации тех или иных сотрудников правоохранительных органов? Насколько их профессионализация отвечает современным вызовам? Что необходимо, чтобы в плане профессионализации сотрудники органов внутренних дел были всегда на должном уровне?

Разумеется, проблематику профессионализации сотрудников правоохранительных органов нельзя противопоставлять проблематике формирования их морального облика. В философском отношении эти обозначенные проблематики образуют известное единство. Вместе с тем полагаем, что в рамках этого единства профессионализация сотрудников правоохранительных органов представляет собой вполне самостоятельный предмет осмысления в интересах практики, которая динамична и не во всем предсказуема.

Что значит профессионализация субъектов правоохранительной деятельности?

Многое говорит в пользу того, что профессионализация субъекта правоохранительной деятельности – это сложный про-

цесс, сопряженный, с одной стороны, с социализацией личности, а с другой – с ее специализацией, профессиональной адаптацией, то есть с приобщением субъекта правоохранительной деятельности к особенностям конкретной профессиональной правовой специализации, к окружающей его непосредственно социальной среде. В этом отношении профессионализация субъекта правоохранительной деятельности – деятельное утверждение как профессионал собственного «Я», находясь под влиянием множества факторов, которые условно могут быть подразделены на виды по разным критериям. К примеру, допустимо различать по меньшей мере следующие разновидности этих факторов:

1. По воздействию на сознание и волю субъекта правоохранительной деятельности: «мега», «макро», «мезо», «микро».

2. По признаку направлений деятельности общества и его государственности: политические, экономические, социальные и др.

3. Если различать право и неправое, то могут быть выделены правовые и неправовые факторы.

По признаку «включенности» субъекта в сферу правоохранительной деятельности, думается, полезно различать ступени (или стадии) профессионализации. Если следовать сказанному, то возникает возможность вести речь о следующих видах профессионализации: дослужебной, служебной, постслужебной.

Дослужебная профессионализация приходится главным образом на время обучения в определенном образовательном учреждении юридического профиля, и вопросы, относящиеся к ней, регулируются преимущественно нормами образовательного права (законодательства). Здесь на протяжении уже длительного времени дискуссионной является проблема качества образования, направлений и профилей, форм и методов

¹ Формирование морального облика сотрудников органов внутренних дел : учеб. пособие / А. А. Исаев, Р. М. Янбухтин, П. А. Сухоплюев, М. М. Закомалдин. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2024. С. 12.

² В. В. Орбинский [3] правильно обращает внимание на ряд недостатков юридического образования, но профессионализацию юриста он понимает специфически, субъективно.

образовательной деятельности, форм контроля.

Характерной особенностью служебной профессионализации является продвижение по службе, связанное с выполнением субъектом правоохранительной деятельности гражданского долга, добросовестным исполнением служебных обязанностей, преодолением возникающих сложностей, которые часто имеют ситуативный характер. Отношения в области служебной профессионализации регулируются Конституцией Российской Федерации, законодательством о государственной службе, рядом правовых актов, конкретизирующих и развивающих его. Особое место среди них занимают ведомственные правовые акты, определяющие порядок прохождения государственной службы в соответствующих правоохранительных органах, права и обязанности субъекта правоохранительной деятельности, гарантии.

Так, применительно к сотрудникам органов внутренних дел, проходящим государственную службу в структурах МВД России, значимыми являются Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, положения о структурных подразделениях, должностные инструкции.

В пункте 9.1 Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденном приказом МВД России от 26 июня 2020 г. № 460, записано, что сотрудник, замещающий должность руководителя (начальника), должен «быть примером профессионализма, образцового выполнения служебных обязанностей, этических требований, соблюдения служебной дисциплины и законности»².

Почему подобными качествами должен обладать только такой, а не всякий и каждый сотрудник органов внутренних дел? Представляется, что приведенная формулировка носит общий характер, поэтому она должна быть распространена на всех сотрудников органов внутренних дел, следовательно, заслуживает перевода в раздел второй Кодекса, который посвящен основным этическим требованиям, предписываемым сотруднику органов внутренних дел.

Вопросы постслужебной профессионализации субъектов правоохранительной деятельности в законодательном отношении урегулированы менее основательно. Думается, обусловлено это общей недооценкой в обществе и его государственности вопросов геронтологии, недостаточным все же вниманием к жизни и деятельности субъектов правоохранительной деятельности, отслуживших положенное время в тех или иных структурах правоохранительных органов, особенно со стороны современной молодежи, не лишенной амбиций, но проблемной в плане социализации.

О степени профессионализации субъектов правоохранительной деятельности можно составить известное представление по объему и качеству их знаний, умений и навыков в области общекультурной подготовки и профессиональной специализации.

Для успешной карьеры в правоохранительных органах недостаточно только диплома, требуются еще личностные и морально-волевые качества:

- высокий уровень стрессоустойчивости: способность сохранять самообладание и принимать взвешенные решения в конфликтных и экстремальных ситуациях;
- принципиальность и честность: неукоснительное следование закону и моральным принципам, неподкупность;

¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49 (ч. 1), ст. 7020.

² Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460. Доступ из СТРАС «Юрист».

– физическая выносливость и готовность к действию: отличная форма, способность к быстрой реакции и работе в условиях повышенных нагрузок;

– способность осознанно рисковать, что особенно важно для бойцов спецподразделений;

– коммуникативные навыки: умение находить общий язык с разными людьми, ясно излагать свои мысли и работать в команде;

– аналитический склад ума: способность анализировать информацию, выделять главное и логически мыслить;

– ответственность и дисциплинированность: понимание последствий своих действий и строгое соблюдение уставов и нормативов¹.

С этим в принципе можно согласиться. В основном задана верная ориентировка, хотя не противопоказано иметь и иной взгляд, желательно в рамках конструктивизма.

В плане знаний в области права и государства субъекты правоохранительной деятельности продвинуты². Однако для утверждения их как профессионалов в условиях современных социальных реалий достаточен ли сложившийся набор знаний в этой области? Может быть, чтобы не спастись перед натиском вызовов и угроз, обусловленных стихией рыночной экономики, активной и бесконтрольной цифровизацией общественных отношений, настойчивым внедрением ее в производство, в сферы потребления, обмена, распределения, в широкий быт, словом, в повседневную жизнь, необходимо «укрепить» их за счет некото-

рых современных знаний в области естественных наук и технико-технологических знаний? К сожалению, данных и материалов исследовательского характера по обозначенным вопросам для широких обобщений и перехода из состояния неопределенности в определенность пока маловато.

Профессионализация субъекта правоохранительной деятельности связана с самодисциплиной и самоорганизованностью, дисциплиной и законностью. Если в публичной сфере закон – мера политическая³, то законность – мера закона. Состояние законности зависит от обстоятельств, относящихся к области *de facto*, и от обстоятельств, относящихся к сфере *de jure*, то есть от закона, от его качества. К качеству современного российского законодательства немало нареканий со стороны юристов, как ученых, так и практиков, экспертов, специалистов, а также населения.

Даже действующий федеральный закон о прокуратуре, которым ныне руководствуется прокуратура «в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства» (часть вторая статьи 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»), не свободен от противоречий. Хотя статус государственного служащего отличается от статуса лица, работающего по трудовому договору с работодателем, и статуса любого другого лица, не являющегося государственным служащим, в указанном законе закреплено: «Прокурор-

¹ Правоохранительные профессии: ТОП-12 самых востребованных + редкие // Каталог образования. URL: <https://kedu.ru/press-center/articles/pravookhranitelnye-professii/> (дата обращения: 15.01.2026).

² Особенно это заметно на фоне населения, где наблюдается развитие, с одной стороны, юридического идеализма, а с другой – правового нигилизма. Н. И. Матузов справедливо писал, что правовой нигилизм и юридический идеализм образуют две стороны «одной медали» [4; 5], то есть они – правовой нигилизм и юридический идеализм – представляют собой специфические социальные явления, которые с разных сторон и своеобразно характеризуют одно и то же – правовое бескультурье основной массы населения.

³ В частной сфере предпочтение отдается договору, не отвергается безоговорочно и обычай. Но при развитом законодательстве, что особенно характерно культуре стран, народов, приверженных романо-германской (континентальной) правовой семье, договорная практика даже в условиях «свободы договора» развивается, все же ориентируясь на публичный закон. Здесь действие закона обеспечено национальным правом суверенного государства лучше, хотя проблем и вопросов, требующих внимания, анализа, решений, хватает. В культуре стран, народов, ориентирующихся на англо-саксонскую (островную) правовую систему, высоко ценится договор, а в современном международном праве договор – вообще ключевой источник права.

ские работники являются федеральными государственными служащими, исполняющими обязанности по должности федеральной государственной службы с учетом требований настоящего Федерального закона» (часть первая статьи 40)¹. Этим уже в самом определении статуса прокурора допущена двусмысленность: прокурор есть кто – государственный служащий или работник?

В тексте данного закона прокуроры обозначены в одном месте как «прокуроры» (например, часть третья статьи 1, части первая, третья статьи 4, статья 5, статьи 22–34 и т. д.), в другом – как «прокурорские работники» (например, часть четвертая статьи 4, статьи 41, 41.1, 41.2 и др.), в третьем – как «работники» (статьи 41.4, 41.6, части первые статей 41.7, 41.8, 41.9 и др.).

Неясно: все же прокурор – державник, призванный служить закону и правопорядку с сознанием высокой социальной ответственности, или он всего лишь наемный работник, который более или менее добросовестно отработывает за содержание время, отведенное для выполнения функциональных обязанностей на своем «производственном участке»?

В части первой статьи 11 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» установлено, что военная прокуратура, как и иные специализированные прокуратуры, входит в общую систему прокуратуры Российской Федерации. Вместе с тем часть 8 статьи 48 данного закона гласит, что военные прокуроры являются офицерами, имеют статус военнослужащих, проходят военную службу в органах военной прокуратуры в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе»². Получается: с одной стороны, военные прокуроры, как и другие прокуроры, входят в систему субординационных отношений в общей системе российской прокуратуры, а с другой стороны, они являются офицерами, находящимися в служебной зависимости

от руководства военного ведомства. Могут ли в такой ситуации военные прокуроры действительно осуществлять прокурорские полномочия «независимо от федеральных органов государственной власти <...> в строгом соответствии с действующими на территории Российской Федерации законами», как требует статья 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»?

С проблемами и вопросами профессионализации субъектов правоохранительной деятельности связаны процессы депрофессионализации и репрофессионализации.

Депрофессионализация – это отказ субъекта правоохранительной деятельности от усвоенных ранее норм, принципов, ценностей. К этому ведет, например, длительное (более года) пребывание в состоянии незанятости профессиональной деятельностью в сфере правоохраны. Репрофессионализация – усвоение новых норм, принципов, ценностей взамен утраченных. Как правило, репрофессионализация имеет место при перестройке формы и системы правления, переходе на службу из одного ведомства в другое, перепрофилировании направления правоохранительной деятельности и в ряде других случаев.

Если вдуматься, то депрофессионализация и репрофессионализация – это вопросы не только текучести кадров, а более глубокого свойства: о социальной ориентации, патриотизме, оптимальном соотношении субъектов правоохранительной деятельности в структурах правоохранительных органов в гендерном плане, возрастном отношении и др.

Заключение

Тема профессионализации субъекта правоохранительной деятельности глубока и обширна, чтобы охватить и осветить ее в одной небольшой статье. Поэтому в этом «погружении» в проблематику ограничимся приведенным в надежде на то, что она (тема) станет предметом обсуждений, исследований, публикаций.

¹ О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон. от 17 янв. 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941 гг.) : моногр. Уфа : Акад. МВД РФ, Уфим. ВШ МВД РФ, 1994. 468 с.
2. Анисимов П. В. Права человека и правозащитное регулирование. Проблемы теории и практики : моногр. Волгоград : ВА МВД России, 2004. 252 с.
3. Оробинский В. В. Чему не учат на юрфаке: все части легендарной трилогии + новые главы. Изд. 8-е. Ростов н/Д : Феникс, 2023. 573 с.
4. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 3–16.
5. Матузов Н. И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Правовая культура. 2013. № 1 (14). С. 8–18.

REFERENCES

1. Rasskazov L. P. "Punitive organs in the formation of the administrative and command system in the Soviet State (1917–1941). Ufa : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ufa Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1994. 468 p. (In Russ.)
2. Anisimov P. V. Human rights and human rights regulation. Problems of theory and practice. Volgograd : Military Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. 252 p. (In Russ.)
3. Orobinsky V. V. What they do not teach you at law schools: all parts of the legendary trilogy + new chapters. 8th ed. Rostov-on-Don : Phoenix, 2023. 573 p. (In Russ.)
4. Matuzov N. I. Legal nihilism and legal idealism as two sides of the same coin // Legal science. 1994. No. 2. P. 3–16. (In Russ.)
5. Matuzov N. I. Legal idealism as the reverse side of legal nihilism // Legal culture. 2013. No. 1 (14). P. 8–18. (In Russ.)

Информация об авторе:

Самигуллин В. К. – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

Samigullin V. K. – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 343.148(470)

**Роман Александрович Кокорев¹,
Анатолий Михайлович Кустов²**

¹ *Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Руза, Россия, Kokorev_Roman@mail.ru*

² *Академия управления МВД России, Москва, Россия, Amkustov@bk.ru*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового статуса заключения специалиста в уголовном процессе и выявлению недостатков существующего законодательного регулирования. Авторы проводят сравнительный анализ положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации относительно заключения специалиста и заключения эксперта, отмечая наличие существенных различий в процедурах оформления и оценки указанных видов доказательств. Рассматриваются проблемы, возникающие вследствие отсутствия четко установленных стандартов для заключения специалиста, что негативно сказывается на его доказательственном значении и вызывает трудности в правоприменительной практике. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию законодательства, направленные на устранение существующих правовых пробелов и повышение качества заключения специалиста.

Ключевые слова: заключение специалиста, заключение эксперта, доказательства, уголовный процесс, судебная экспертиза, правовая оценка, критерии доказывания

Для цитирования: Кокорев Р. А., Кустов А. М. Заключение специалиста как самостоятельное средство доказывания: проблемы правового регулирования // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 2 (26). С. 30–38.

Original article

Roman A. Kokorev¹, Anatoly M. Kustov²

¹ *Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Ruza, Russia, Kokorev_Roman@mail.ru*

² *Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, Amkustov@bk.ru*

EXPERT OPINION AS AN INDEPENDENT MEANS OF PROOF: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Abstract. The article is devoted to the study of the legal status of a specialist conclusion in criminal proceedings and identification of shortcomings in existing legislative regulation. The authors conduct a comparative study of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation concerning a specialist's conclusion and an expert's conclusion, highlighting significant differences in procedures for preparation and assessment of these types of evidence. The problems arising from the absence of clearly established standards for a specialist's conclusion are discussed, which negatively affects its evidentiary value

© Кокорев Р. А., Кустов А. М., 2026

and causes difficulties in law enforcement practice. Specific measures are proposed to improve legislation aimed at eliminating existing legal gaps and improving the quality of a specialist opinion.

Keywords: specialist conclusion, expert opinion, evidence, criminal procedure, judicial examination, legal assessment, evidentiary criteria

For citation: Kokorev R. A., Kustov A. M. Expert opinion as an independent means of proof: problems of legal regulation // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 2 (26). P. 30–38. (In Russ.)

Введение

Современный уголовный процесс все чаще сталкивается с вопросами, выходящими за рамки обыденного опыта судей, такими как цифровые следы, финансовые схемы, технические стандарты [1, с. 25; 2, с. 71; 3, с. 34]. Специалисты и эксперты, привлекаемые при раскрытии преступлений, расследовании и разрешении уголовных дел, играют важную роль в формировании доказательственной базы, особенно в сложных уголовных делах, требующих узкоспециализированных знаний. Их участие позволяет суду получить дополнительную информацию, которая может повлиять на окончательное решение по уголовному делу.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает следующие формы использования специальных знаний в качестве доказательств по уголовному делу: «заклучение и показание эксперта» и «заклучение и показание специалиста». Несмотря на наличие нормативного регулирования, в научной литературе и судебной практике сохраняется неопределенность в разграничении данных доказательств, что нередко приводит к процессуальным нарушениям. В этой связи возникает закономерный вопрос: может ли заклучение лица, обладающего специальными знаниями, но не наделенного статусом эксперта, служить самостоятельным средством доказывания? Проанализировав п. 3.1 ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), можно ответить утвердительно. При этом, хотя закон предусматривает возможность применения заклучения специалиста, единообразия судебной практики по данному вопросу пока не достигнуто. Часто мнение специалиста, изложенное в заклучении, не принимается судом в качестве само-

стоятельного доказательства по уголовному делу [4, с. 52–54]. Между тем в условиях возрастающей сложности судебных споров, требующих привлечения узкопрофильных специалистов, отсутствие четкого правового регулирования порядка оценки заклучения специалиста создает риски для обеспечения справедливости судебного разбирательства по уголовному делу.

Заклучение специалиста формально признается самостоятельным средством доказывания (несмотря на прямое закрепление в ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Однако остро стоит проблема отсутствия установленной процессуальной формы и содержания письменного заклучения специалиста. В правоприменительной практике назрела необходимость анализа требований законодателя к заклучениям эксперта и специалиста, поскольку корректное оформление данных заклучений напрямую влияет на допустимость представленных доказательств [5, с. 3]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения баланса между эффективностью расследования и защитой прав участников уголовного судопроизводства.

Методы

В исследовании применялись следующие методы: формально-юридический (анализ норм УПК РФ, а также других нормативных правовых актов, регулирующих участие специалиста в уголовном судопроизводстве, что позволило выявить пробелы, коллизии и неопределенности в законодательстве), сравнительно-правовой (анализ правоприменительных практик и выявление возможных путей совершенствования вопросов по применению заклучения специалиста), анализ судебной практики (изучение позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, а также решений нижестоящих судов

по делам, где использовалось заключение специалиста, что позволило выявить типичные ошибки, спорные вопросы и тенденции применения норм), доктринальный анализ (обобщение и критический анализ научных взглядов отечественных ученых по вопросам природы, функций и места заключения специалиста в системе доказательств), системно-структурный (рассмотрение заключения специалиста в контексте всей системы доказывания: его соотношение с заключением эксперта в целях выявления логических и функциональных противоречий). Данные методы исследования позволили выявить пробелы в законодательстве и предложить пути их устранения.

Результаты

В рамках уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации заключения экспертов традиционно рассматриваются как самостоятельные доказательства, тогда как заключения специалистов часто игнорируются или признаются недостаточно обоснованными. Следовательно, складывается парадоксальная ситуация: экспертное заключение формально признается средством доказывания в соответствии с п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, тогда как выводы специалиста, обладающего требуемой компетентностью, фактически остаются вне ясного правового регулирования. Данное обстоятельство потенциально ведет к необоснованным ограничениям прав участников уголовного судопроизводства на надлежащую защиту своих интересов.

Уголовно-процессуальный закон отражает двойственный характер статуса заключения специалиста. Согласно ч. 3 ст. 80 УПК РФ, заключение специалиста – представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. Однако порядок оформления таких суждений в качестве письменного заключения не регламентирован законом [6, с. 101]. Это создает пробелы в правоприменительной практике, требующие глубокого анализа нормативной основы. В этой

связи возникает необходимость проведения сравнительного анализа ст. 57, 58, 74, 80, 88, 159, 204 УПК РФ, ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» (далее – ППВС РФ от 21 декабря 2010 г. № 28), от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» (далее – ППВС РФ от 19 декабря 2017 г. № 51).

В пункте 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ указано, что в качестве доказательств допускаются «заключение и показания специалиста», соответственно, законодатель признает заключение специалиста самостоятельным видом доказательства, что наделяет его юридической силой [7, с. 105; 8, с. 81–90]. И как подчеркивает С. Б. Россинский, в практической деятельности представленное стороной заключение специалиста часто является весомым аргументом для того, чтобы подвергнуть сомнению ранее полученное экспертное¹.

В правоприменительной практике сложилась ситуация, что такой возможностью чаще всего пользуется защитник-адвокат, который имеет право получения заключения специалиста на основании подп. 4 п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [9, с. 33]. Подозреваемому, обвиняемому, их защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их законным представителям не может быть отказано в ходатайстве о приобщении к материалам уголовного дела доказательств, включая заключения специалистов, при условии, что обстоятельства, подлежащие установлению посредством указанных доказательств, имеют существенное значение для разрешения уголовного дела и данные доказательства обладают такими свойствами, как относимость, допустимость

¹ Россинский С. Б. Уголовный процесс : учеб. М. : Эксмо, 2009. С. 235.

и достоверность (ст. 88, 159 УПК РФ). Однако, в отличие от экспертного заключения, детально регламентированного как по процедуре назначения, так и по содержанию и форме (ст. 196 УПК РФ), заключение специалиста остается в правовом вакууме.

Заключение специалиста в уголовном судопроизводстве регламентируется ст. 80 УПК РФ, в ч. 3 которой отмечено, что заключение специалиста – это представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами [7, с. 105]. В свою очередь, законодатель не дает разъяснений, что понимать под суждением специалиста и, соответственно, какие требования к нему предъявляются. Ученые и практики, изучающие данный вопрос, высказываются неоднозначно.

Таким образом, в научной литературе существуют различные подходы к пониманию природы суждения специалиста. Так, часть исследователей трактует суждение специалиста как единый познавательный акт, посредством которого путем утверждения или отрицания устанавливается наличие или отсутствие определенных признаков у конкретного предмета, явления или события [10, с. 53]. При этом подчеркивается, что суждение специалиста не сводится к выражению субъективного мнения, а представляет собой сложный познавательный процесс, включающий применение методов эмпирического познания.

В частности, А. М. Зинин отмечает, что заключению специалиста присущи отдельные элементы, характерные для экспертного процесса, включая такие этапы, как осмотр и предварительное изучение объектов, выявление их признаков, анализ указанных признаков с использованием методик, соответствующих конкретной ситуации, а также формулирование выводов. Вместе с тем, в отличие от эксперта, специалист не наделен полномочиями проводить углубленное исследование объектов или осуществлять эксперименты, что является прерогативой судебной экспертизы [9, с. 34]. Иные авторы акцентируют внимание на логической структуре суждения специалиста, полагая,

что оно должно быть оформлено в виде простого логического силлогизма, а его конечный вывод представлен в форме обоснованного умозаключения [11; 9, с. 34].

Заключение специалиста дополняет процесс судопроизводства, особенно там, где требуются дополнительные разъяснения, но оно не способно заменить обязательную судебную экспертизу, предусмотренную нормами закона [12, с. 115]. Результаты изученной судебной практики позволяют утверждать, что заключение специалиста служит дополнительным инструментом для выяснения фактических обстоятельств уголовного дела и принятия мотивированного судебного решения. Об этом неоднократно подчеркивалось в постановлениях Верховного Суда Российской Федерации. Так, в п. 16 ППВС РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 говорится о том, что «специалист высказывает свое суждение по заданным ему вопросам как в устном виде, что отражается в протоколе судебного заседания, так и в виде заключения, которое приобщается к материалам дела. При этом заключение специалиста не может подменять заключение эксперта, если оно требуется по делу». ППВС РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 подробно разъясняет лишь деятельность эксперта по производству судебной экспертизы. К примеру, в анализируемом постановлении дается пояснение, что понимать под недостаточной ясностью или неполнотой заключения эксперта (п. 13). Про деятельность специалиста указывается лишь то, что заключение специалиста приобщается к материалам уголовного дела и используется в процессе доказывания, но если заключение было получено в соответствии с ч. 3 ст. 80 УПК РФ (п. 6).

Таким образом, проанализировав нормы уголовно-процессуального закона, в том числе главу 27 УПК РФ, мнения ученых, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что ключевое методологическое различие между специалистом и экспертом заключается в характере их участия в процессе. Эксперт устанавливает новые факты на основе исследования пред-

ставленных материалов. Специалист же не устанавливает факты, а лишь разъясняет уже известные с позиции специальных знаний. В этой связи структура заключения специалиста не может включать исследовательскую часть, она была бы не только избыточной, но и процессуально некорректной. Вместо этого заключение специалиста должно быть ограничено пределами пояснения – ответами на конкретные вопросы, основанными на общепризнанных научных или профессиональных положениях.

Итак, заключение специалиста формально признается доказательством. Однако оно не регулируется по форме, содержанию, процессуальному порядку проведения и оформлению (в отличие от заключения эксперта – ст. 204 УПК РФ). Такая ситуация порождает правовую неясность, уменьшает убедительность заключения специалиста и способствует возникновению субъективизма в судебных оценках.

В соответствии с ч. 3 ст. 80 УПК РФ специалист должен представить свое заключение в письменном виде. Как отмечалось ранее, заключение специалиста представляет собой самостоятельный вид доказательств, вследствие чего подлежит оценке по общим критериям, установленным ч. 1 ст. 88 УПК РФ, а именно с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Разделяя позицию А. М. Зинина, представляется обоснованным утверждение о том, что лаконичный ответ специалиста, не содержащий развернутого обоснования, затрудняет или делает невозможным его адекватную оценку по указанным критериям [9, с. 33].

В практике правоприменения сложилось устойчивое понимание того, что заключение специалиста должно сопровождаться соответствующей аргументацией: в нем должны быть отражены источники информации, использованные при анализе объектов, перечислены выявленные признаки, а также логически обоснованы выводы (умозаключения), к которым пришел специалист. Только при соблюдении этих требований заключение может быть признано полноценным

доказательством, пригодным для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Стандарты, установленные для экспертов, могут служить основой для совершенствования нормативной базы заключений специалистов. Согласно ст. 204 УПК РФ, экспертное заключение должно включать строго структурированную информацию: дату, время и место проведения экспертизы, данные об эксперте, использованные методики, результаты исследований, а также дополнительные материалы (например, фотографии, графики). При этом выводы эксперта должны быть четко сформулированы, чтобы исключить возможность различных толкований. Эти требования помогают стандартизировать процесс подготовки заключений экспертов. Полагаем, что введение аналогичных требований для заключений специалистов позволит повысить качество и упростит оценку судами рассматриваемого вида доказательств.

Для устранения пробела в правовом регулировании целесообразно законодательно закрепить минимально необходимую структуру письменного заключения специалиста, аналогичную по духу, но не по содержанию, модели экспертного заключения. Полагаем, что такая мера обеспечит прозрачность и процессуальную определенность, не превращая специалиста в эксперта и не нарушая полномочия суда.

Одним из немаловажных аспектов является предупреждение эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения (п. 5 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, ст. 307 УК РФ). Необходимо отметить, что данная мера направлена на обеспечение объективности выводов экспертов и повышение доверия судей к их заключениям. В отличие от экспертов, исходя из анализа норм уголовно-процессуального закона, специалисты не подлежат аналогичной процедуре, что, соответственно, существенно снижает юридическую значимость их выводов. Данное обстоятельство затрудняет использование заключений специалистов в качестве полноценных доказательств, что ограничивает

возможности сторон защиты и обвинения в ходе судебного разбирательства.

Таким образом, проведенное исследование позволило обобщить и выделить следующие ключевые проблемы правового регулирования заключения специалиста как самостоятельного средства доказывания:

– неопределенность правового статуса заключения специалиста. Несмотря на формальное признание заключения специалиста самостоятельным доказательством, закон не раскрывает, чем оно принципиально отличается от заключения эксперта, устных пояснений. Проблема видится в том, что отсутствие четкой дефиниции ведет к произвольному толкованию и применению норм;

– недостаточную регламентацию формы и содержания заключения специалиста. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает обязательных требований к письменной форме заключения специалиста, его структуре, указанию квалификации специалиста, оснований, методов и использованных источников и др. В настоящее время заключение может быть устным и фиксируется в протоколе процессуального действия, что, бесспорно, затрудняет его проверку и оценку. Проблема видится в том, что отсутствие формальных требований снижает достоверность, проверяемость и доказательственную силу заключения специалиста;

– отсутствие процессуальных гарантий и ответственности специалиста. Специалист не привлекается к уголовной ответственности за дачу ложного заключения (анализ ст. 307 УК РФ). Не предусмотрена обязанность специалиста раскрыть свою квалификацию, образование, опыт. Проблема видится в слабой правовой защищенности прав участников уголовного судопроизводства;

– пробелы в механизме оценки заключения специалиста. Следователь и суд не имеют четких критериев для оценки достоверности и обоснованности заключения специалиста. Проблема видится в том, что следователь и суд вынуждены либо принимать заключение специалиста без дополнительной проверки,

либо игнорировать его, не имея инструментов для критического анализа.

Следовательно, отсутствие четких требований к содержанию заключения специалиста создает правовые коллизии и снижает его доказательственную силу. В целях единообразия правоприменительной практики представляется необходимым дополнить главу 27 УПК РФ «Производство судебной экспертизы» ст. 204.1 УПК РФ «Заключение специалиста», которую изложить в следующей редакции:

«1. В заключении специалиста указываются:

- 1) дата, время и место составления;
- 2) сведения о специалисте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы по специальности и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации);
- 3) основания привлечения специалиста;
- 4) вопросы, поставленные перед специалистом сторонами;
- 5) сведения о разъяснении специалисту прав и обязанностей, предусмотренных статьей 58 настоящего Кодекса;
- 6) сведения о предупреждении специалиста об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- 7) присутствующие лица;
- 8) материалы, представленные специалисту;
- 9) описание подходов, используемых в ходе анализа, и перечень научных, технических, специализированных или иных материалов, послуживших основой для формирования суждения;
- 10) обоснованные выводы.

2. Материалы, иллюстрирующие заключение специалиста (фотографии, схемы, графики и т. п.), прилагаются к заключению и являются его составной частью».

Вносимое предложение по дополнению главы 27 УПК РФ новой уголовно-процессуальной нормой порождает ряд следующих дополнений в уголовно-процессуальное законодательство и уголовный закон.

В уголовно-процессуальное законодательство, а именно в ст. 58 УПК РФ «Специ-

алист», предлагается внести следующие дополнения:

1) в часть 3. «Специалист вправе: ... » дополнить п. 5) давать заключение в пределах своей компетенции;

2) в часть 4. «Специалист не вправе давать заведомо ложное заключение, уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а также...».

3) дополнить новой частью 5, которую необходимо изложить в следующей редакции:

«5. За дачу заведомо ложного заключения специалист несет ответственность в соответствии со статьей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации».

В уголовный закон, а именно в ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод», внести следующие дополнения в ч. 1 и изложить ее в следующей редакции:

«1. Заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего либо заключение или показания эксперта, заключение или показания специалиста, а равно заведомо неправильный перевод в суде либо в ходе досудебного производства».

Заключение

Правовое разграничение заключений специалиста и эксперта является необходи-

мым условием обеспечения объективности доказывания в уголовном процессе. Юридическое оформление заключения специалиста требует не просто технических поправок, но переосмысления роли специальных знаний в доказывании. Заключение специалиста действительно может быть самостоятельным средством доказывания, но только при условии четкого правового регулирования его формы и содержания. Отсутствие таких норм в действующем законодательстве создает правовую неопределенность, снижает эффективность участия специалистов в уголовном судопроизводстве и ослабляет гарантии справедливого судебного разбирательства. Предложенная модель минимальной процессуальной формы заключения специалиста может быть реализована путем внесения соответствующих изменений в УПК РФ или через конкретные разъяснения Пленумом Верховного Суда Российской Федерации порядка использования письменных заключений специалистов. Полагаем, что подобная мера укрепит российскую доказательственную систему и приблизит ее к требованиям правовой определенности и процессуальной справедливости, к единообразному толкованию и применению уголовно-процессуального закона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Безлепкина О. В., Федотова А. В. Проблемные аспекты собирания электронных доказательств // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 2 (22). С. 25–35.
2. Хомяков Э. Г. О сущности цифровых следов в криминалистике и их фиксации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 71–82.
3. Абдраязов Р. Р. Отдельные вопросы использования цифровых следов в доказывании по уголовным делам // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 34–40.
4. Майлис Н. П. О соотношении заключений специалиста и эксперта // Актуальные вопросы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики : сб. статей. М. : Академия управления МВД России, 2004. С. 52–54.
5. Расулова Н. С. Заключение специалиста как средство доказывания в уголовном судопроизводстве : дис ... канд. юрид. наук. М., 2022. 200 с.
6. Кокорева Л. В. Применение специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании отдельных видов преступлений : сб. науч. статей по материалам межведомств. науч.-практ. конф., Руза, 24 апр. 2015 г. Руза : Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, 2015. С. 101–106.

7. Кокорева Л. В., Кузнецова Е. В. Заключение и показания специалиста нуждаются в законодательном уточнении // *Правоохранительная функция государства: актуальные вопросы теории и правоприменительной практики* : сб. статей научно-представительских мероприятий, Москва, 20 нояб. 2021 г. М. : ИП Колупаева Е.В., 2022. С. 105–107.
8. Беспалов В. Н. Процессуальные гарантии полноценного доказательственного значения заключения специалиста // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2025. № 1 (107). С. 81–90.
9. Зинин А. М. Заключение специалиста: сущность, содержание и форма // *Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2016. № 8. С. 32–37.
10. Еремин С. Н., Духно Н. А., Корухов Ю. Г. Теоретические и практические проблемы участия специалиста в уголовном процессе. М. : ЮИ МГУПС, 2005. 175 с.
11. Кудрявцева А. В., Радионова М. А. Применение и использование знаний сведущих лиц в уголовном судопроизводстве : моногр. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2020. 206 с.
12. Кокорева Л. В., Сидорова Е. И. Судебная экспертиза: понятие, функции, принципы // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*. 2023. № 9-1. С. 112–116.

REFERENCES

1. Bezlepkina O. V., Fedotova A. V. Problematic aspects of collecting electronic evidence // *Society, law, statehood: retrospective and perspective*. 2025. No. 2 (22). P. 25–35. (In Russ.)
2. Khomyakov E. G. On the nature of digital traces in forensics and their fixation // *Society, law, statehood: retrospective and perspective*. 2025. No. 1 (21). P. 71–82. (In Russ.)
3. Abdrazyapov R. R. Separate issues of the use of digital traces in proving criminal cases // *Society, law, statehood: retrospective and perspective*. 2024. No. 1 (17). P. 34–40. (In Russ.)
4. Mailis N. P. On the ratio of specialist and expert opinions // *Topical issues of the theory and practice of criminal justice and criminalistics : a collection of articles*. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. P. 52–54. (In Russ.)
5. Rasulova N. S. Expert opinion as a means of proof in criminal proceedings : dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2022. 200 p. (In Russ.)
6. Kokoreva L. V. Application of special knowledge in the detection and investigation of crimes // *Criminalistic tools and methods in the detection and investigation of certain types of crimes : a collection of scientific articles based on the materials of the interdepartmental scientific and practical conference, Ruza, April 24, 2015*. Ruza : Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2015. P. 101–106. (In Russ.)
7. Kokoreva L. V., Kuznetsova E. V. The conclusion and testimony of a specialist need legislative clarification // *Law enforcement function of the state: current issues of theory and law enforcement practice : collection of articles of scientific and representative events*, Moscow, November 20, 2021. Moscow : Individual entrepreneur E. V. Kolupaeva, 2022. P. 105–107. (In Russ.)
8. Bepalov V. N. Procedural guarantees of the full evidential significance of an expert opinion // *Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. No. 1 (107). P. 81–90. (In Russ.)
9. Zinin A.M. The specialist opinion: the essence, content and form // *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2019. No. 8. P. 32–37. (In Russ.)
10. Eremine S. N., Dukhno N. A., Korukhov Yu. G. Theoretical and practical problems of specialist participation in criminal proceedings. Moscow : Law Institute of Moscow State Pedagogical University, 2005. 175 p. (In Russ.)
11. Kudryavtseva A.V., Radionova M. A. Application and use of knowledge of knowledgeable persons in criminal proceedings : monograph. Chelyabinsk : SUSU Publishing Center, 2020. 206 p. (In Russ.)
12. Kokoreva L. V., Sidorova E. I. Forensic examination: concept, functions, principles // *Public safety, legality and law and order in the third millennium*. 2023. No 9-1. P. 112–116. (In Russ.)

Информация об авторах:

Кокорев Р. А. – кандидат юридических наук, доцент;

Кустов А. М. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук.

Information about the authors:

Kokorev R. A. – Candidate of Law, Associate Professor;

Kustov A. M. – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences.

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 343.137.5:004(470)

Анна Андреевна Свяженина
*Уфимский юридический институт
МВД России, Уфа, Россия, svyazhenina2024@
mail.ru*

ЦИФРОВАЯ МОДЕЛЬ ОПТИМИЗАЦИИ ЗАВЕРШАЮЩИХ ЭТАПОВ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. Данная научная статья посвящена оптимизации уголовно-процессуального положения несовершеннолетних на завершающих этапах досудебного производства в условиях цифровизации уголовного процесса. Актуальность работы продиктована существующим противоречием между декларируемой государством защитой прав и законных интересов лиц, не достигших совершеннолетия, и необходимостью адаптации процессуальных механизмов к современным вызовам цифровой эпохи. В ходе исследования выявлены некоторые недостатки традиционных процессуальных механизмов, в связи с чем автором предпринята попытка создания авторской модели алгоритмизации этапа окончания предварительного расследования с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг, а также формирования конкретных дополнений и изменений отечественного законодательства, направленных на создание благоприятного для несовершеннолетних правосудия.

Ключевые слова: цифровизация, уголовное судопроизводство, несовершеннолетние, окончание предварительного расследования, благоприятное для несовершеннолетних правосудие, процессуальные гарантии, Единый портал

Для цитирования: Свяженина А. А. Цифровая модель оптимизации завершающих этапов досудебного производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 2 (26). С. 39–45.

Original article

Anna A. Svyazhenina
*Ufa Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Ufa, Russia, svyazhenina2024@
mail.ru*

DIGITAL MODEL FOR OPTIMIZING THE FINAL STAGES OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES INVOLVING MINORS

Abstract. This article examines the optimization of the criminal procedural status of minors during the final stages of pre-trial proceedings in the context of the digital transformation of criminal proceedings. The relevance of this topic is due to the contradiction between the priority protection of the rights and legitimate interests of minors declared by the state and the need to adapt procedural mechanisms to the modern challenges of the digital age. The study identified systemic shortcomings in the traditional model for completing a preliminary investigation. Therefore, the author attempted to develop a proprietary model for algorithmizing the final stage of a preliminary investigation using the Unified Portal of State and Municipal Services, as well as formulating specific amendments and additions to domestic legislation aimed at creating a justice system favorable to minors.

Keywords: digitalization, criminal proceedings, minors, completion of preliminary investigation, juvenile-friendly justice, procedural guarantees, the Unified Portal

For citation: Svyazhenina A. A. Digital model for optimizing the final stages of pre-trial proceedings in criminal cases involving minors // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 2 (26). P. 39–45. (In Russ.)

Введение

На сегодняшний день российское уголовное судопроизводство обуславливается наличием глубоких противоречий, связанных с необходимостью адаптации традиционных процессуальных механизмов к современным вызовам цифровой эпохи. В частности, речь идет об обращении к проблеме обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних на завершающих этапах досудебного производства в условиях развивающейся цифровой трансформации общественных отношений.

Государство, ратифицировав Конвенцию Организации Объединенных Наций о правах ребенка¹ и утвердив Стратегию комплексной безопасности детей на период до 2030 года², декларирует приоритет создания безопасных условий для реализации прав и законных интересов несовершеннолетних. При этом официальная статистика Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации фиксирует весьма тревожные тенденции: несмотря на сокращение числа совершенных преступлений несовершеннолетними, удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений за период с 2021 по 2025 год увеличился на 28,6 %, достигнув 12 687 преступлений в 2025 г.³ При этом важно отметить, что регламентирующая производство по делам несовершеннолетних глава 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) за последние годы подвергалась лишь точечным корректировкам, приводящим к разрозненности норм и их несоответствию современным концепциям благоприятного для несовершеннолетних правосудия.

Вместе с тем анализ современной доктрины свидетельствует, что внимание

представителей научного сообщества преимущественно сосредоточено на вопросах производства следственных действий с участием несовершеннолетних, избрания мер пресечения, участия педагога, психолога, а также реализации института представительства. Причем вопросы, касающиеся уголовно-процессуального положения несовершеннолетних на завершающих этапах предварительного расследования в условиях цифровизации, остаются недостаточно изученными. Поэтому настоящее исследование ориентировано на восполнение указанного пробела и ставит своей целью разработку теоретических положений и практических рекомендаций по оптимизации уголовно-процессуального положения несовершеннолетних на отдельных этапах досудебного производства посредством внедрения цифровых технологий.

Методы

Методологическую основу исследования составили диалектический метод научного познания, а также общенаучные и частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, метод правового моделирования и конкретно-социологический. Полагаем, что благодаря выбранным методологическим приемам возможно сформулировать выводы по выбранной теме исследования.

Результаты

Обращение к проблемам обеспечения прав и законных интересов на этапе окончания предварительного расследования обусловлено тем, что непосредственно завершающий этап досудебного производства объективизируется в принятии итогового процессуального решения, определяющего дальнейшую судьбу несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Анализ исторического развития института

¹ Конвенция о правах ребенка : одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 нояб. 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI. С. 155–173.

² О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 21, ст. 3696.

³ Краткая характеристика состояния преступности за январь – декабрь 2021 года, за январь – декабрь 2025 года // МБД России. URL: <https://xn--blaew.xn--plai/reports/item/477848182/> (дата обращения: 29.03.2026).

окончания предварительного расследования, начиная с Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и заканчивая современным УПК РФ, констатирует, что несмотря на длительное становление данной формы окончания предварительного расследования, а также бесспорную ее актуальность [1, с. 52] тем не менее отдельные аспекты остаются вне законодательного интереса, что несет в себе риск игнорирования существенных проблем отечественного уголовного судопроизводства. В частности, неадаптированность завершающего этапа предварительного расследования под особый порядок уголовного судопроизводства в отношении отдельных категорий участников фактически выступает прямым доказательством наличия проблем обеспечения особого уголовно-процессуального положения несовершеннолетних. Полагаем, что оптимизация отдельных нормативных установлений посредством внедрения ряда авторских предложений исправит ситуацию и будет акцентировать внимание на важных теоретических и практических проблемах окончания предварительного расследования с составлением обвинительного заключения (обвинительного акта) по уголовным делам с участием несовершеннолетних.

Выступая в качестве гаранта обеспечения конституционного права на судебную защиту и участие в отправлении правосудия, уведомление об окончании предварительного следствия нередко становится объектом повышенного научного внимания. Так, ввиду отсутствия точного законодательного подхода к форме уведомления правоприменители и представители научного сообщества не могут сойтись во мнениях: одни настаивают на

письменной форме¹ [2, с. 114], другие считают достаточным уведомление в устной форме [3, с. 76–77; 4, с. 70], третьи убеждены в отсутствии необходимости данной процедуры. При этом дистанционная форма уведомления, введенная в УПК РФ Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ, часто остается неизвестной для правоприменителей². Так, 42,6 % опрошенных сотрудников предварительного расследования³, не зная о предусмотренной ст. 474.2 УПК РФ возможности дистанционного уведомления посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) (далее – Единый портал), продолжают применять устаревшие формы уведомления, которые не всегда обеспечивают надлежащее информирование участников процесса. В результате нередко происходит нарушение процессуальных сроков и уголовные дела возвращаются прокурору для дополнительного расследования. В качестве примера приведем постановление прокурора о возвращении уголовного дела № 30050, расследованного Главным следственным управлением Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу Москве, где потерпевший, находившийся в следственном изоляторе, был извещен через администрацию, однако фактическая возможность ознакомиться с материалами дела ему не была представлена⁴. Так, отсутствие единого механизма осуществления уведомления, включая фиксацию факта получения такого уведомления, создает правовую неопределенность и ставит под угрозу реализацию права несовершеннолетнего на защиту [5, с. 63].

Кроме того, анализ 211 уголовных дел показал, что ознакомление с многотомными

¹ Уголовно-процессуальное право : учеб. пособие / под ред. О. А. Галустяна, А. В. Ендольцевой, А. П. Кизлыка. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2006. С. 200.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 25 дек. 2023 г. № 672-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 1, ст. 53.

³ Результаты анкетирования 167 респондентов (следователей и дознавателей), проведенного в период с 2023 по 2025 год в Приволжском федеральном округе.

⁴ Материалы уголовного дела № 30050, расследованного в ГСУ ГУ МВД России по г. Москве в 2014 г. // Справка информационно-аналитического отдела ГСУ ГУ МВД России по г. Москве о причинах возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования в следственные подразделения органов внутренних дел г. Москвы за 2014 год.

уголовными делами занимает от нескольких дней до нескольких недель, создавая не только организационные сложности для органов предварительного расследования¹, но и одновременно оказывая негативное психологическое воздействие на несовершеннолетнего участника процесса, вынужденного длительное время находиться в психотравмирующей правоохранительной среде [6, с. 9; 7, с. 56–60]. Считаем, что традиционный, «бумажный», порядок процедуры ознакомления с материалами уголовного дела, обусловленный организационно-процедурными барьерами, проблемами сохранности и достоверности материалов, ограничением принципа состязательности, экономической неоправданностью, демонстрирует свою неэффективность в условиях современного правоприменения, где внедрение цифровых технологий – продиктованная требованиями скорости, безопасности и доступности правосудия необходимость.

В этой связи особую значимость приобретает исследование возможностей цифровой трансформации завершающих этапов досудебного производства. Так, Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ в УПК РФ была введена ст. 474.2, предусматривающая возможность подачи процессуальных документов в электронной форме. При этом законодатель счел необходимым установить ограничение в виде запрета на применение электронной формы подачи процессуальных документов, затрагивающих права и законные интересы несовершеннолетних (п. 3 ч. 1 ст. 474.2 УПК РФ). Данное ограничение, на первый взгляд, направленное на обеспечение особой защиты несовершеннолетних, на практике создает парадоксальную ситуацию. Дело в том, что наиболее уязвимая категория участников уголовного судопроизводства оказывается исключенной из сферы применения цифровых технологий, способных минимизировать психотравмирующие факторы.

Полагаем, что продуманное и безопасное внедрение информационно-телекоммуникационных технологий на завершающих этапах предварительного расследования по делам с участием несовершеннолетних выступает не ограничением, а действенным механизмом обеспечения их прав и законных интересов, так как позволяет снизить психологическую нагрузку на несовершеннолетнего, обеспечить неизменность и достоверность информации, ускорить уголовный процесс, а также повысить прозрачность действий следователя и дознавателя, позволяя в режиме реального времени осуществлять более эффективный контроль со стороны защитника, прокурора или руководителя следственного органа.

Несмотря на активную деятельность государственных органов в области информатизации [8, с. 84; 9, с. 140], в том числе уголовного процесса, правоприменительная практика все же не ориентирована на применение цифровых технологий, о чем свидетельствуют результаты проведенного анкетирования сотрудников правоохранительных органов. Среди основных причин респонденты назвали несовершенство нормативной базы, недостаточность технологической инфраструктуры в правоохранительных органах, консерватизм уголовного судопроизводства, дефицит IT-специалистов, отсутствие надежных систем верификации пользователей и риски кибератак, а также отсутствие положительного правоприменительного опыта.

Признавая выделенные сотрудниками правоохранительных органов причины обоснованными, мы полагаем, что формализация, алгоритмизация этапа окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения в электронной форме станет оптимальным решением некоторых из приведенных проблем. Так, в целях стандартизации действий следователя (дознавателя), минимизации процессуальных

¹ Материалы 211 уголовных дел, изученные в период с 2023 по 2025 год и находящиеся в производстве органов предварительного расследования, судов субъектов Российской Федерации: Республики Башкортостан, Оренбургской, Свердловской, Челябинской и Нижегородской областей.

ошибок, а также обеспечения особой правовой защиты несовершеннолетнего мы представляем этап окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал» в следующем виде:

1. *Формирование решения* об окончании предварительного расследования с направлением уведомления о производстве всех следственных действий по уголовному делу, о достаточности собранных доказательств для составления обвинительного заключения и *разъяснением* участникам предусмотренных ст. 216–217 УПК РФ прав¹:

- формирование собственного убеждения о возможности окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения;
- направление уведомления и разъяснение предусмотренных законом прав посредством Единого портала;
- получение следователем (дознавателем) уведомления о доставлении участникам уведомительно-разъяснительного письма;
- получение следователем (дознавателем) подтверждения об уведомлении участников уголовного процесса и разъяснении им предусмотренных прав.

2. *Размещение* в защищенном информационном пространстве *материалов уголовного дела* для дальнейшего ознакомления с ними участников:

- перевод материалов уголовного дела в защищенную от вносимых изменений и дополнений электронную форму.

3. *Направление ссылки участникам процесса* на ресурс с размещенными материалами уголовного дела для ознакомления:

- получение следователем (дознавателем) уведомления об открытии участниками данного ресурса с материалами уголовного дела;
- получение следователем (дознавателем) подтверждения об ознакомлении участников процесса с материалами уголовного дела.

3. *Реализация права на процессуальное обращение:*

- подача ходатайств, заявлений, жалоб участниками уголовного процесса;
- уведомление следователя (дознавателя) о подаче ходатайств, заявлений, жалоб участниками уголовного процесса;
- разрешение ходатайств, заявлений, жалоб;
- ознакомление участников с дополнительными материалами уголовного дела.

Полагаем, что внедрение электронного документооборота, а также алгоритмизация этапа окончания предварительного расследования с использованием Единого портала станет оптимальным, логичным и обоснованным решением по обеспечению эффективности правосудия. Предложенная электронная система позволит устранить существующие проблемы традиционного механизма посредством стандартизации процессов, прозрачности действий должностных лиц, а также защиты данных от несанкционированного их использования. К тому же вносимые изменения, дополнения не признаются причиной снижения уровня защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, наоборот, признаются дополнительной гарантией их реализации. Так, автоматизированный механизм фиксации факта разъяснения прав, обязанностей участника уголовного процесса, ознакомления их с материалами уголовного дела нивелирует возможность злоупотребления со стороны должностных лиц, ведущих расследование по уголовному делу, а также выступает гарантом своевременного получения информации о ходе расследования.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить острую необходимость реформирования уголовного судопроизводства, продиктованную текущей и перспективной уголовно-процессуальной политикой. При этом недостаточно лишь фрагментарных изменений и дополнений, современный уголовный процесс требует

¹ В том числе разъяснение права на ознакомление с вещественными доказательствами.

совершенно новый подход к оптимизации отправления правосудия с участием лиц, не достигших совершеннолетия, обусловленный внедрением цифровых технологий на завершающих этапах досудебного производства. Так, применяя информационно-телекоммуникационные технологии на этапе окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения, представляется возможным:

- снижение психологической нагрузки на несовершеннолетних участников процесса (применение видео-конференц-связи, электронных платформ для ознакомления с материалами дела и других дистанционных технологий позволяет избежать многократных визитов в правоохранительные органы, которые сами по себе могут вызывать стресс и чувство тревоги у ребенка);

- обеспечение прав участников уголовного процесса (электронные сервисы, такие как онлайн-доступ к материалам дела, дистанционное участие в процессуальных действиях и автоматизированные уведомления о процессуальных решениях, делают правосудие более доступным и удобным для граждан);

- ускорение производства по уголовным делам (автоматизация рутинных процес-

сов, таких как оформление процессуальных документов, направление запросов и уведомление участников процесса, сокращает временные затраты на расследование; электронный документооборот исключает необходимость физической передачи бумажных носителей, что особенно актуально в условиях больших объемов уголовных дел и территориальной разобщенности участников процесса);

- обеспечение качества предварительного расследования (современные системы анализа больших данных позволяют выявлять типичные ошибки и проблемные места в расследовании преступлений с участием несовершеннолетних).

Внедрение цифровых технологий в уголовный процесс с участием несовершеннолетних представляет собой не просто техническую модернизацию, а важный шаг в гуманизации правосудия. Оно позволяет совместить требования эффективности расследования с максимальной защитой прав и интересов ребенка, создавая баланс между потребностями правосудия и особенностями психологического развития несовершеннолетних участников процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Резяпов А. А. Окончание предварительного расследования с обвинительным заключением (актом, постановлением) и направление уголовного дела в суд : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2014. 259 с.
2. Парфенова М. В., Конах Е. И. Процессуальные права потерпевшего и их реализация в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : науч.-метод. пособие. М. : Экзамен, 2006. 192 с.
3. Чекулаев Д. П. Потерпевший в уголовном производстве: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 234 с.
4. Шадрин В. С. Вопросы укрепления законности при рассмотрении ходатайств, заявленных в связи с окончанием предварительного // Проблемы обеспечения социалистической законности на предварительном следствии : сб. науч. трудов. Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1986. С. 74–77.
5. Алимamedов Э. Н. Деятельность следователя на этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 236 с.
6. Татьяна Л. Г. Предварительное расследование многоэпизодных групповых дел о преступлениях несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998. 28 с.
7. Золотухин Н. А. О некоторых вопросах ознакомления несовершеннолетнего обвиняемого с материалами уголовного дела // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 18 мая 2023 г.). М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 56–60.

8. Зуев С. В., Моругина Н. А. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 3 (57). С. 83–94. <https://doi.org/10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-9>.

9. Миликова А. В. О понятии и значении электронного уголовно-процессуального акта // Цифровизация уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности: современное состояние и перспективы развития : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 10 окт. 2025 г.). Иркутск : Байкальский государственный университет, 2025. С. 139–145.

REFERENCES

1. Rezyapov A. A. Completion of the preliminary investigation with an indictment (act, resolution) and referral of the criminal case to court : dis. ...Cand. of Law. Izhevsk, 2014. 259 p. (In Russ.)

2. Parfenova M. V., Konakh E. I. Procedural rights of the victim and their implementation in the pre-trial stages of criminal proceedings : a scientific and methodological manual. Moscow : Ekzamen, 2006. 192 p. (In Russ.)

3. Chekulaev D. P. Victims in criminal proceedings: access to justice and compensation for damages : dis. ...Cand. of Law. Moscow, 2005. 234 p. (In Russ.)

4. Shadrin V. S. Issues of strengthening the rule of law in considering petitions filed in connection with the completion of the preliminary investigation // Problems of ensuring socialist legality during preliminary investigation : collection of scientific papers. Volgograd, 1986. P. 74–77. (In Russ.)

5. Alimamedov E. N. The investigator's activities at the stage of completing the preliminary investigation with drafting the indictment : dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2018. 236 p. (In Russ.)

6. Tatyana L. G. Preliminary investigation of multi-episode group cases of juvenile crimes : abstract of dis. ... Cand. of Law. Izhevsk, 1998. 28 p. (In Russ.)

7. Zolotukhin N. A. On certain issues of familiarizing a minor accused with criminal case materials // Current issues of criminal procedure : proceedings of the 3rd all-Russian scientific and practical conference (Novosibirsk, May 18, 2023). Moscow : Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2023. P. 56–60. (In Russ.)

8. Zuev S. V., Morugina N. A. Electronic criminal case: a theoretical model // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (57). P. 83–94. <https://doi.org/10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-9>. (In Russ.)

9. Milikova A. V. On the concept and significance of an electronic criminal procedure act // Digitalization of criminal procedural and forensic activities: current state and development prospects : proceedings of scientific and practical conference (Irkutsk, October 10, 2025). Irkutsk : Baikal State University, 2025. P. 139–145. (In Russ.)

Информация об авторе:

Свяженина А. А. – адъюнкт.

Information about the author:

Svyazhenina A. A. – adjunct.

Статья поступила в редакцию 30.03.2026; одобрена после рецензирования 07.04.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 30.03.2026; approved after reviewing 07.04.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 343.1(470+476)

Светлана Викторовна Фок¹,
Ольга Игоревна Даровских²

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет
МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹ melnikovasve@gmail.com

² darovskikhoi@gmail.com

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Постоянные изменения отечественного уголовно-процессуального законодательства, появление в досудебном производстве новых дифференцированных форм свидетельствуют о непрерывном поиске законодателем, а также учеными усовершенствованных форм расследования преступлений. При этом важным моментом является не только успешное применение новых форм расследований на практике, но и соблюдение баланса между эффективностью, процессуальной экономией и защитой прав и интересов граждан.

Наша страна не является единственной, где уголовное судопроизводство осуществляется на основании уголовно-процессуального кодекса, который предусматривает досудебное производство. Существует вероятность, что в других странах имеются наиболее оптимальные формы расследования, в которых соблюдается баланс.

С этой целью в данной статье проводится сравнительный анализ дифференциации досудебного производства в Республике Беларусь и Российской Федерации, а также ее изменения с момента принятия кодексов. Делается обоснованный вывод об имеющихся отличиях дифференциации досудебного производства, несмотря на существование общих проблем. Предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: досудебное производство, дифференциация, возбуждение уголовного дела, расследование, предварительное следствие, дознание, эффективность, защита прав и законных интересов граждан, процессуальная экономия

Для цитирования: Фок С. В., Даровских О. И. Дифференциация досудебного производства в Республике Беларусь и Российской Федерации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 2 (26). С. 46–58.

Original article

Svetlana V. Fok¹, Olga I. Darovskikh²

^{1, 2} Saint Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia

¹ melnikovasve@gmail.com

² darovskikhoi@gmail.com

DIFFERENTIATION OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. Constant changes in the domestic criminal procedure legislation, the appearance of new differentiated forms in pre-trial proceedings indicate the continuous search by legislators and scientists for improved forms of crime investigation. At the same time, an important point is not only the successful application of new forms of investigations in practice, but also the maintenance of a balance between efficiency, procedural economy and the protection of the rights and interests of citizens.

Our country is not the only one where criminal proceedings are conducted on the basis of the Criminal Procedure Code, which provides for pre-trial proceedings. There is a possibility that other countries have the most optimal forms of investigation, in which a balance is maintained.

© Фок С. В., Даровских О. И., 2026

To this end, this article provides a comparative analysis of the differentiation of pre-trial proceedings in the Republic of Belarus and the Russian Federation, as well as its changes since the adoption of the codes. A reasonable conclusion is drawn about the existing differences in the differentiation of pre-trial proceedings despite the existence of common problems. Ways to solve them are proposed.

Keywords: pre-trial proceedings, differentiation, initiation of criminal proceedings, investigation, preliminary investigation, inquiry, efficiency, protection of the rights and legitimate interests of citizens, procedural economy

For citation: Fok S. V., Darovskikh O. I. Differentiation of pre-trial proceedings in the Republic of Belarus and the Russian Federation // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 2 (26). P. 46–58. (In Russ.)

Введение

Повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности, защита прав и законных интересов граждан, а также процессуальная экономия, под которой законодатель понимает экономию времени, снижение расходов, сокращение процессуальных издержек, в настоящее время являются основными направлениями отечественной уголовной политики. Указанные цели достигаются путем выделения особых порядков расследований преступлений и проведения отдельных следственных действий, а также введения упрощенных форм, то есть дифференциации, в том числе и в досудебном производстве.

Однако не все изменения уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего деятельность правоохранительных органов на досудебных стадиях, имеют положительное воздействие и могут вызывать коллизии уже действующих норм. Профессор Б. Я. Гаврилов, говоря о совершенствовании упрощенных форм расследования, отмечает, что «возможно поставить перед законодателем задачу о необходимости посмотреть одновременно и на современное состояние уголовно-процессуального законодательства в странах дальнего зарубежья, и на те изменения, которые имеют место в государствах бывшего постсоветского пространства» [1, с. 64]. Соглашаясь с указанным мнением, считаем, что использовать опыт других стран допустимо не только по

отношению к упрощенным процедурам, но и по отношению к дифференциации всего досудебного производства.

Уголовное судопроизводство в Республике Беларусь осуществляется на основании Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РБ), принятого в 1999 г.¹ Как и в Российской Федерации, в Республике Беларусь происходит постоянная трансформация досудебного производства, однако неизменным остается наличие в нем дифференциации стадий и форм.

Насколько дифференциация в Республике Беларусь отличается от отечественной? Насколько она способствует достижению процессуальной экономии, повышению эффективности деятельности, а также защите прав и законных интересов граждан? Чтобы ответить на поставленные вопросы, целесообразным видится изучить и сравнить дифференциацию досудебного производства в Республики Беларусь и Российской Федерации, но не только действующих редакций УПК, но и первоначальных.

Методы

Развитие и изменения законодательства дифференциации досудебного производства в Республике Беларусь и Российской Федерации рассматривались на основе диалектического метода познания, поэтапные изменения законодательства дифференциации досудебного производства – с использованием историко-правового метода. Анализ и синтез позволили выявить различия диф-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. (первоначальная редакция) // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН», Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295&q_id=2520916 (дата обращения: 07.04.2026).

ференциации стадий и форм досудебного производства Республики Беларусь и Российской Федерации. Использование методов индукции и дедукции позволили прийти к выводу, что дифференцированные стадии и формы по уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь имеют существенные отличия, но правовые пробелы аналогичны российскому законодательству. На основе метода моделирования были сформулированы предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства.

Результаты

Первоначальная редакция УПК РБ определяла досудебное производство как «ускоренное производство и производство со дня поступления заявления, сообщения о преступлении до передачи уголовного дела прокурору для направления в суд для рассмотрения по существу либо прекращения производства по делу, а также подготовка материалов по уголовному делу частным обвинителем и стороной защиты» (п. 5 ст. 6 УПК РБ). Дифференциация досудебного производства осуществлялась на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Являясь первоначальной стадией, возбуждение уголовного дела предусматривало обязанность органа дознания, дознавателя, следователя и прокурора, которых законодатель отнес к органу уголовного преследования (п. 23 ст. 6 УПК РБ), принять и рассмотреть заявление и сообщение о преступлении (ст. 172 УПК РБ). Срок рассмотрения составлял 3 суток, последовательно мог быть продлен до 10 суток, а в крайних случаях до 1 месяца. При проведении проверки уполномоченным лицам было предоставлено право получения объяснений, истребования документов, заключения экспертов, производства осмотра места происшествия и задержания (ст. 173 УПК РБ). Решения, принимаемые уполномоченными

лицами по окончании рассмотрения заявлений и сообщений, были аналогичны решениям, принимаемым в Российской Федерации. Однако следователь вправе был принять решения в случае отсутствия подозреваемого лишь по преступлениям, относящимся к категории тяжких или особо тяжких (ст. 174 УПК РБ). Прокурор, принявший решение о возбуждении уголовного дела, вправе был самостоятельно произвести предварительное следствие либо направить дело для производства предварительного расследования (ст. 177 УПК РБ).

Дифференциация предварительного расследования разделялась на две законодательно закрепленные формы: дознание и предварительное следствие.

В отличие от Российской Федерации, где в соответствии с первоначальной редакцией Уголовно-процессуального кодекса¹ (далее – УПК РФ) дознание осуществлялось по конкретным составам преступлений и только в отношении установленных лиц, в Республике Беларусь оно проводилось по определенным составам преступления (ч. 12 ст. 182 УПК РБ) вне зависимости от установления или неустановления лица. Более того, по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно, дознание могло быть проведено в случае совершения неустановленным лицом преступления, не представляющего большой общественной опасности и менее тяжкого, но только до момента его установления (ч. 3 ст. 186 УПК РБ).

Срок дознания составлял один месяц, но был установлен лишь для тех уголовных дел, расследование которых осуществлялось по составам преступлений, указанных в ч. 12 ст. 182 УПК РБ. Как и в Российской Федерации, он исчислялся с момента возбуждения и до направления уголовного дела прокурору, мог быть продлен, но не более чем на месяц (ст. 188 УПК РБ).

Уполномоченными лицами на производство дознания являлись дознаватель или

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. (первоначальная редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=201010417&rdk=&backlink=1&collection=1> (дата обращения: 07.04.2026).

лица, относящиеся к органу дознания, перечень которых был определен ст. 37 УПК РБ.

Производство предварительного следствия было обязательным по всем составам преступлений, за исключением указанных в ч. 12 ст. 182 УПК РБ. Однако в случае совершения преступления несовершеннолетним или предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний невменяемых или лиц, заболевших психической болезнью после совершения преступления, в отношении указанных субъектов существовал запрет на производство дознания. Предварительное расследование осуществлялось лишь в форме предварительного следствия (ст. 181 УПК РБ).

Субъектами, уполномоченными на проведение предварительного следствия, являлись следователи прокуратуры, органов предварительного следствия Министерства внутренних дел, органов финансовых расследований, органов государственной безопасности (ст. 182 УПК РБ).

Срок исчислялся с момента возбуждения уголовного дела и до передачи его прокурору, составлял два месяца, последовательно мог быть продлен до трех месяцев, до шести месяцев, дальнейшее продление осуществлялось лишь в исключительных случаях (ст. 190 УПК РБ).

Окончанием производства предварительного расследования, вне зависимости от формы проведения, являлось вынесение уполномоченным лицом одного из решений, которое оформлялось постановлением и было аналогичным решениям, принимаемым в Российской Федерации (ст. 191 УПК РБ).

Уголовное дело направлялось в суд должностными лицами путем вынесения постановления о передаче уголовного дела прокурору, в котором указывалось: время и место его вынесения; сведения о личности обвиняемого; общественно опасное деяние (деяния), предусмотренное уголовным законом, совершенное обвиняемым; уголовный закон (пункт, часть, статья), предусматривающий ответственность за совершенное общественно опасное деяние (ст. 260 УПК РБ).

Необходимо отметить, что при направлении уголовного дела в суд субъектами, осуществляющими предварительное расследование, составлялись документы, которые не приобщались к материалам уголовного дела, но направлялись прокурору (ст. 261 УПК РБ). Ввиду того, что в справке содержались сведения о результатах проведенного расследования с указанием томов и листов дела, а вторым документом являлся список лиц, подлежащих вызову в суд, мы приходим к мнению, что указанные документы подобны обвинительному заключению или обвинительному акту в Российской Федерации.

Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему для направления в суд, содержатся в главе 31 УПК РБ; аналогично российскому законодательству структурно были размещены в разделе, регламентирующем производство предварительного расследования. При этом, в отличие от отечественного законодательства, в Республике Беларусь данные действия законодателем даже не были определены в досудебное производство.

Прокурор по получению уголовного дела в установленный законом срок не более пяти суток обязан был принять одно из решений: о направлении уголовного дела в суд, об исключении своим постановлением отдельных пунктов обвинения, при этом он мог изменить квалификацию деяний обвиняемого с применением закона о менее тяжком преступлении, прекратить уголовное преследование в отношении отдельных обвиняемых; о прекращении предварительного расследования; о возвращении уголовного дела следователю или органу дознания с письменными указаниями для производства дополнительного предварительного расследования, а также для предъявления нового обвинения в определенных случаях (ст. 264 УПК РБ).

По уголовным делам частного обвинения, как и в Российской Федерации, потерпевший обращался в суд с заявлением. Однако, если в отечественном законодательстве в исключительных случаях по рассматри-

ваемой категории уголовных дел возможно было производство предварительного расследования, то в Республике Беларусь такая возможность отсутствовала, при этом суд не оказывал содействия сторонам в собирании доказательств, при необходимости получения объяснений, заключений специалистов и иных данных направлял заявление в орган дознания для проведения проверки (ч. 2 ст. 460 УПК РБ).

Ускоренное производство, в соответствии с УПК РБ, осуществлялось лицами, относящимися к органу дознания, и по определенным составам преступлений. Срок исчислялся с момента поступления заявления или сообщения о преступлении до передачи уголовного дела прокурору, составлял 10 суток (ст. 486 УПК РБ). Для возможности осуществления ускоренного производства УПК РБ закреплял определенные условия (ст. 485 УПК РБ), одним из которых являлось очевидность совершенного преступления. Одновременно с этим важно было не только установление лица, но и его признание в совершении преступления.

После возбуждения уголовного дела орган дознания привлекал лицо в качестве обвиняемого, решал вопрос об избрании меры пресечения, а также принимал решение о признании лица потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком (ст. 487 УПК РБ). Минимальный объем действий, производимых после возбуждения уголовного дела, был связан с обязанностью органа дознания в течение семи суток собрать все материалы, имеющие значение для рассмотрения дела в судебном заседании.

Окончание ускоренного производства, а также действия и решения прокурора ничем не отличались от уголовных дел, по которым производилось предварительное расследование. Существовала лишь разница в сроках принятия прокурором решения (ст. 487, 488 УПК РБ).

В результате анализа первоначальных редакций УПК РБ и УПК РФ установлено, что дифференциация стадий и форм досудебного производства в Республики Бела-

русь во многом схожа с дифференциацией в Российской Федерации.

Несмотря на то, что действия и решения, принимаемые прокурором по поступившему уголовному делу, не были отнесены законодателем к досудебному производству, их структурное расположение свидетельствует об обратном и позволяет сделать вывод о принадлежности данной стадии к досудебному производству. Предусматривались дифференцированные формы предварительного расследования в отношении несовершеннолетних (глава 46 УПК РБ) и о применении принудительных мер безопасности и лечения (глава 47 УПК РБ). Отсутствовало досудебное производство по уголовным делам частного обвинения.

Ускоренное производство, как нам видится, в отличие от имеющегося в действующей редакции УПК РФ дознания в сокращенном виде, представляло собой более сокращенное производство с учетом срока и минимального перечня следственных действий, производимых после возбуждения уголовного дела. Дознание являлось не только самостоятельной формой предварительного расследования с возможностью принятия итогового решения, но и дифференцированной формой предварительного следствия.

Окончание предварительного расследования схоже с окончанием в Российской Федерации. Документы, составляемые уполномоченными лицами, несмотря на разницу в названиях, являлись аналогами обвинительного заключения или обвинительного акта.

Полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему для направления в суд, в Республике Беларусь от Российской Федерации отличались возможностью исключения своим постановлением отдельных пунктов обвинения и изменения квалификации деяний обвиняемого с применением закона о менее тяжком преступлении и необходимостью вынесения постановления о направлении уголовного дела в суд.

При этом коллизии норм УПК РБ, а также некоторые проблемы досудебного производства, как и в Российской Федерации, в

научном обществе были отмечены учеными процессуалистами.

Так, анализируя УПК РБ на предмет его соответствия отдельным требованиям, предъявляемым к нормотворческой технике, в своем исследовании И. В. Данько обозначил, что одной из проблем является размещение главы 31 УПК РБ «Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему для направления в суд» в части II УПК РБ, которая называется «Досудебное производство», поскольку законодатель не включил эти действия в определение досудебного производства, констатируя при этом, что эффективность применения юридического акта во многом определяет его качество [2, с. 66–67, 69].

В. П. Ашитко предлагал исключить из законодательства необходимость составления следователем справок с развернутым содержанием всех обстоятельств, установленных в ходе расследования преступления, ввиду высокого количества оправдательных приговоров и прекращения уголовных дел в суде [3, с. 38–39].

За прошедший период УПК РБ, также как и УПК РФ, подвергся серьезным преобразованиям, в том числе и в досудебном производстве. Например, еще в 2000 г. до вступления УПК РБ в законную силу произошло

изменение нумерации статей¹. Таким образом, глава 47 УПК РБ, регламентирующая порядок и сроки ускоренного производства, начиналась со ст. 452, в 2006 г. раздел XIV был дополнен главой 49 «Производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц»², в 2017 г. дополнен ст. 173.1–173.3, 178.1³, модифицировав стадию возбуждения уголовного дела.

Однако, на наш взгляд, наиболее существенным изменениям досудебное производство подверглось в 2011 г., что связано с образованием Следственного комитета Республики Беларусь⁴, уникальность которого, по мнению А. В. Седач, «заключается в том, что эта правоохранительная структура наделена исключительными полномочиями по осуществлению досудебного производства» [4, с. 306]. На совещании по совершенствованию системы органов предварительного расследования глава государства отметил: «Вопрос совершенствования системы и улучшения работы органов предварительного расследования поднимался уже неоднократно». Александр Лукашенко особо обратил внимание на необходимость усиления прокурорского надзора, а также избавления от бюрократизма⁵.

В соответствии с действующей редакцией УПК РБ⁶ определение досудебного

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : закон Республики Беларусь от 11 мая 2000 г. № 377-3 // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН», Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H10000377> (дата обращения: 08.04.2026).

² О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросу уголовного преследования отдельных категорий лиц и иным вопросам уголовного процесса : закон Республики Беларусь от 30 дек. 2006 г. № 198-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H10600198> (дата обращения: 08.04.2026).

³ О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь : закон Республики Беларусь от 18 июля 2017 г. № 53-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H11700053> (дата обращения: 08.04.2026).

⁴ Об образовании Следственного комитета Республики Беларусь : указ Президента Республики Беларусь от 12 сент. 2011 г. № 409 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31100409> (дата обращения: 08.04.2026).

⁵ Александр Лукашенко провел совещание по совершенствованию системы органов предварительного расследования // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-provel-soveshanie-po-sovershenstvovaniyu-sistemy-organov-predvaritelnogo-rassledovaniya-5207> (дата обращения: 08.04.2026).

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. (с изм. и доп.) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=HK9900295> (дата обращения: 08.04.2026).

производства осталось прежним, уголовное преследование также осуществляется в порядке частного, частно-публичного и публичного обвинения (ст. 26 УПК РБ). Порядок производства по уголовным делам частного обвинения существенно не изменился, регламентирован ст. 425–428 УПК РБ.

На стадии возбуждения уголовного дела, как и в первоначальной редакции, орган уголовного преследования обязан принять, зарегистрировать и рассмотреть заявление, сообщение о преступлении (ст. 172 УПК РБ). Однако к органу уголовного преследования, в соответствии с п. 26 ст. 6 УПК РБ, теперь относятся только орган дознания, следователь и прокурор.

Как и в Российской Федерации, изменениям подвергся перечень возможных действий, осуществляемых уполномоченными лицами на стадии возбуждения уголовного дела. При этом в Республике Беларусь он гораздо шире.

Первоначальные сроки принятия решения по заявлению (сообщению) о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела остались прежними. Однако в настоящее время максимальный срок составляет три месяца. В случае осуществления проверки следователем срок продлевается начальником следственного подразделения, а по материалам, находящимся в органе дознания или у прокурора, прокурором до одного месяца (ст. 173 УПК РБ).

Модификация стадии возбуждения уголовного дела в 2017 г. выразилась в расширении прав не только граждан, но и уполномоченных на проведение проверки лиц. Так, должностным лицам было предоставлено право приостановления и возобновления проведения проверки, но на общий срок не более трех месяцев (ст. 173.3 УПК РБ), а заявителям и лицам, в отношении которых принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, – право на ознакомление с материала-

ми проверки по заявлению или сообщению о преступлении (ст. 178.1 УПК РБ).

По окончании проведения проверки, помимо решений, имеющих в первоначальной редакции УПК РБ, появилось решение о прекращении проверки и разъяснении заявителю права возбудить в суде, в соответствии со ст. 426 действующего УПК РБ, уголовное дело частного обвинения. Решения вправе принять орган дознания, начальник следственного подразделения, следователь или прокурор, при этом по определенным составам преступлений прерогатива принятия решения принадлежит органам предварительного следствия в соответствии с их подследственностью и прокурору (ст. 174 УПК РБ).

Еще в 2011 г. дознаватель, как участник уголовного судопроизводства, был заменен на лицо, производящее дознание, а ст. 187–189 УПК РБ, регламентирующие порядок и сроки производства дознания по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, исключены¹.

В соответствии с п. 26 ст. 6 УПК РБ законодатель дознание определяет как форму предварительного расследования, однако анализ норм действующего УПК РФ позволил прийти к выводу об отсутствии указанной формы расследования (ст. 181, ст. 186 УПК РБ).

Сроки предварительного следствия в Республике Беларусь (ст. 190 УПК РБ) аналогичны срокам в Российской Федерации. Порядок окончания предварительного следствия остался прежним (ст. 191, 262 УПК РБ).

Прокурор по получению уголовного дела с постановлением в срок не более пяти суток вправе не только направить уголовное дело в суд или возвратить уголовное дело следователю, но и исключить отдельные пункты обвинения, изменить квалификацию преступления на менее тяжкую. Также он обладает полномочиями по отмене или изме-

¹ О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам образования Следственного комитета Республики Беларусь : закон Республики Беларусь от 13 дек. 2011 г. № 325-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=N11100325> (дата обращения: 08.04.2026).

нению ранее примененной меры пресечения (ст. 265 УПК РБ). Решение о направлении уголовного дела в суд прокурор оформляет соответствующим постановлением (ст. 266 УПК РБ).

В действующей редакции УПК РБ также рассматривается ускоренное производство, осуществляемое в порядке, предусмотренном главой 47, однако, по нашему мнению, оно подверглось существенным изменениям. Так, в настоящее время ускоренное производство осуществляется органами предварительного следствия и не по конкретным составам, а по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности или менее тяжким (ст. 452 УПК РБ). Обязательные условия и срок не изменились, но предусмотрена возможность продления до 15 суток (ст. 453 УПК РБ). Расширен перечень обязательных действий после принятия решения о возбуждении уголовного дела. Наряду с действиями, содержащимися в первоначальной редакции, после возбуждения уголовного дела следователь принимает решение о наложении ареста на имущество, проведении допроса потерпевших и свидетелей, а при необходимости получает образцы для сравнительного исследования, выносит постановление о проведении освидетельствования, назначает экспертизу и принимает решение о признании вещественными доказательствами (ст. 454 УПК РБ).

Срок принятия решения прокурора о движении уголовного дела, законченного в порядке ускоренного производства, как и в первоначальной редакции, составляет 24 часа (ст. 455 УПК РБ).

Таким образом, дифференциация досудебного производства в УПК РБ во многом схожа с УПК РФ, но в каждой стадии и форме, на наш взгляд, имеются существенные отличия.

На стадии возбуждения уголовного дела максимальный срок составляет три месяца, у уполномоченных лиц имеется право приостановления и возобновления проверки, а у заявителя и лиц, в отношении которых она осуществлялась, при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела – пра-

во на ознакомление с материалами.

Предварительное расследование реализуется лишь в форме предварительного следствия.

Субъекты, уполномоченные на производство предварительного расследования, по уголовным делам частного обвинения осуществляют его лишь в отношении несовершеннолетних.

Законодательно закреплено ускоренное производство. Однако анализ внесенных изменений, а именно увеличение объема действий следователя после возбуждения уголовного дела, позволяет прийти к выводу о схожести ускоренного производства с дознанием в сокращенной форме.

Нахождение уголовного дела у прокурора для принятия решения о направлении уголовного дела в суд не относится к досудебному производству, при этом он обладает такими полномочиями, которыми в Российской Федерации прокуроры не наделены.

Несмотря на существенные отличия, уголовное судопроизводство Республики Беларусь, как и в Российской Федерации, нуждается в совершенствовании, в том числе и в отношении дифференциации досудебного производства, о чем свидетельствуют труды белорусских ученых. Так, А. В. Солтанович, Н. А. Полящук отмечают, что «в целом нормы УПК должны быть сформулированы таким образом, чтобы полностью исключить возможность возникновения коллизий и неполноты регулирования рассматриваемой сферы отношений» [5, с. 103].

На протяжении многих лет подвергается критике стадия возбуждения уголовного дела. А. А. Данилевич, В. И. Самарин отмечают, что расширение деятельности уполномоченных лиц на стадии возбуждения уголовного дела белорусским законодателем предоставило органам уголовного преследования право «приступать к усеченному расследованию уголовного дела без появления в уголовном процессе его необходимых участников, наделенных соответствующими процессуальными правами» [6, с. 28].

О. Г. Каразей, выражая отрицательное отношение не только к возможности произ-

водства следственных действий, но и к полученным в ходе досудебной проверки материалам, считает, что «стадия возбуждения уголовного дела является барьером, сдерживающим оперативность действий правоохранительных органов» [7, с. 123].

Ю. П. Шкаплеров говорит о серьезном сращивании стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования [8, с. 46].

А. В. Седач, В. С. Соркин отмечают необходимость «оптимизировать досудебное производство по уголовному делу в части процессуальной экономии времени и средств, затраченных на предварительное расследование, путем исключения дублирования процессуальных действий» [9, с. 326].

В Российской Федерации стадия возбуждения уголовного дела, особенно после расширения перечня действий уполномоченных лиц и возможности получения доказательств, как и в Республике Беларусь, в научном обществе подвергается критике. Так, Б. Я. Гаврилов [10] и Ю. В. Деришев [11] предлагают отказаться от стадии возбуждения уголовного дела. С. Н. Воробей [12], И. В. Головинская [13] высказывают мнения о необходимости ее реформирования.

Исследуя ускоренное производство в Республике Беларусь, Ж. А. Шилко отмечает необходимость его совершенствования и что «сущность ускоренного производства, его процессуальная экономия и эффективность должны достигаться прежде всего рациональным построением самого порядка процессуальной деятельности, в том числе четкой регламентацией процессуальных полномочий лиц, ведущих уголовный процесс» [14, с. 141, 146].

Несмотря на существование дознания в сокращенной форме, по мнению ученых, для повышения эффективности деятельности отечественное законодательство нуждается в более упрощенной форме расследования. В этой связи Д. А. Печегин, [15, с. 99], Ю. И. Абравитова, О. А. Чабукиани [16, с. 5], В. А. Маслов [17, с. 145] обсуждают необходимость введения понятия «уголовный проступок».

Идентичные проблемы при производстве по уголовным делам частного обвинения возникают в обоих государствах и связаны они с отсутствием досудебного производства. В Республике Беларусь решение имеющихся проблем предлагает и А. В. Самко [18; 19]. В России же В. В. Олейник видит возможным производство по данной категории уголовных дел предварительного расследования, но только с согласия потерпевшего [20, с. 10]. Верховным Судом Российской Федерации в связи с тем, что данное производство не отвечает потребностям эффективной уголовно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина¹, вынесено предложение о переводе уголовных дел частного обвинения в категорию частно-публичного.

Заключение

Подводя итог, отметим, что дифференциация досудебного производства в Республике Беларусь подобна дифференциации в Российской Федерации. Но как показал анализ, в том числе и мнений ученых, на каждой стадии и в форме досудебного производства Республики Беларусь существуют проблемы, аналогичные российскому законодательству. Например, на стадии возбуждения уголовного дела в обоих государствах уполномоченные лица вправе осуществлять следственные

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) : пояснительная записка к проекту федерального закона // О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2021 г. № 3 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsr.ru/press_center/news/29836/ (дата обращения: 09.04.2026).

действия, результаты которых впоследствии могут быть использованы в качестве доказательств при расследовании уголовных дел.

В настоящее время мы считаем необходимым исключить из отечественного законодательства возможность производства определенных следственных действий, например освидетельствования, назначения судебных экспертиз, проведение которых негативно сказывается на реализации прав участниками уголовного судопроизводства. Тем более, что задачами на стадии возбуждения уголовного дела является не сбор доказательств, а проверка факта совершения или отсутствия преступления.

Мы поддерживаем мнение ученых-процессуалистов, высказывающих отрицательное отношение к стадии возбуждения уголовного дела. При этом не считаем необходимым исключение данной стадии из досудебного производства. Достижение эффективности уголовно-процессуальной деятельности, защиты прав и законных интересов граждан, а также процессуальной экономии, на наш взгляд, возможно путем реформирования стадии возбуждения уголовного дела.

Введение в отечественное законодательство упрощенного производства нам видится перспективным направлением совершенствования деятельности органов предварительного расследования. Но производство, позволяющее упростить процедуру, то есть достичь процессуальную экономию, одновременно должно являться и эффективным, и защищать права и законные интересы граждан. На основании этого мы считаем, что в качестве примера возможно использовать ускоренное производство Республики Беларусь. Однако, на наш взгляд, наиболее удачным оно являлось в первоначальной редакции УПК РБ.

По делам частного обвинения, по которому потерпевшему неизвестно лицо, его совершившее, в Российской Федерации, в отличие от Республики Беларусь, осуществляется предварительное расследование. Для защиты прав и законных интересов граждан по данной категории уголовных дел необходимо производство предварительного расследования, вне зависимости от волеизъявления потерпевшего и от установления лица, совершившего преступление.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилов Б. Я. Упрощенные формы расследования в российском досудебном производстве: современное состояние и пути совершенствования // Публичное и частное право. 2025. № 1(47). С. 53–69. [https://doi.org/10.51944/20738501_2025_I\(XLVII\)_53](https://doi.org/10.51944/20738501_2025_I(XLVII)_53).
2. Данько И. В. Изъяны современного законотворчества (на примере Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 5. С. 66–69.
3. Ашитко В. П. Особенности процессуальной деятельности прокурора на заключительном этапе предварительного расследования // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2011. № 2 (30). С. 33–39.
4. Седач А. В. История становления и развития института уголовного преследования в ходе досудебного производства по уголовному делу // Инновационный потенциал развития юридической науки и практики в современном мире : сб. науч. статей / редколл. : С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. Гродно : ГрГУ, 2023. С. 303–307.
5. Солтанович А. В., Полящук Н. А. Концептуальные направления совершенствования уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь // Право.by. 2020. № 6 (68). С. 99–104.
6. Данилевич А. А., Самарин В. И. Место стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса Республики Беларусь // Законность и правопорядок. 2013. № 3 (27). С. 24–29.
7. Каразей О. Г. О необходимости реформирования стадии возбуждения уголовного дела // Борьба с преступностью: теория и практика : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 27 февр. 2014 г. Могилев : Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2014. С. 121–123.

8. Шкаплеров Ю. П. Трансформация стадии возбуждения уголовного дела в XXI веке: белорусский опыт // Общество и право. 2023. № 1 (83). С. 43–48.
9. Седач А. В. Соркин В. С. О разумных сроках досудебного уголовно-процессуального производства // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2023. № 16. С. 321–327.
10. Гаврилов Б. Я. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела как уголовно-процессуальная гарантия преодоления противодействия // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации : сб. науч. статей по материалам междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21 мая 2021 г. / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагиной. М. : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 335–345.
11. Деришев Ю. В. Реликт социалистической законности мутирует // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 6 (102). С. 71–76.
12. Воробей С. Н. Вопросы повышения эффективности производства следственных и процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 2 (39). С. 30–34.
13. Головинская И. В. Некоторые особенности регламентации порядка рассмотрения сообщения о преступлении // Актуальные проблемы публичного права : сб. науч. трудов, Владимир, 18–19 нояб. 2021 г. / ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых». Вып. 15. Владимир: КопиА-Сервис, 2022. С. 67–71.
14. Шилко Ж. А. К вопросу о соблюдении процессуальной формы в части регламентации полномочий должностных лиц органов уголовного преследования по осуществлению ускоренного производства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 4 (49). С. 140–146. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2022_4_10.
15. Печегин Д. А. Процессуальные проблемы введения категории «уголовный проступок» в уголовное законодательство Российской Федерации // Уголовное право. 2017. № 4. С. 98–99.
16. Абравитова Ю. И., Чабукиани О. А. Институт уголовных проступков: история и перспективы // Журнал правовых и экономических исследований. 2018. № 3. С. 1–6.
17. Маслов В. А. Перспективы введения уголовного проступка в отечественное уголовное законодательство. Законопроекты Верховного Суда РФ // Lex russica. 2023. Т. 76, № 5. С. 136–149.
18. Самко А. В. Особенности доказывания по уголовным делам частного обвинения // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2020. № 2 (48). С. 25–28.
19. Самко А. Некоторые проблемы, связанные с назначением и подготовкой судебного разбирательства по уголовным делам частного обвинения // Судовы веснік. 2018. № 4 (108). С. 70–73.
20. Олейник В. В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020. 24 с.

REFERENCES

1. Gavrilov B. Ya. Simplified forms of investigation in Russian pre-trial proceedings: current status and ways of improvement, public and private law // Public and private law. 2025. No. 1 (47). P. 53–69. [https://doi.org/10.51944/20738501_2025_I\(XLVII\)_53](https://doi.org/10.51944/20738501_2025_I(XLVII)_53). (In Russ.)
2. Danko I. V. Shortcomings of modern lawmaking (using the example of the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus) // Institute bulletin: crime, punishment, correction. 2009. No. 5. P. 66–69. (In Russ.)
3. Ashitko V. P. Features of the procedural activities of the prosecutor at the final stage of the preliminary investigation // Issues of criminology, forensics and forensic examination. 2011. No. 2 (30). P. 33–39. (In Russ.)
4. Sedach A. V. History of the formation and development of the institution of criminal prosecution during pre-trial proceedings in a criminal case // Innovative potential for the development of legal science and practice in the modern world : collection of scientific articles / editorial board: S. E. Cheburanova (editor-in-chief) [et al.]. Grodno : Grodno State University. 2023. P. 303–307. (In Russ.)
5. Soltanovich A. V., Polyaschuk N. A. Conceptual ways for improvement of the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus // Pravo.by. 2020. No. 6 (68). P. 99–104. (In Russ.)

6. Danilevich A. A., Samarin V. I. The place of the stage of initiation of a criminal case in the system of criminal procedure of the Republic of Belarus // *Legality and law and order*. 2013. No. 3 (27). P. 24–29. (In Russ.)
7. Karazei O. G. On the necessity to reform the stage of initiating a criminal case // *Fight against crime: theory and practice : materials of the 2nd International scientific and practical conference, Mogilev, February 27, 2014*. Mogilev : Educational Institution “Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus”, 2014. P. 121–123. (In Russ.)
8. Shkaplerov Yu. P. The transformation of the stage of initiating criminal case in the 21st century: Belarusian experience // *Society and law*. 2023. No. 1 (83). P. 43–48. (In Russ.)
9. Sedach A. V., Sorkin V. S. On reasonable terms of pre-trial criminal procedure // *Problems of strengthening law and order: science, practice, trends*. 2023. No. 16. P. 321–327. (In Russ.)
10. Gavrilov B. Ya. Refusal to initiate a criminal case as a criminal procedural guarantee for overcoming resistance // *Development of the doctrine of counteracting the investigation of crimes and measures to overcome it in the context of digital transformation : collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference, Moscow, May 21, 2021 / ed. by Yu. V. Gavrilin, Yu. V. Shpagina*. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. P. 335–345. (In Russ.)
11. Derishev Yu. V. Relic of socialist legality is mutating // *Russian law: education, practice and science*. 2017. No. 6 (102). P. 71–76. (In Russ.)
12. Vorobei S. N. Questions to increase efficiency of production of investigatory and procedural actions in the stage of excitation of the criminal case // *Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. No. 2 (39). P. 30–34. (In Russ.)
13. Golovinskaya I. V. Some features of the regulation of the procedure for consideration of a report on a crime // *Current issues of public law : collection of scientific papers, Vladimir, November 18–19, 2021 / Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov*. Issue 15. Vladimir : KopiA-Servis, 2022. P. 67–71. (In Russ.)
14. Shilko Zh. A. On the issue of compliance with the procedural form in terms of regulating the powers of officials of criminal prosecution bodies to carry out expedited proceedings // *Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 2022. No. 4 (49). P. 140–146. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2022_4_10. (In Russ.)
15. Pechegin D. A. Procedural problems of introduction of category “criminal offence” to the criminal legislation of the Russian Federation // *Criminal law*. 2017. No. 4. P. 98–99. (In Russ.)
16. Abravitova Yu. I., Chabukiani O. A. Criminal misconduct institution: the history and perspectives // *Journal of legal and economic sciences*. 2018. No. 3. P. 1–6. (In Russ.)
17. Maslov V. A. Prospects for the introduction of criminal misconduct into domestic criminal legislation. draft laws of the Supreme Court of the Russian Federation // *Lex russica*. 2023. Vol. 76, no. 5. P. 136–149. (In Russ.)
18. Samko A. V. Features of proof in criminal cases of private prosecution // *Issues of criminology, forensics and forensic examination*. 2020. No. 2 (48). P. 25–28. (In Russ.)
19. Samko A. Some problems associated with the appointment and preparation of court proceedings in criminal cases of private prosecution // *Judicial bulletin*. 2018. No. 4 (108). P. 70–73. (In Russ.)
20. Oleynik V. V. Participation of the victim in criminal prosecution : abstract of dis. ... Cand. of Law. Omsk, 2020. 24 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Фок С. В. – адъюнкт;

Даровских О. И. – доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors:

Fok S. V. – adjunct;

Darovskikh O. I. – Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.04.2026; одобрена после рецензирования 23.04.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 16.04.2026; approved after reviewing 23.04.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 343.12-049.5:343.85(470)

Рамиль Равилович Хусаинов
Уфимский юридический институт
МВД России, Уфа, Россия, ramilh296@mail.ru

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНОГО ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются тактические особенности применения официального предостережения при осуществлении своей деятельности оперативными подразделениями по обеспечению государственной защиты как одной из форм профилактической работы в указанной сфере. Проведен анализ правовой основы применения официального предостережения, приведены факты, свидетельствующие о противоправном воздействии на защищаемых лиц, проанализированы оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), проводимые до применения указанной меры. Исследование показывает, что применению официального предостережения в области государственной защиты предшествует проведение некоторых ОРМ, обеспечивающих информацией, необходимой для организации профилактической работы в области государственной защиты.

Ключевые слова: официальное предостережение, оперативно-розыскное мероприятие, государственная защита, профилактика, оперативная информация, защищаемое лицо, угрозоноситель

Для цитирования: Хусаинов Р. Р. Тактические особенности применения официального предостережения при осуществлении государственной защиты // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 2 (26). С. 59–67.

Original article

Ramil R. Khusainov
*Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Ufa, Russia, ramilh296@mail.ru*

TACTICAL FEATURES OF APPLYING OFFICIAL WARNING DURING THE IMPLEMENTATION OF STATE PROTECTION

Abstract. The article considers the tactical features of applying an official warning when carrying out its activities by operational units to ensure state protection as one of the forms of preventive work in this area. An analysis of the legal basis for the application of the official warning was carried out, the facts indicating the unlawful impact on the protected persons were presented, the operational-search measures carried out before the application of this measure were analyzed. The study shows that the application of an official warning in the field of state protection is preceded by some operational-search measures that provide the necessary information for the organization of preventive work in the field of state protection.

Keywords: official warning, operational-search measure, state protection, prevention, operational information, protected person, thief

For citation: Khusainov R. R. Tactical features of applying official warning during the implementation of state protection // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 2 (26). P. 59–67. (In Russ.)

Введение

Обеспечение безопасности лиц, подлежащих государственной защите, является одним из ключевых компонентов борьбы с преступностью, защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина. При

осуществлении данной деятельности особое значение придается профилактической работе оперативных подразделений, которая позволяет предупредить негативные последствия. По мнению А. А. Бабушкина, важнейшим элементом упреждающего реа-

гирования является оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) органов внутренних дел (далее – ОВД) [1, с. 55]. Одна из форм профилактического воздействия – объявление физическому лицу официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, применение официального предостережения в отношении потенциальных угрозоносителей. Указанная форма предупредительной работы еще не в полном объеме используется в практической деятельности, требуется дальнейшее изучение и разработка методики ее применения.

Методы

При подготовке статьи применялся диалектический метод, проведен анализ научных, нормативно-правовых источников, использованы приемы обобщения и группировки данных, а также сравнительно-правовой метод.

Результаты

Важным компонентом борьбы с преступностью, защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина выступает деятельность по предупреждению противоправного поведения. Это относится ко многим направлениям деятельности полиции, в том числе и государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также других защищаемых лиц. Вопросы госзащиты участников уголовного процесса от физического, психологического и морального давления со стороны крими-

нальной среды приобрели особую актуальность и остаются реальной проблемой для общества [1, с. 26].

Так, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» относит к главным направлениям деятельности полиции предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений¹. В соответствии с Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» ОВД выступают основным субъектом профилактики правонарушений. Согласно п. 1 ст. 6 данного закона, одно из основных направлений профилактики правонарушений – защита личности, общества и государства от противоправных посягательств².

Предупредительная работа ОВД организовывается по двум направлениям: подготовка и проведение профилактических мероприятий общего и индивидуального характера [2, с. 341]. Такая форма профилактического воздействия может быть реализована при проведении индивидуальной профилактической работы.

Порядок объявления официального предостережения регламентирован в приказе Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) от 4 марта 2020 г. № 119 «О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения»³. Впоследствии круг субъектов, имеющих право объявлять официальное

¹ О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения: приказ МВД России от 4 марта 2020 г. № 119. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предостережение, был расширен. С марта 2023 г. к ним отнесены органы, осуществляющие безопасность лиц, подлежащих государственной защите (п. 1.7, 2.8, 4.11 приложения № 3 к приказу МВД России от 4 марта 2020 г. № 119). Это свидетельствует о том, что законодательство, регулирующее государственную защиту, по большей части выходит за пределы уголовно-процессуального регулирования [3, с. 29].

Исследование вопроса необходимо построить с позиции теоретико-правового анализа и результатов практики правоприменения мер безопасности [4, с. 64]. Правоприменение в ОРД – это пример воплощения в жизнь узаконенных норм и правил поведения, протекающих в двух взаимосвязанных формах – гласной и негласной [5, с. 116]. В контексте анализируемой темы, полагаем, будет справедливо рассматривать деятельность оперативных подразделений по обеспечению государственной защиты (далее – ОГЗ) на стадиях до объявления официального предостережения и после него. В зависимости от сложившейся ситуации будет сделан выбор применяемых тактических мер профилактического воздействия. До объявления официального предостережения может сложиться ситуация, когда личность угрозоносителя еще не установлена и не подтверждены его противоправные действия, позволяющие сотрудникам подразделений ОГЗ, официально применить рассматриваемую форму воздействия. Профилактическую работу необходимо строить исходя из указанных обстоятельств. Очевидно, что первоначальная работа сотрудников подразделений ОГЗ должна быть направлена на своевременное выявление фактов противоправного воздействия на защищаемых лиц, их фиксацию (документирование) и установление лиц, совершающих эти деяния. Применению предостережений должна в обязательном порядке предшествовать проверка сведений о готовящихся противоправных деяниях конкретными лицами, как правило, с истребованием от них письменных объяснений [6, с. 36].

О возможном противоправном воздействии на защищаемых лиц могут свидетельствовать следующие факты: проявление высокой осторожности, перемена места жительства или работы; приобретение оружия, иных средств защиты или обращение в частные охранные структуры, которые могли бы обеспечить их безопасность; уклонение от контактов с сотрудниками правоохранительных органов; изменение или отказ от своих ранее данных показаний, которые изобличали подозреваемого; обращение без видимых причин с заявлением о «прощении» обвиняемого; отказ без видимых причин от услуг адвоката; отказ от подачи в рамках уголовного процесса гражданского иска о возмещении вреда, причиненного преступлением, и т. п.

Возникает вопрос, каким образом получить указанные сведения? Ответ очевиден: необходимо проведение некоторых оперативно-розыскных и иных мероприятий в отношении этих категорий граждан. Защищаемые лица по различным критериям (процессуальному статусу, социальному положению и т. д.) – категория достаточно неоднородная [7, с. 410]: они могут быть потерпевшими, свидетелями, подозреваемыми (обвиняемыми), осужденными или иными участниками уголовного судопроизводства, а также судьями, должностными лицами правоохранительных и контролирующих органов. Поэтому требуется тщательное изучение личности защищаемого лица, в том числе путем проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) и с привлечением негласных источников. Получить необходимые данные о защищаемых лицах и событиях, связанных с ними, возможно будет только при проведении в отношении них, а также лиц из числа близкого их окружения преимущественно негласных ОРМ [8, с. 410].

В отдельных случаях сами защищаемые лица способствуют повышению уровня угрозы в их сторону, допуская нарушения следующего характера: непредоставление полной информации о себе и о своих близких (наличие недвижимости, финансовых

и иных обязательств, сокрытие некоторых фактов из биографии и т. д.); несоблюдение установленного и согласованного с подразделениями режима дня; разглашение сведений о применяемых мерах безопасности; расшифровка местонахождения безопасного места; непредоставление информации обо всех случаях оказания на него давления или угрозы со стороны угрозоносителей; посещение мест массового скопления людей; злоупотребление алкогольными напитками и (или) наркотическими средствами; оставление безопасного места или своего жилья (если личная охрана осуществляется только в определенное время) без уведомления сотрудников полиции; утеря средств связи или самозащиты и т. д. Подобные нарушения могут быть выявлены в ходе проведения ОРМ преимущественно негласного характера и стать доказательствами о систематических нарушениях условий договора или предписания, способствовать принятию законного решения об отмене мер безопасности в связи с деструктивным поведением защищаемых лиц.

Иная ситуация может быть с потерпевшими (свидетелями), которые уже могли быть подвергнуты определенному воздействию со стороны обвиняемых. Не доверяя сотрудникам правоохранительных органов, они могут утаивать какую-либо информацию, недооценивать важность таких данных для эффективной организации их защиты. Применительно к этой категории лиц необходимо проведение опросов с целью выяснения их дальнейшего поведения, то есть попытаться выяснить, не собираются ли они в последующем отказаться от показаний или изменить их и по какой причине.

Разумеется, имеются свои особенности и сложности при проведении ОРМ в отношении должностных лиц контролирующих и правоохранительных органов, а также судей. Сложность проявляется в том, что такие лица сами могут быть допущены к осуществлению ОРМ, оказывать активное сопротивление, давать минимальную информацию. Для исключения подобных негативных последствий сотрудниками ОГЗ должны быть

налажены доверительные отношения с защищаемыми лицами. Доверие – это фундаментальное условие для успешного взаимодействия в любой сфере, особенно в контексте государственной защиты [9, с. 28]. Перед осуществлением опроса этой категории защищаемых лиц следует провести тщательную подготовку. В ходе опроса должны задаваться предельно четкие и прямые вопросы, но при этом необходимо соблюдать этические нормы и проявлять деликатность.

Следующим ОРМ, наиболее часто используемым в отношении защищаемых лиц, является наведение справок. Наведение справок проводится с целью получения необходимой информации от органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц [10, с. 91]. В области государственной защиты данное ОРМ направлено на получение информации о защищаемом лице, о фактах и обстоятельствах, связанных с ним и имеющих значение для решения задач по применению мер безопасности, путем непосредственного изучения документов, материалов, баз данных, направления запросов на предприятия, в учреждения и организации, другим юридическим лицам, которые располагают или могут располагать указанной информацией. При проведении данного ОРМ возможно получить значимую информацию; для установления связей защищаемого лица следует направлять запросы по месту жительства, учебы, работы, при необходимости в войсковые части, где лицо проходило службу, на ранее судимых лиц – в места отбывания наказания и т. д.

Огромное значение имеют данные, получаемые при наведении справок из учетов, формируемых в системе ОВД. С помощью указанных учетов возможно получить информацию о наличии судимости у защищаемых лиц, о возбужденных или прекращенных в отношении них уголовных делах, о совершенных ими административных правонарушениях, не заводились ли в отношении них дела оперативного учета, имеются ли какие-либо оперативные данные на этих лиц и т. д. В некоторых ситуациях с целью

зашифровки проводимых мероприятий оперативным сотрудникам необходимо изучать документы непосредственно, например, в жилищно-эксплуатационном управлении, по месту работы, учебы, в лечебных и оздоровительных организациях, различных клубах, секциях, общественных организациях, фондах и т. д.

Для успешной организации государственной защиты и применения с этой целью соответствующих мер безопасности важно постоянное поступление оперативной информации. В сфере обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите, актуальным остается вопрос своевременности и полноты получения информации от оперативных подразделений территориальных органов МВД России [11, с. 9]. Достоверная информация может быть получена от самих защищаемых лиц или же от тех лиц, которые находятся на постоянной связи с ними и которым они доверяют (советуются с ними, обсуждают возникшие обстоятельства, делятся своими планами на будущее). Наличие такого источника дает возможность постоянно получать информацию о защищаемом лице, образе его жизни, окружении, соблюдении им условий договора, недостатках применяемых мер безопасности, новых источниках угрозы, дальнейших планах охраняемого объекта и фактах, свидетельствующих о возможности отмены мер безопасности. Для этого возможно проведение различных мероприятий, ведь любое ОРМ направлено на сбор сведений, основное их отличие – в способах [12, с. 79].

Таким образом, осуществление ОРД посредством проведения различных ОРМ в отношении защищаемых лиц с использованием всех доступных источников информации (материалов уголовных дел, различных учетов, средств массовой информации, конфиденциальных сотрудников, заявлений и объяснений граждан, результатов специальных мероприятий правоохранительных органов и т. д.) может способствовать установлению угрозоносителей (угрозоносителя), а также фактов оказания противоправного воздействия на защищаемых лиц.

Ведь ОРД, по существу, единственный вид государственной правоохранительной деятельности, позволяющий на самых ранних этапах развития тщательно замаскированного преступления выявить его, предупредить наступление вредных последствий и пресечь преступление [13, с. 41]. После получения полных данных лиц, оказывающих противозаконное воздействие на защищаемых лиц, и первичного изучения их личности, а также фиксации их деструктивного поведения возможно применение официального предостережения. Однако данное правовое воздействие не может в полном объеме гарантировать безопасность защищаемого лица, оно только в некоторых случаях может дать положительный эффект. Поэтому после официального предостережения оперативные сотрудники обязаны продолжить свою профилактическую работу, направленную на недопущение преступлений в отношении защищаемых лиц.

Тактические задачи, возникающие в процессе применения мер безопасности, могут быть весьма многообразны, поскольку обусловлены складывающейся ситуацией и имеющейся исходной информацией. Сбор информации о защищаемых лицах и угрозоносителях является первоначальным и очень важным этапом организации предупредительной работы.

При организации этой работы и выборе тактических схем ее осуществления необходимо учитывать личность угрозоносителей. В этой категории могут быть как рецидивисты и иные лица, совершившие преступления общеуголовной направленности, так и представители организованных преступных групп и сообществ.

Особенностью сегодняшнего дня является активное использование новых технологий в совершении преступлений. Поэтому следует учитывать фактор, связанный с цифровизацией преступности, и, как следствие, появление «цифрового преступника» [14, с. 83]. Преступный элемент эффективно использует новые технологии для осуществления своих замыслов, в том числе и в рассматриваемой сфере. Особенности

преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, являются сложный алгоритм действий, организованность, высокий уровень законспирированности преступников, транснациональный характер [15, с. 50]. Подразделения ОГЗ при организации государственной защиты обязательно должны учитывать этот фактор.

Важнейшим элементом в обеспечении государственной защиты является проведение профилактических мероприятий в отношении выявленных угрозоносителей. Большое значение будет иметь изучение их личности, характера, поведения, наличия преступного опыта и проч.

Следующим этапом является осуществление оперативного наблюдения, с помощью которого можно получить информацию о возникновении преступного умысла у угрозоносителей. Выяснить, в каких действиях он выражается, на каких этапах возникло желание совершить противоправное воздействие, какие обстоятельства этому способствовали. Наличие оперативной информации позволяет негласно контролировать их действия, изучить весь механизм подготовки и совершения преступлений, а также своевременно вмешаться оперативным сотрудникам в ситуацию, принять оперативно-розыскные меры и предотвратить возможное совершение посягательства в отношении защищаемого лица. Причем оперативные меры должны сочетаться и дополнять применяемые меры безопасности.

После сбора необходимой информации осуществляется выбор мер безопасности в зависимости от степени угрозы, личности угрозоносителя и защищаемого лица. Наиболее часто используются такие меры, как: личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице.

Применение указанных видов мер защиты объясняется возможностью их организации в течение короткого времени, простой процедурой документального

оформления и эффективностью. Например, личная охрана, охрана жилища и имущества не только обеспечивают защиту, но и оказывают большое психологическое воздействие как на защищаемое лицо, так и на угрозоносителя. Лица, взятые под государственную защиту, реально ощущают результат, появляется уверенность быть защищенными от всяких нападков, что в свою очередь способствует их активному участию в уголовном судопроизводстве. Угрозоносители, осознав наличие защиты со стороны правоохранительных органов, могут отказаться от ранее задуманных планов в отношении защищаемых лиц.

Наличие специальных средств, связи и оповещения также в некоторых ситуациях могут предотвратить возможное нападение и дать отпор, но для этого сотрудники должны подготовить своих подзащитных. Необходимо научить их пользоваться выданными средствами защиты и проинформировать о возможных способах оказания на них давления. Также нужно определить им линию поведения при возникновении таких ситуаций, подсказать, какие необходимо принять меры для своей защиты. Но лучше не допускать возникновения подобных случаев, для этого нужно вести постоянное сопровождение объектов защиты при проведении процессуальных действий и осуществлять физическую защиту по месту пребывания.

В целях профилактической работы с угрозоносителями важное значение имеет постоянный контакт с ними со стороны сотрудников оперативных подразделений. Эта работа заключается в проведении предупредительных бесед, периодическом посещении по месту жительства, официальном предостережении о недопустимости противоправных поступков. Дополнительно следует проинформировать о возможности привлечения к уголовной ответственности при оказании неправомерного давления на участников уголовного судопроизводства. Важно привлекать угрозоносителей к ответственности за административные правонарушения при наличии законных оснований.

Указанные меры могут быть эффективны на первоначальном этапе. Но, к сожалению, они не смогут в полном объеме защитить объекты от представителей организованной преступности, и органы, обеспечивающие государственную защиту, будут вынуждены принять решение о применении более сложных в организационном плане и реализации мер безопасности (изменение внешности, замена документов, переселение на другое место жительства и т. д.).

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что в рамках государственной защиты, наряду с мерами безопасности и проводимыми для их обеспечения ОРМ, возможно объявление официального предостережения о

недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений. Указанная мера может не только предотвратить противоправное воздействие на защищаемых лиц, но также создает условия для:

- документирования противоправных действий угрозоносителей в отношении защищаемых лиц;
- формирования благоприятной ситуации, необходимой для решения тактических задач;
- негласного контроля за эффективностью применяемых мер безопасности;
- проведения ОРМ и мер безопасности с целью профилактики преступлений в отношении защищаемых лиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабушкин А. А. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел в отношении лиц, склонных к совершению преступлений // Научный портал МВД России. 2019. № 1 (45) С. 55–60.
2. Габзалилов В. Ф., Максимов К. В. Оперативно-розыскные аспекты государственной защиты участников уголовного процесса // Обеспечение безопасности лиц, подлежащих государственной защите: вопросы теории и практики : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Уфа, 12 сент. 2024 г. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2024. С. 23–27.
3. Хусаинов Р. Р., Даянов И. С. Профилактика преступлений как одно из направлений обеспечения безопасности детей // Аграрное и земельное право. 2024. № 3 (321). С. 340–344. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_3_340.
4. Безруков С. С. Логические изъяны содержания отдельных принципов уголовного процесса // Журнал российского права. 2013. № 7 (199). С. 28–35.
5. Кириловский О. В. Особенности применения меры безопасности в виде личной охраны, охраны имущества в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 3 (81). С. 62–67.
6. Десятов М. С. Принципы реализации актов оперативно-розыскного правоприменения в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 115–121.
7. Катин А. Н. Официальное предостережение как средство профилактики правонарушений в деятельности подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите // Обеспечение безопасности лиц, подлежащих государственной защите: вопросы теории и практики : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Уфа, 12 сент. 2024 г. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2024. С. 34–43.
8. Хусаинов Р. Р., Даянов И. С. Актуальность проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении защищаемых лиц // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 410–412.
9. Газизьянов Т. А. Психологические аспекты установления доверительных отношений между сотрудниками подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, и защищаемыми лицами // Обеспечение безопасности лиц, подлежащих государственной защите: вопросы теории и практики : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Уфа, 12 сент. 2024 г. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2024. С. 27–30.
10. Хусаинов Р. Р. Некоторые проблемные вопросы оперативно-розыскного мероприятия – наведение справок // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 3 (11). С. 88–91.

11. Ахмедов А. Г., Насыров Р. Р. О некоторых аспектах организации взаимодействия, осуществляемого оперативными подразделениями в рамках оперативно-розыскного обеспечения мер государственной защиты // Обеспечение безопасности лиц, подлежащих государственной защите: вопросы теории и практики : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Уфа, 12 сент. 2024. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2024. С. 7–11.

12. Гоннов Р. В., Напханенко И. П., Брюхнов А. А. Понятие, содержание и назначение оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий сооружений, участков местности и транспортных средств» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 77–84.

13. Гусев В. А. Обжалование действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Законность. 2012. № 1 (927). С. 40–44.

14. Иванов П. И. К вопросу о личности «цифрового преступника» // Философия права. 2024. № 3 (110). С. 128–135.

15. Газимуллин И. Ю. Некоторые организационно-тактические особенности противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 1 (9). С. 50–54.

REFERENCES

1. Babushkin A. A. Operational-search activity of the internal affairs bodies in respect of persons likely to commit crimes // Scientific portal of the Russian Ministry of the Interior. 2019. No. 1 (45). P. 55–60. (In Russ.)

2. Gabzalilov V. F., Maksimov K. V. Operational-search aspects of state protection of participants in criminal proceedings // Ensuring the safety of persons subject to state protection: theoretical and practical issues : collection of materials of the all-Russian scientific and practical conference, Ufa, September 12, 2024. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 23–27. (In Russ.)

3. Khusainov R. R., Dayanov I. S. Crime prevention as one of the directions of ensuring children's safety // Agrarian and land law. 2024. No. 3 (231). P. 340–343. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_3_340. (In Russ.)

4. Bezrukov S. S. Logical flaws in the content of individual principles of criminal procedure // Journal of Russian law. 2013. No. 7 (199). P. 28–35. (In Russ.)

5. Kirilovsky O. O. Peculiarities of application safety measures as a personal protection, protection of property relating to employees of the criminal-executive system and their close // Bulletin of Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2018. No. 3 (81). P. 62–67. (In Russ.)

6. Desyatov M. S. Principles for the implementation of acts of operational and search enforcement in the sphere illegal drug traffic // Bulletin of Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 2 (96). P. 115–121. (In Russ.)

7. Katin A. N. Official warning as a means of preventing offenses in the activities of units ensuring the security of persons subject to state protection // Ensuring the safety of persons subject to state protection: theoretical and practical issues : collection of materials of the all-Russian scientific and practical conference, Ufa, September 12, 2024. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 34–43. (In Russ.)

8. Khusainov R. R., Dayanov I. S. Topical issues of conduction of operational-search measures in relation to protected persons // Eurasian law journal. 2022. No. 3 (166). P. 410–412. (In Russ.)

9. Gazizyanov T. A. Psychological aspects of establishing trusting relationships between employees of departments for ensuring the security of persons subject to state protection and protected persons // Ensuring the safety of persons subject to state protection: theoretical and practical issues : collection of materials of the all-Russian scientific and practical conference, Ufa, September 12, 2024. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 27–30. (In Russ.)

10. Khusainov R. R. Some problem questions of operational-search activities – inquiries // Law: retrospective and perspective. 2022. No. 3 (11). P. 88–92. (In Russ.)

11. Akhmedov A. G., Nasyrov R. R. On some aspects of the organization of interaction carried out by operational units within the framework of operational-search support for state protection measures // Ensuring the safety of persons subject to state protection: theoretical and practical issues : collection of materials of

the all-Russian scientific and practical conference, Ufa, September 12, 2024. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 7–11. (In Russ.)

12. Gonnov R. V., Napkhanenko I. P., Bryukhnov A. A. The concept, content and purpose of the operational-search measure “inspection of premises, buildings, structures, areas and vehicles” // Bulletin of Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 77–84. (In Russ.)

13. Gusev V. A. Appeal procedure against actions of agencies carrying out operative and detective work // Zakonnost. 2012. No. 1 (927). P. 40–44. (In Russ.)

14. Ivanov P. I. On the question of the identity of the “digital criminal” // The philosophy of law. 2024. No. 3 (110). P. 128–135. (In Russ.)

15. Gazimullin I. Yu. The some organizational and tactical features of countering crimes committed with the use of information and telecommunication technologies // Law: retrospective and perspective. 2022. No. 1 (9). P. 50–54. (In Russ.)

Информация об авторе:

Хусаинов Р. Р. – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Khusainov R. R. – Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 343.97:343.711.4(470)

Сергей Анатольевич Черняков¹,
Дмитрий Вадимович Челядинов²

¹ Белгородский юридический институт
МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород,
Россия, sache2009@yandex.ru

² независимый исследователь, Белгород, Рос-
сия, dmit.chelyadinow2013@yandex.ru

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЯМ ЛОМА МЕТАЛЛА, ПЕРЕВОЗИМОГО НА ПЕРЕПЛАВКУ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ

Аннотация. Статья посвящена вопросам противодействия хищениям лома металла, перевозимого на переплавку железнодорожным транспортом открытого акционерного общества «Российские железные дороги» (далее – ОАО «РЖД»). Специфика преступной деятельности данного вида такова, что, по мнению авторов, противодействие подобным преступлениям может быть эффективным исключительно при использовании оперативно-розыскных мер в условиях четкого взаимодействия подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, подразделений, реализующих процессуальные полномочия, а также отдельных подразделений, обеспечивающих охрану общественного порядка.

В научной статье посредством анализа материалов возбужденных уголовных дел авторы делают вывод о специфических причинах и условиях, детерминирующих рассматриваемый вид краж. Подробно исследуются способы хищений металла в процессе его транспортировки в вагонах и полувагонах по железной дороге. Раскрываются технические характеристики весовых устройств, используемых в инфраструктуре ОАО «РЖД», а также их потенциал в оперативно-аналитической работе. Вносятся конкретные предложения, направленные на предупреждение краж металла во время его перевозки железнодорожным транспортом.

Ключевые слова: предупреждение, железнодорожный транспорт, кража, металл, охрана, оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Черняков С. А., Челядинов Д. В. Оперативно-розыскные меры противодействия хищениям лома металла, перевозимого на переплавку железнодорожным транспортом // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 2 (26). С. 68–78.

Original article

Sergey A. Chernyakov¹,
Dmitry V. Chelyadinov²

^{1, 2} Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of
the Interior of Russia, Belgorod, Russia

¹ sache2009@yandex.ru

² independent researcher, Belgorod, Russia, dmit.chelyadinow2013@yandex.ru

OPERATIONAL AND SEARCH MEASURES TO COUNTER THE THEFT OF METAL WASTE TRANSPORTED FOR REMELTING BY RAIL

Abstract. The article is devoted to the issues of countering the theft of scrap metal transported for remelting by the “Russian Railways” Open Joint-Stock Company by rail. According to the authors, the specific nature of this type of crime means that countering such crimes can only be effective through the use of operational and investigative measures, as well as through the close cooperation of operational and investigative units, procedural units, and public order units.

© Черняков С. А., Челядинов Д. В., 2026

The authors analyze the materials of criminal cases and draw conclusions about the specific causes and conditions that determine this type of theft. The methods of metal theft during its transportation in railcars and semi-railcars are studied in detail. The technical characteristics of weighing devices used in the infrastructure of Russian Railways and their potential for operational and analytical work are revealed. Specific proposals are made to prevent metal theft during its transportation by rail.

Keywords: prevention, railway transport, theft, metal, security, operational search activities

For citation: Chernyakov S. A., Chelyadinov D. V. Operational and search measures to counter the theft of metal waste transported for remelting by rail // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 2 (26). P. 68–78. (In Russ.)

Введение

Аналитические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2024 год свидетельствуют о том, что значительную долю всех зарегистрированных в стране хищений составляют кражи чужого имущества¹. Существенных изменений в структуре данного вида преступлений не произошло и в 2025 г.² Аналогичная ситуация сохраняется и в статистических отчетах о преступлениях, совершаемых на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры³.

Серьезную проблему для правоохранительных органов представляют кражи грузов на транспорте, в частности хищения перевозимого лома черных и цветных металлов. Низкая стоимость перевозок, осуществляемых железнодорожным транспортом, делает его привлекательным для хозяйствующих субъектов при выборе способов транспортировки различных грузов⁴. Лом металла, как правило, перевозится в стандартных полувагонах без охраны. В юридической литературе неоднократно отмечалось, что рас-

крытие таких преступлений представляет значительную сложность, при этом подчеркивается, что достижение положительного результата возможно лишь при комплексном использовании сил и средств оперативных подразделений.

Методы

Методологическую основу настоящего исследования составляют общенаучные и специальные методы научного познания. Методика исследования базируется на анализе правовых норм Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁵, Уголовного кодекса Российской Федерации⁶ (далее – УК РФ), Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁷ (далее – УПК РФ), научных трудов, а также материалов следственной и судебной практики по теме исследования.

Основу научной статьи составляют материалы, полученные в результате анализа уголовных дел о кражах лома металла при его перевозке железнодорожным транспор-

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года / ГИАЦ МВД России. М., 2025. С. 2. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 03.11.2025).

² Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 года / ГИАЦ МВД России. М., 2026. С. 2. URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 03.02.2026).

³ Тезисы доклада начальника УТ МВД России // Управление на транспорте МВД России по Северо-Западному федеральному округу. URL: <https://сзфоут.мвд.рф/document/63400420> (дата обращения: 03.02.2026).

⁴ Сто тысяч экономии на одной грузоперевозке: когда пора переходить на доставку железнодорожным транспортом // Информационный портал ati.su «Биржа грузоперевозок». URL: <https://zen.ati.su/article/2022/09/26/sto-tysjach-ekonomii-na-odnoj-gruzoperevozke-kogda-pora-perehodit-na-dostavku-zheleznodorozhnym-transportom-525202/?ysclid=mm1src9c27848140623> (дата обращения: 15.11.2025).

⁵ Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

том¹, оперативно-служебных материалов территориальных органов внутренних дел² (далее – ОВД), а также научных публикаций отдельных исследователей [1; 2; 3]. Анализ указанных и ряда других источников [4; 5; 6; 7] позволяет сделать вывод о том, что в них освещаются лишь отдельные аспекты краж грузов, перевозимых железнодорожным транспортом, и не затрагиваются вопросы, являющиеся предметом настоящего исследования.

Результаты

Анализ материалов возбужденных уголовных дел позволяет выявить специфические (непосредственные) причины и условия, детерминирующие совершение рассматриваемого вида преступлений. К таким причинам, помимо прочих, можно отнести:

– низкие заработные платы отдельных сотрудников, обслуживающих железнодорожную инфраструктуру, осведомленных о номенклатуре перевозимых грузов и графике движения поездов;

– низкий социальный и экономический уровень жизни в отдельных населенных пунктах по пути следования вагонов;

– сформировавшаяся криминальная традиция совершения рассматриваемых преступлений в отдельных населенных пунктах по пути следования вагонов, вызванная в том числе целым спектром благоприятных условий их совершения: высоким уровнем латентности данного вида преступлений, их низкой раскрываемостью и, как следствие, нереализацией принципа неотвратимости наказания за совершенные хищения.

Основными условиями совершения краж перевозимого лома черных и цветных металлов выступают:

1) отсутствие охраны грузов в пути его следования, а также во время стоянки вагонов на отдельных станциях в связи с тем, что несмотря на наличие на крупных узловых станциях подразделений военизированной

охраны структур открытого акционерного общества «Российские железные дороги» (далее – ОАО «РЖД») в их задачи охрана данной номенклатуры грузов не входит, а взаимодействие с правоохранительным блоком можно охарактеризовать как недостаточное;

2) отсутствие на отдельных станциях рельсовых весов для взвешивания вагонов и оборудования для их круглосуточной фотосъемки в трех проекциях;

3) нежелание хозяйствующих субъектов приобретать оборудование для прессовки металла в более крупные (неподъемные без использования кранового оборудования) фракции;

4) наличие удобных подъездов к железнодорожному пути, а также лесополос либо лесного массива, позволяющих скрывать тайники из сброшенного с проходящих вагонов металла;

5) значительное искривление железнодорожного пути на отдельных участках дороги, из-за чего грузовые поезда вынужденно снижают скорость до 15–20 км/ч, что позволяет преступникам проникнуть в движущийся состав и разъединить воздушную тормозную магистраль, что влечет за собой принудительную остановку поезда и сброс с вагона металлолома;

6) наличие у преступников информации о номенклатуре и времени перевозимых грузов (в преступных схемах похищения металла часто задействованы дежурные по станциям, составители поездов, осмотрщики вагонов и т. п.);

7) недостаточное оперативное прикрытие объектов транспортной инфраструктуры и работающих там сотрудников.

В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что для предупреждения краж перевозимого железнодорожным транспортом лома цветного и черного металла эффективным может являться обеспе-

¹ Уголовные дела № 11701140027000421 и 11701140027000483, возбужденные в 2017 г.; уголовное дело № 12001140027000136, возбужденное 13 февраля 2020 г.; и др.

² Аналитические материалы подразделения уголовного розыска отдела полиции № 1 УМВД России по г. Ст. Оскол за 2017–2020 гг.

чение «оперативного прикрытия», а именно систематическое заведение дел оперативно-го учета в отношении лиц из числа персонала ОАО «РЖД». Наиболее предпочтительны для оперативной проверки и последующей разработки лица, занимающие должности дежурных по крупным станциям (как правило, узловым), в пути следования поездов, включающих в себя полувагоны, груженные ломом металлов, на которых проводятся маневровые и сортировочные работы с подвижным составом, проведение технического осмотра вагонов, смена локомотива, что обуславливает длительное нахождение грузов (сутки и более) на неохраняемых железнодорожных путях сортировочного парка.

Особый интерес представляют сотрудники, трудоустроенные на конечных станциях, где и происходит окончательное расформирование составов и подача вагонов по подъездным путям грузополучателю. Как показывает анализ результатов проведения оперативно-розыскных мероприятий, эти должностные лица, во-первых, имеют доступ к электронным ресурсам ОАО «РЖД» и могут получать оперативно информацию о номенклатуре перевозимых грузов. Большое значение для преступных групп, совершающих кражи лома черных металлов, имеет получение сведений о номере вагона и о том, какой вагон по счету от локомотива. Как правило, эти преступления совершаются в ночное время суток, за относительно небольшой промежуток времени, и оперативность «выхода на вагон» здесь для преступников первостепенна.

Кроме этого, на станциях с широким путевым развитием и протяженным сортировочным парком важное значение имеет информация о пути прибытия поезда и месте последующего нахождения искомого вагона. Также дежурный по станции может направить эти вагоны в удаленные тупики станции, неосвещенные, примыкающие к лесному массиву и имеющие удобные подъезды в виде грунтовых дорог. Существенное значение имеет наличие высоковольтной контактной сети на железнодорожном пути (тупике) станции, где будет длительное

время находиться предполагаемый объект преступного посягательства. Сброс лома из полувагона под контактной сетью крайне опасен для самих преступников, особенно в сырую и дождливую погоду, что они сами осознают, так как в основной массе являются действующими или бывшими железнодорожниками.

Дежурный по станции, в соответствии со своими должностными инструкциями, осуществляет руководство персоналом станции, задействованном в организации движения поездов, маневровой работой, а в ночное время обладает правами начальника станции. Сменный график дежурных по станции – день, ночь, 48 часов отдыха. Путем несложного анализа истории движения вагонов, ставших объектами преступных посягательств, можно установить смену, вовлеченную в соответствующие криминальные схемы. Наиболее эффективными оперативно-розыскными мероприятиями (далее – ОРМ) в отношении данной категории лиц остаются прослушивание телефонных переговоров (далее – ПТП) и снятие информации с технических каналов связи (далее – СИТКС).

Представляется абсолютно необходимым проведение СИТКС с целью установления иных абонентских номеров, используемых проверяемыми и разрабатываемыми. На объектах железнодорожного транспорта, зачастую удаленных от населенных пунктов, находящихся в лесистой местности, удобной для совершения краж и вывоза похищенного имущества, как правило, неустойчивое покрытие сотовой связи и нестабильный интернет-трафик, ввиду чего использование мессенджеров и аналогичных приложений невозможно или возможно не в полном объеме. По вышеуказанным причинам, соответственно, лица данной категории вынуждены использовать «одноразовые» сотовые телефоны, что позволяет ПТП в этих условиях оставаться эффективным.

Результативным является проведение такого ОРМ, как наведение справок с целью получения информации о движении денежных средств по счету как фигуранта, так и

его близких родственников. Данная категория лиц получает незаконные денежные вознаграждения, как правило, дистанционно, путем получения переводов на счет банковской карты с суммами по 5–10 тыс. рублей, в основном на следующий день после реализации похищенного в пунктах приема лома черных и цветных металлов. Стоит отметить, что дежурный по станции не всегда является лидером преступной группы, наиболее часто речь может идти об активном участнике.

Не меньший оперативный интерес представляют машинисты маневровых тепловозов и составители поездов, работающие с ними в паре. Составители поездов и осмотрщики вагонов также могут принимать непосредственное участие в совершении краж лома металлов, осуществляя его сброс на «полосу отчуждения». В вывозе похищенного они не участвуют. Для преступников ценно то, что машинист маневрового тепловоза может совершить вынужденную остановку при маневровых работах, имитируя неисправность локомотива, на нужном участке железнодорожного пути; также остановка может быть легендирована необходимостью приема пищи машиниста и прочими причинами.

В отношении данной категории лиц применимы вышеуказанные оперативно-розыскные мероприятия, однако здесь ПТП часто может быть неэффективным, так как машинист может напрямую контактировать как с дежурным по станции, так и с лицами, осуществляющими непосредственный сброс и вывоз похищенного. В данном случае наиболее эффективной представляется негласная установка средств видеонаблюдения с камерами высокого разрешения соответствующими оперативно-техническими подразделениями, что позволяет осуществлять мониторинг участков станции, где ведутся маневровые работы, а также прилегающих участков местности, грунтовых дорог в режиме реального времени.

В преступные схемы могут быть вовлечены сотрудники ведомственной военизированной охраны ОАО «РЖД», которые получают незаконные денежные вознаграждения

за неучастие (так называемое прикрытие). При совершении преступлений в их задачи входит невмешательство в происходящие процессы и предупреждение преступников о возможном появлении на станции сотрудников транспортной полиции. Эта преступная связь трудно документируется. Связь в этом случае поддерживается в основном с лидером преступной группы. Незаконные денежные вознаграждения такие сотрудники получают также дистанционно, путем осуществления банковских переводов.

Большой оперативный интерес представляют лица, ранее судимые за совершение аналогичных преступлений, проживающие в непосредственной близости от района прохождения железнодорожных путей, которые, как правило, причастны к организации вывоза и реализации похищенного металлолома, а некоторые из них являются лидерами соответствующих преступных групп. Данный контингент имеет определенный криминальный опыт, соблюдает требования конспирации, что выражается в использовании аналоговых радиостанций с шифрованием рабочих частот, автомобилей повышенной проходимости (например, УАЗ-3303), не состоящих на учете в Госавтоинспекции, приборов ночного видения.

В отношении данной категории лиц целесообразно проведение всего комплекса оперативно-технических и оперативно-поисковых мероприятий в рамках заведенных дел оперативного учета; приоритетным является установление «грузовика» – транспортного средства, на котором вывозится похищенный металлолом. В случае установления транспортного средства, а их у преступников, как правило, ограниченное количество, целесообразно проведение ОРМ «наблюдение» силами оперативно-поисковых подразделений с использованием специальных технических средств, которые позволяют получать дистанционно информацию о местонахождении (геолокации) автомобиля в режиме реального времени.

Кроме этого, необходима практика включения профилактической составляющей про-

тиводействия путем проведения обысковых мероприятий по нераскрытым уголовным делам, возбужденным по признакам состава преступлений, связанных с хищением лома металлов на объектах железнодорожного транспорта. При планировании данных мероприятий целесообразным является привлечение сотрудников специальных подразделений Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардия) для обеспечения силовой поддержки. Помимо решения задач, указанных в постановлении о проведении обыска, сотрудники оперативных подразделений могут реализовывать и свои частные задачи, такие как: установление абонентских номеров сотовой связи, находящихся в фактическом пользовании фигурантов; используемых транспортных средств; лиц, проживающих совместно с фигурантами. Обыск может послужить базой для проведения ряда оперативно-технических мероприятий специализированными подразделениями.

Не менее важным направлением является оперативное прикрытие возможных мест сбыта похищенного металлолома, которыми в данном случае являются пункты приема лома черных и цветных металлов. Стоит отметить, что на территории Российской Федерации деятельность по приему, переработке и реализации лома черных металлов в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 28 мая 2022 г. № 980 «О некоторых вопросах лицензирования деятельности по заготовке, хранению, переработке и реализации лома черных и цветных металлов, а также обращения с ломом и отходами черных и цветных металлов и их отчуждения» является лицензируемой и осуществляется исключительно юридическими лицами. Часто такая деятельность ведется с существенными нарушениями административного законодательства, предусмотренными ст. 14.26 Кодекса Российской Федерации об административных нарушениях (далее – КоАП РФ) «Нарушение правил обращения с ломом и отходами цветных и черных металлов и их отчуждения». Привлечение дважды к административной

ответственности за нарушение указанной нормы КоАП РФ влечет за собой приостановление действия соответствующей лицензии и фактически прекращение предпринимательской деятельности хозяйствующего субъекта. Типичными нарушениями являются: прием лома без оформления приема-сдаточного акта; расчеты с лицом, сдающим лом, наличными денежными средствами без оформления соответствующих кассовых документов; неоформленный в соответствии с трудовым законодательством персонал; несоответствие первичной бухгалтерской документации фактической предпринимательской деятельности; сокрытие доходов и прибыли и др.

Некоторые юридические лица могут иметь лицензию только на перевозку и хранение лома, а по факту вести его прием у физических лиц. Распространено несоответствие фактического и юридического адреса юридического лица, а также ведение предпринимательской деятельности без регистрации в качестве юридического лица, что при определенном размере дохода имеет признаки деяния, предусмотренного ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство». Эти аспекты крайне важны при работе с собственниками и должностными лицами вышеуказанных предприятий.

Эта категория лиц крайне неохотно дает информацию о лицах, реализующих металлолом, добытый преступным путем, так как в небольших пунктах приема лома черных и цветных металлов доля «криминального» лома может составлять до 80 % от оборота. Полностью легальная ситуация и учет оборота лома реализуется лишь на крупных металлургических предприятиях, остальная часть остается преимущественно в «серой» зоне. В ряде случаев просматривается устойчивая связь между лидерами преступных групп и представителями вышеуказанных хозяйствующих субъектов. В основном каждая преступная группа ориентирована на конкретный пункт скупки лома, заранее оговаривается время отгрузки лома, цена за тонну, требуемое качество лома.

Таким образом, привлечение к негласному сотрудничеству лиц этой категории маловероятно, а зачастую и нецелесообразно ввиду их вовлеченности в преступные схемы. В то же время проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении этих субъектов необходимо и является крайне важным, оправданным при наличии оперативной информации, подтвержденной материалами уголовных дел, бухгалтерской документацией, о транспортных средствах, жестких дисках и накопителях систем видеонаблюдения, средствах связи, персональных компьютерах, денежных средствах и собственно изъятим металлоломе.

Главной проблемой является обезличенность имущества, добытого преступным путем, то есть металлолома, который обычно мелкофракционный и индивидуальных признаков не имеет. Кроме того, проблемой является доступ сотрудников полиции на площадки пунктов приема лома металлов с целью проведения ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, транспортных средств и участков местности», так как предприниматели всячески этому противодействуют, привлекают частные охранные предприятия, которые препятствуют доступу сотрудников правоохранительных органов на охраняемую территорию, используя при этом инженерные заграждения (заборы, шлагбаумы, барьеры и т. п.), в том числе оказывают физическое сопротивление.

Ввиду этого мероприятия в соответствии с приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) от 1 апреля 2014 г. № 199 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприя-

тия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», а также обыски необходимо проводить с привлечением сотрудников специальных подразделений Росгвардии, так как задержка в проникновении на интересующий пункт приема может привести к уничтожению фигурантами объектов, подлежащих отысканию, таких как: средства связи (сотовые телефоны), носители систем видеонаблюдения, «черная бухгалтерия» – журналы и тетради, отражающие фактический оборот лома черных металлов в приемном пункте.

При отработке мест сбыта похищенного в рамках заведенных дел оперативного учета необходимо проведение таких ОРМ, как: ПТП в отношении должностных лиц юридического лица, наблюдение за фактическим местом приема лома черных металлов; при необходимости возможно получение информации о движении денежных средств по расчетным счетам юридического лица, анализ которой потребует привлечения сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции.

Следует акцентировать внимание сотрудников оперативных подразделений на необходимости работы и с представителями организаций, являющихся потерпевшими по уголовным делам, возбужденным по признакам состава преступлений, связанных с совершением краж металлолома из подвижного состава. Очевидно, что такие меры, как укладка мелкофракционного лома в верхней части полувагона, его окрашивание, прессование мелкогабаритного груза в крупногабаритные фракции весом более одной тонны, использование металлической сетки для закрытия в полувагоне перевозимого металлолома с закреплением ее на груз электро-сваркой, имеют значительный эффект в профилактике преступлений подобного рода. Как правило, грузоотправитель на вышеуказанные меры идет неохотно, так как они влекут за собой существенное увеличение себестоимости перевозки грузов данной категории.

Важным моментом является изучение коммерческих договоров, заключенных между грузоотправителем и грузополучателем, с целью выяснения вопросов: кто несет убытки при совершении кражи лома в пути следования, страхуется ли груз, несет ли ответственность за сохранность груза ОАО «РЖД», если да, то каким образом. В некоторых организациях наличие штата высокооплачиваемых сотрудников службы безопасности обусловлено только обеспечением сохранности перевозимого по железной дороге металлолома, что не исключает фальсификации недостач, имитации совершения краж непосредственно вышеуказанными сотрудниками с целью получения незаконных денежных вознаграждений и обоснования перед собственником предприятий необходимости наличия в штате сотрудников службы безопасности.

При системном поступлении заявлений о кражах лома от представителя одного и того же предприятия обязательным в некоторых случаях является проведение комплекса оперативно-технических и оперативно-поисковых мероприятий в отношении этой категории лиц, что влечет за собой некоторые сложности, связанные с проведением оперативно-розыскных мероприятий в иных субъектах Российской Федерации и выездом сотрудников оперативных подразделений в служебные командировки.

Следует рассмотреть вопросы, связанные с тактикой документирования противоправной деятельности лиц, причастных к совершению краж лома черных металлов на объектах железнодорожного транспорта, и последующей реализацией полученных результатов оперативно-розыскной деятельности. Наивысшим результатом в оперативной работе было и остается задержание разрабатываемых лиц с поличным, непосредственно в момент совершения преступления [8, с. 176], однако ввиду специфики совершаемых преступлений имеются существенные сложности.

Типовая преступная группа, занимающаяся совершением хищений данного вида, состоит из лидера (организаторские

функции, реализация похищенного и распределение денежных средств, полученных преступным путем), активного участника (сотрудник ОАО «РЖД», дежурный по станции, машинист маневрового тепловоза, составитель поездов), лиц, непосредственно занимающихся сбросом похищенного лома с железнодорожных полувагонов, лиц, занимающихся погрузкой похищенного лома в автомобиль, осуществляющий вывоз лома в пункт приема металлолома, водителя этого автомобиля и собственника (представителя) организации, которая приобретает имущество, добытое заведомо преступным путем. Преступники в большинстве случаев в целях конспирации между собой могут быть не связаны. Так, лица, занимающиеся сбросом лома, и лица, занимающиеся его погрузкой, могут быть вообще незнакомы друг с другом, а сотрудник ОАО «РЖД», приемщик похищенного и водитель замыкаются непосредственно на лидере преступной группы.

Схема совершения преступления выглядит следующим образом: «железнодорожник» заранее (от 12 часов до суток) получает информацию о прибытии вагонов с металлоломом и сообщает об этом лидеру; лидер предупреждает «сбросщиков» о готовности; за 2–3 часа «железнодорожник» сообщает лидеру время прибытия вагона (вагонов), затем уточняет точное местонахождение вагона, его номер, расположение от локомотива, передает полученную информацию лидеру. Лидер в свою очередь сообщает точные координаты вагона «сбросщикам», которые выдвигаются на территорию станции, совершают сброс лома, маскируют его, как правило, в прилегающем лесном массиве и покидают место совершения преступления. При этом «железнодорожник» через лидера предупреждает «сбросщиков» при необходимости о прибытии на станцию сотрудников полиции, ведомственной охраны ОАО «РЖД» и т. д.

В случае если сброс лома проходит «благополучно», через некоторое время (от нескольких часов до суток) по указанию лидера прибывают «грузчики» и водитель,

которые непосредственно осуществляют вывоз похищенного, причем в пункт приема металла водитель следует один, хотя иногда «грузчики» следуют впереди и предупреждают о наличии по пути следования нарядов дорожно-патрульной службы. Как правило, при задержании «грузчики» указывают в объяснении, что нашли лом в лесном массиве, а к совершению кражи (сброса) отношения не имеют, что без результатов оперативно-розыскной деятельности тяжело опровергнуть. Водитель прибывает в пункт приема металлолома, где без оформления приемо-сдаточного акта отгружает лом; лидер у скупщика забирает вырученные денежные средства либо наличными, либо путем банковского перевода и безналичным способом распределяет выручку между всеми участниками преступной группы, в том числе выплачивая незаконные денежные вознаграждения сотрудникам ведомственной охраны ОАО «РЖД» за их бездействие.

Очевидно, что такая преступная группа имеет все признаки организованности [9, с. 282], такие как: четкое распределение ролей, наличие лидера, коррупционной составляющей [10, с. 60], а в действиях участников усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ, которое является тяжким преступлением.

Тактически верным является задержание в момент сброса с вагона с последующим одновременным задержанием остальных известных участников преступной группы и проведение обысков по месту их жительства. Однако практическая реализация таких действий имеет определенные сложности по следующим причинам: мероприятие такого рода потребует задействования значительных сил и средств из числа сотрудников оперативных, оперативно-поисковых, оперативно-технических подразделений; кроме того, ввиду признаков организованности преступной группы необходимо обеспечение физического прикрытия сотрудниками специальных подразделений Росгвардии.

Наибольшую сложность представляет собой размещение группы задержания в непосредственной близости от объекта хищения. Длительное нахождение (несколько суток) сотрудников на участке местности, непосредственно прилегающей к станции, по объективным причинам невозможно, а за несколько часов, преимущественно в ночное время, скрытно вывести группу из 4–6 сотрудников на вагон, перемещающийся по станции в ходе выполнения маневровых работ, маловероятно, так как необходимо время на сбор, вооружение личного состава, инструктаж, его развертывание.

В случае если противоправная деятельность разрабатываемой преступной группы задокументирована должным образом, результаты оперативно-розыскной деятельности в установленном порядке предоставлены в органы предварительного следствия и имеются достаточные основания для задержания лидера и активных участников преступной группы в порядке ст. 91 УПК РФ, то можно планировать серию задержаний и последующих (либо одновременно с задержанием) обысков в отношении фигурантов.

Возможно проведение ОРМ «оперативный эксперимент» с использованием некоторых технических средств по следующей схеме: в фрагмент лома на станции грузоотправителя маскируется GPS-трекер и помещается в верхнюю часть полувагона, не выделяя из общей массы лома. Как правило, используется фрагмент металлической трубы, внутри которой специальное техническое устройство закрепляется и маскируется монтажной пеной. В случае совершения кражи лома в пути следования или по прибытии на станцию грузополучателя по сигналу устройства можно отследить место сброса и маршрут последующего вывоза похищенного имущества, и тактически верным будет его изъятие в пункте приема лома черных металлов при проведении обыска с одновременным задержанием всех участников преступной группы. Также устройство способно существенно упростить и ускорить выход

группы задержания на место совершения преступления.

Заключение

Таким образом, преступления рассматриваемой категории характеризуются высокой латентностью, сложной структурой и значительным числом специфических особенностей, подлежащих обязательному учету при планировании и проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Очевидно, что личный состав оперативных подразделений должен обладать высоким уровнем профессиональной подготовки, знаниями в сфере органи-

зации железнодорожных перевозок, особенностей эксплуатации подвижного состава, маневровой и диспетчерской работы, а также систематически повышать свою квалификацию.

Представляется, что реализация изложенных в статье рекомендаций будет способствовать повышению эффективности деятельности оперативных подразделений транспортной и территориальной полиции и позволит снизить уровень и динамику преступлений, связанных с хищениями лома металлов на объектах железнодорожного транспорта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Деревянко К. И. Специфика краж на железнодорожном транспорте (на примере Кузбасского УВДТ) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 91–93.
2. Родичев М. Л. Проект Европола «CARIN»: новые возможности получения оперативной информации из-за рубежа // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : материалы всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 28 нояб. 2019 г. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 242–245.
3. Свистильников А. Б., Дьяков Н. В. Первоначальный этап раскрытия краж грузов как алгоритм деятельности транспортной полиции по обеспечению сохранности и безопасности грузов, перевозимых железнодорожным транспортом // Вестник НЦ БЖД. 2018. № 2 (36). С. 113–117.
4. Дьяков Н. В., Свистильников А. Б. О некоторых особенностях первоначального этапа раскрытия краж грузов на железнодорожном транспорте // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 1. С. 58–62.
5. Моисеев Н. А., Новоселов Н. Г. Использование оперативно-розыскного мероприятия опрос при раскрытии краж, совершаемых в поездах дальнего следования // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2020. № 1. С. 34–38.
6. Моисеев Н. А., Новоселов Н. Г. О некоторых общепрофилактических мероприятиях, проводимых подразделениями уголовного розыска, по предупреждению краж, совершаемых в поездах дальнего следования // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2021. № 3. С. 52–57.
7. Челябинов Д. В., Новоселов Н. Г. Проблемы, возникающие при документировании хищений дизельного топлива с подвижного состава // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шиловой. 2021. № 1 (54). С. 127–131.
8. Терехов М. Ю., Григорьев В. Н. О задержании с поличным // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 175–179. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-2-175-179>.
9. Котенко И. Д. Устойчивость как ключевой признак организованной группы // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9, № 12. С. 280–286. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/97/37>.
10. Демчук С. Д. Уголовно-правовые признаки организованной группы // Lex russica. 2021. Т. 74, № 8. С. 58–68. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.177.8.058-068>.

REFERENCES

1. Derevyanko K. I. Specificity of thefts in rail transport (by example of Kuzbass UVDT) // Tomsk State University Journal. 2012. No. 355. P. 91–93. (In Russ.)

2. Rodichev M. L. Europol's CARIN project: new opportunities for obtaining operational information from abroad // Current issues in the theory and practice of operational-search activities : proceedings of the all-Russian scientific and practical conference, Saint Petersburg, November 28, 2019. St. Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. P. 242–245. (In Russ.)
3. Svistilnikov A. B., Dyakov N. V. The initial stage of the disclosure of cargo thefts as an algorithm for the operation of the transport police to ensure security and safety of goods carried by rail // Vestnik NTsBZhD. 2018. No. 2 (36). P. 113–117. (In Russ.)
4. Dyakov N. V., Svistilnikov A. B. About some features of the initial stage of detecting cargo thefts on railway transport // Problems of law enforcement. 2018. No. 1. P. 58–62. (In Russ.)
5. Moiseyev N. A., Novoselov N. G. Use of the operational-search measures interrogation during the disclosure of thefts committed on long-distance trains // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1. P. 34–38. (In Russ.)
6. Moiseyev N. A., Novoselov N. G. About some general preventive measures carried out by criminal investigation departments to prevent thefts committed on long-distance trains // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3. P. 52–57. (In Russ.)
7. Chelyadinov D. V., Novoselov N. G. Problems, arising during the documentation of theft of diesel fuel from rolling stock // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2021. No. 1 (54). P. 127–131. (In Russ.)
8. Terekhov M. Yu., Grigoryev V. N. About red-handed detention // Bulletin of economic security. 2023. No. 2. P. 175–179. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-2-175-179>. (In Russ.)
9. Kotenko I. Sustainability as a key feature of an organized group // Bulletin of science and practice. 2023. Vol. 9, no. 12. P. 280–286. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/97/37>. (In Russ.)
10. Demchuk S. D. Criminal law characteristics of an organized group // Lex russica. 2021. Vol. 74, no. 8. P. 58–68. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.177.8.058-068>. (In Russ.)

Информация об авторах:

Черняков С. А. – кандидат юридических наук, доцент;
Челядинов Д. В. – кандидат технических наук.

Information about the authors:

Chernyakov S. A. – Candidate of Law, Associate Professor;
Chelyadinov D. V. – Candidate of Technology.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 343.575

Яна Андреевна Эйсмонт

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, yana.eismont1608@gmail.com

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ХАРАКТЕРА ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ДЕЯНИЙ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В СТАТЬЕ 228 УК РФ

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу законодательной конструкции ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации, объединяющей в единый состав деяния различной общественной опасности. На основе сравнительно-правового анализа и эмпирического исследования судебной практики выявлен системный изъян действующей нормы – игнорирование качественных различий в характере деяний при определении их опасности. В результате обоснована концепция о необходимости законодательного разделения указанных деяний для соразмерной дифференциации уголовной ответственности и концентрации карательного воздействия на наиболее опасных формах наркопреступности.

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности, незаконный оборот наркотиков, общественная опасность деяния, альтернативность деяний

Для цитирования: Эйсмонт Я. А. Дифференциация уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков в зависимости от характера общественной опасности деяний, содержащихся в статье 228 УК РФ // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 2 (26). С. 79–86.

Original article

Yana A. Eismont

The Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, yana.eismont1608@gmail.com

DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL DRUG TRAFFICKING DEPENDING ON THE NATURE OF THE PUBLIC DANGER OF ACTS PROVIDED FOR IN ARTICLE 228 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article is devoted to a critical analysis of the legislative structure of Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation, which combines acts of varying degrees of public danger into a single offense. Based on a comparative legal analysis and an empirical study of judicial practice, the article identifies a systemic flaw in the current norm, which is the disregard for the qualitative differences in the nature of the acts when determining their danger. As a result, the concept of the need for legislative separation of these acts is substantiated in order to adequately differentiate criminal liability and concentrate punitive effects on the most dangerous forms of drug crime.

Keywords: differentiation of criminal responsibility, drug trafficking, public danger of the act, alternative acts

For citation: Eismont Ya. A. Differentiation of criminal liability for illegal drug trafficking depending on the nature of the public danger of acts provided for in Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 2 (26). P. 79–86. (In Russ.)

Введение

В современной уголовно-правовой политике Российской Федерации борьба с незаконным оборотом наркотиков представляет собой одну из наиболее сложных и социально значимых задач. Ее развитие демонстрирует постоянный поиск баланса между ключевыми векторами: необходимостью карательного воздействия и требованием гуманизации уголовно-правовой политики. Этот поиск находит свое отражение в динамике законодательных изменений, противоречивой правоприменительной практике и широкой общественной дискуссии. Дифференциация уголовной ответственности, отражающая направление развития уголовно-правовой политики [1, с. 14], «призвана обеспечить некий баланс между двумя тенденциями – строгостью уголовной ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений и ее мягкостью в случае совершения преступлений небольшой или средней тяжести» [2, с. 3].

Согласно п. 11 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года одной из задач реализации антинаркотической политики является совершенствование нормативно-правового регулирования оборота наркотиков и антинаркотической деятельности, следовательно, реализация задачи отчасти возможна путем дифференцированного подхода к уголовной ответственности¹. Статья 228 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), регламентирующая ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление и переработку, в связи с этим представляет особый интерес.

Внимание к подобным преступлениям обусловлено данными статистики, поскольку большая доля наркопреступлений приходится на ст. 228 УК РФ. Согласно сведениям

Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2024 г. по рассматриваемой статье было осуждено 55 891 человек². Эти цифры наглядно демонстрируют, что данная норма является ключевым инструментом уголовной репрессии в сфере оборота наркотиков, затрагивающим судьбы десятков тысяч граждан ежегодно. Однако указанная статья в ее действующей редакции явно не учитывает дифференцированный подход к уголовной ответственности, что ведет к системным перекосам в правоприменении, непропорциональности наказания реальной общественной опасности содеянного, нарушению принципа справедливости.

Методы

Методологическую основу настоящего исследования образует совокупность общенаучных методов, а именно анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, а также частнонаучные методы: статистический, формально-юридический, сравнительно-правовой, позволяющие комплексно проанализировать проблемные вопросы дифференциации уголовной ответственности за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков и обеспечивающие достоверность и обоснованность результатов исследования.

Результаты

Категория общественной опасности преступлений является одним из основополагающих критериев дифференциации уголовной ответственности [3, с. 21]. Значимость рассмотрения общественной опасности обусловлена ролью этого критерия в дифференциации уголовной ответственности. Ее точная оценка позволяет законодательно конструировать составы преступлений с адекватными санкциями, а правоприменителю – индивидуализировать ответственность и наказание в рамках закона, обеспечивая

¹ Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Указом Президента Российской Федерации от 23 нояб. 2020 г. № 733. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 15.12.2025).

реализацию принципов справедливости, гуманизма и неотвратимости ответственности.

В сфере противодействия незаконному обороту наркотиков данная категория приобретает особое содержание. Общественная опасность этих преступлений «заключается в чрезвычайно глубоком и широкомасштабном губительном проникновении в социальную среду, имеет реальный и потенциальный характер своей криминальной материализации, обладает потенциально высокой прецедентностью и отражает фактически существующий механизм наркоиндустрии» [4, с. 46].

Следовательно, функция критериев состоит в том, чтобы служить точным инструментом, мерилom для адекватного разграничения уголовной ответственности с учетом изменяющихся реалий преступности, что находит прямое отражение в конструировании конкретных составов преступлений. На то, что общественная опасность имеет законотворческое значение, указывает и С. М. Мальков, отмечая, что она «учитывается в процессе криминализации и дифференциации уголовной ответственности, т. е. в установлении уголовно-правового запрета» [5, с. 131].

В этом контексте основная проблема заключается в законодательном уравнивании разных по характеру общественной опасности альтернативных деяний, охватываемых единым составом. Как отмечает А. И. Марцев, «характер общественной вредности есть ее качественная характеристика, а степень – количественная. Материальной основой характера общественной вредности являются качественные, объективно существующие изменения в общественных отношениях. Сам по себе характер общественной вредности зависит в первую очередь от объекта посягательства, от уровня его поврежденности»¹. Несмотря на общий объект посягательства, деяния, указанные в ст. 228 УК РФ, в разной форме «повреждают» обществен-

ные отношения, что и составляет разный характер их общественной опасности.

Так, под одну и ту же санкцию ст. 228 УК РФ подпадают наркозависимый, приобретший для личного разового употребления минимальную дозу, и член преступной группы, осуществляющий перевозку в рамках логистической цепи сетевой наркодистрибуции, или лицо, изготавливающее наркотические средства дома и тем самым подвергающее опасности окружающих. Возникает ситуация, в которой принцип соразмерности наказания тяжести деяния не находит своего адекватного отражения в уголовном законе, что порождает правовую неопределенность и дискредитирует идею справедливости наказания.

Приобретение и хранение наркотических средств носят преимущественно пассивный и локализованный характер. Вред здесь направлен в первую очередь на здоровье самого потребителя и его ближайшее окружение. В отличие от этого, перевозка, изготовление и переработка представляют собой активные, зачастую многоэтапные действия, требующие организации, планирования, использования транспорта, специфических навыков и инструментов (в случае изготовления). Данные формы носят инфраструктурный характер, поскольку формируют, обеспечивают и поддерживают материально-техническую и логистическую основу незаконного оборота наркотиков.

Перевозка наркотических средств, в отличие от локального хранения, обладает ярко выраженным межрегиональным аспектом. Она расширяет географию преступления, формирует логистические цепочки и неизбежно увеличивает круг возможных соучастников. Например, как следует из приговора Черногорского городского суда Республики Хакасия, гражданин М. из корыстных побуждений совершил незаконную перевозку наркотического средства на расстояние более 400 км – из Кызыла (Республика Тыва)

¹ Марцев А. И. Преступление: социально-правовой анализ : учеб. пособие. Омск : Омская академия МВД России, 2012. С. 14.

в Черногорск¹. Такое действие не просто перемещает наркотик из одного места в другое, оно преодолевает административные границы, затрудняет деятельность правоохранительных органов и способствует насыщению наркорынка новых территорий.

Критически важным аспектом повышенной опасности перевозки является создание рисков для неопределенного круга лиц, не связанных с преступной деятельностью. В процессе транспортировки нельзя исключать случайную утрату наркотического средства или его обнаружение третьими лицами, в том числе детьми. Эмпирические исследования способов незаконной перевозки свидетельствуют, что абсолютное большинство преступников (82 %) избирают для этой цели пассажирские поезда, то есть объекты массового пользования. При этом в 43 % случаев наркотики сокрыты в личных вещах пассажиров, а в 13 % – в имуществе общего пользования (постельное белье, одежды, подушки) [6, с. 114]. Подобные способы объективно создают ситуацию, когда опасное вещество может быть легко обнаружено другими пассажирами. Таким образом, перевозка генерирует публичный риск, выходящий далеко за рамки умысла виновного и превращающий общественный транспорт в зону потенциальной опасности.

Изготовление наркотиков, особенно синтетических, сопряжено с качественно иным уровнем угроз, связанных с технологическим процессом. Как справедливо отмечает П. В. Тепляшин, изготовление наркотиков обеспечивает дальнейшую специализацию наркопроизводства [7, с. 9].

Кроме того, изготовление наркотиков предполагает использование различных химических компонентов, которые сами по себе или в сочетании могут быть легко воспламеняющимися, взрывоопасными и высокотоксичными. Процессы нагревания, дистилляции и химического синтеза часто проводятся в жилых помещениях (в том числе в многоквартирных домах) кустарным

способом, без соблюдения элементарных правил техники безопасности. Это создает прямую угрозу техногенных катастроф локального масштаба – пожаров и взрывов, опасных для жизни и здоровья всех жильцов дома. Дополнительный, экологический, аспект опасности связан с отходами производства. Испарения токсичных веществ и неправильная утилизация химических отходов приводят к долгосрочному загрязнению окружающей среды – почвы, воды и воздуха. Как справедливо отмечает Н. А. Васильева, ядовитые и опасные отходы (от производства наркотиков) являются угрозой для здоровья людей и окружающей среды [8, с. 125], обладая канцерогенным, тератогенным и мутагенным потенциалом. Следовательно, изготовитель наркотиков посягает не только на здоровье потенциальных потребителей, но и на экологическую безопасность и благополучие окружающих лиц.

Многие правовые системы проводят четкую нормативную грань между хранением для личного потребления (которое во многих юрисдикциях подвергается декриминализации или административной ответственности) и такими активными действиями, как изготовление, переработка и перевозка. Это разделение базируется на осознании того, что активные действия могут формировать или формируют инфраструктуру наркобизнеса и наносят ущерб публичным интересам, выходящим далеко за рамки индивидуального вреда потребителю.

Как справедливо отмечено в научной литературе, «законодательство зарубежных стран в целом достаточно дифференцированно подходит к вопросу об определении форм и мер ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков» [9, с. 43]. Наглядным примером служит законодательство Китайской Народной Республики [9]. Уголовный кодекс КНР содержит отдельную статью 347, устанавливающую ответственность за контрабанду, транспортировку, продажу и изготовление

¹ Приговор Пий-Хемского районного суда Республики Тыва от 1 окт. 2025 г. № 1-59/2025 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/92409999/extended> (дата обращения: 15.12.2025).

наркотиков, и статью 348 – за незаконное владение (хранение) наркотиков. Санкции этих норм радикально различаются, отражая дифференциацию общественной опасности. За контрабанду, продажу, транспортировку или изготовление опиума в количестве от 200 до 1000 г либо героина или метилфениламина в количестве свыше 10 г, но менее 50 г предусмотрено лишение свободы на срок свыше 7 лет и штраф. В то же время за владение (хранение) тех же наркотиков в аналогичных размерах ст. 348 установлено наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет. Таким образом, китайский законодатель не просто дифференцирует ответственность, но и закрепляет качественный разрыв в суровости наказания, прямо связывая его с ролью деяния в поддержании оборота наркотиков.

В российской правоприменительной практике *de facto* учитывается разная общественная опасность альтернативных деяний, вынужденно корректируются избыточно жесткие рамки закона. Наблюдается тенденция, согласно которой в отдельных приговорах суды интуитивно пытаются выделить перевозку или изготовление в качестве некоего «квалифицирующего признака» в рамках одной статьи, что указывает на явный пробел в законодательной конструкции¹.

Статистический анализ также свидетельствует о данной тенденции. В ходе исследования методом случайной выборки были проанализированы 142 приговора федеральных судов из всех федеральных округов Российской Федерации, вынесенных по ст. 228 УК РФ в период с 2020 по 2025 год. Выборка, отобранная с использованием интернет-ресурсов «Судебные решения РФ» и «Судебные и нормативные акты РФ» с соблюдением статистических принципов, обеспечивает географическую репрезентативность и достоверность выво-

дов. Анализ был сосредоточен на сравнении двух групп деяний: 1) приобретение и хранение (98 приговоров) и 2) перевозка, изготовление, переработка (44 приговора). Результаты, систематизированные в таблице, однозначно свидетельствуют, что суды воспринимают эти группы как обладающие разной общественной опасностью.

Данные показывают системную закономерность. Так, за перевозку, изготовление и переработку наркотиков в значительном размере суды назначают лишение свободы почти в 1,5 раза чаще (45,0 %), чем за их приобретение и хранение в значительном размере (30,6 %). Альтернативные наказания (в первую очередь штраф) доминируют в практике по делам о приобретении и хранении (51,4 %), штраф за перевозку, изготовление и переработку наркотиков назначался лишь в 20 % случаев.

Поскольку ч. 2 ст. 228 УК РФ не предусматривает альтернативных видов наказания, к лишению свободы приговариваются практически все осужденные (96,2 и 95,8 %), за исключением случаев, когда правоприменитель назначает более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, применяя ст. 64 УК РФ. Ключевое различие заключается в применении условного осуждения. Его доля за перевозку, изготовление и переработку (52,1 %) значительно ниже, чем за приобретение и хранение (88,0 %). Наиболее суровые реальные сроки лишения свободы назначаются за незаконные перевозку, изготовление и переработку. Динамика роста наказания за эти деяния по сравнению с хранением является показательной: разница составляет 5 месяцев для значительного размера и 2 года 6 месяцев для крупного, что подчеркивает исключительную опасность.

Заключение

Таким образом, судебная практика в России последовательно проводит принцип

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 5 февр. 2025 г. № 1-227/2025 ; Приговор Норильского городского суда Красноярского края от 22 янв. 2024 г. № 1-43/2024 ; Приговор Октябрьского районного суда г. Омска от 10 марта 2025 г. № 1-135/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.12.2025) ; Приговор Пий-Хемского районного суда Республики Тыва от 1 окт. 2025 г. № 1-59/2025 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/92409999/extended> (дата обращения: 16.12.2025).

дифференцированной ответственности за наркопреступления, признавая перевозку, изготовление и переработку наркотиков значительно более опасными деяниями, чем их приобретение и хранение. В сравнении с последними, незаконные перевозка, изготовление и переработка влекут за собой более

частые реальные сроки лишения свободы и заметно более редкое применение условного осуждения или штрафов.

Данная устойчивая судебная тенденция является прямым отражением потребности в законодательном закреплении дифференцированного подхода.

Таблица

Сравнительный анализ судебной практики по ст. 228 УК РФ

Критерий для анализа	Приобретение и хранение		Перевозка, изготовление и переработка	
Характер общественной опасности	Потенциальная и ограниченная опасность. Создается угроза для здоровья потребителя и его ближайшего окружения		Реальная и повышенная опасность. Деяния подрывают здоровье неопределенного круга лиц	
	Значительный размер	Крупный размер	Значительный размер	Крупный размер
Доля осужденных к лишению свободы	22 (30,6 %)	25 (96,2 %)	9 (45 %)	23 (95,8 %)
Из них: доля условного осуждения	14 (63,6 %)	22 (88 %)	5 (55,7 %)	12 (52,1 %)
Назначение альтернативных наказаний (основных)				
Штраф как основное наказание	37 (51,4 %)	-	4 (20 %)	-
Обязательные работы	8 (11,1 %)	-	5 (25 %)	1 (4,2 %)
Исправительные работы	5 (6,9 %)	1 (3,8 %)	2 (10 %)	-
Ограничение свободы	-	-	-	-
Назначение дополнительных наказаний				
Штраф как дополнительная мера наказания	-	-	-	3 (12,5 %)
Ограничение свободы как дополнительная мера наказания	-	-	-	2 (8,3 %)
Средний срок реального лишения свободы	2 года и 3 месяца	3 года и 3 месяца	2 года и 8 месяцев	5 лет и 9 месяцев

Существует объективная потребность в законодательных изменениях, направленных на содержательное разделение альтернативных деяний внутри ст. 228 УК РФ согласно разному характеру общественной опасности деяний. Такое разделение позволит, с учетом характера общественной опасности, выстроить новую логичную и сбалансиро-

ванную уголовно-правовую норму и сосредоточить карательный ресурс государства на пресечении наиболее опасных инфраструктурных форм оборота наркотиков. Исходя из данных изменений, предполагается, что виды и размеры наказаний будут пересмотрены и детализированы пропорционально общественной опасности деяний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 493 с.
2. Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 55 с.
3. Рогова Е. В. Теоретико-правовое понимание и средства дифференциации уголовной ответственности в современном уголовном праве России : моногр. Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. 116 с.
4. Тепляшин П. В. Общественная опасность наркопреступления // Преступление: сущность и содержание : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора А. И. Марцева, Омск, 28 февр. 2025 г. Омск : Омская академия МВД России, 2025. С. 44–47.
5. Мальков С. М. К вопросу о содержании общественной опасности наркопреступления и наркопреступности // Преступление: сущность и содержание : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора А. И. Марцева, Омск, 28 февр. 2025 г. Омск : Омская академия МВД России, 2025. С. 129–133.
6. Новоселов Н. Г., Моисеев Н. А. К вопросу о способах сокрытия наркотиков при перевозке их железнодорожным транспортом // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 2. С. 113–117.
7. Тепляшин П. В. Криминологические особенности организованной наркопреступности // Научный компонент. 2025. № 4 (28). С. 5–12.
8. Васильева Н. А. Современные тенденции незаконного производства наркотиков как объекта криминалистического изучения // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 3. С. 112–126. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.136.3.112-126>.
9. Шалагин А. Е., Кабиров Д. Э. Ответственность за незаконный оборот наркотических средств в зарубежном законодательстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 1 (33). С. 37–43.

REFERENCES

1. Lesniewski-Kostareva T. A. Differentiation of criminal liability : dis. ... Doctor of Law. Moscow, 1999. 493 p. (In Russ.)
2. Rogova Ye. V. The doctrine of differentiation of criminal liability : abstract of dis. ... Doctor of Law. Moscow, 2014. 55 p. (In Russ.)
3. Rogova Ye. V. Theoretical and legal understanding and means of differentiation of criminal liability in modern criminal law of Russia : monograph. Irkutsk : The East Siberian Institute of the MIA of Russia, 2016. 116 p. (In Russ.)
4. Teplyashin P. V. The social danger of drug-related crime // Crime: essence and content : materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 95th birth anniversary of the Honored Scholar of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor A. I. Martsev, Omsk, February 28, 2025. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. P. 44–47. (In Russ.)

5. Malkov S. M. On the issue of the content of the social danger of drug crimes and drug-related crime // Crime: essence and content : materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 95th birth anniversary of the Honored Scholar of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor A. I. Martsev, Omsk, February 28, 2025. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. P. 129–133. (In Russ.).
6. Novoselov N. G., Moiseev N. A. On the question of the methods of drug coverage for the transportation of their railway transport // Problems of law enforcement. 2017. No. 2. P. 113–117. (In Russ.)
7. Teplyashin P. V. Criminological features of organized drug crime // Scientific component. 2025. No. 4 (28). P. 5–12. (In Russ.)
8. Vasileva N. A. Modern trends in illicit drug production as an object of forensic study // Actual problems of Russian law. 2022. Vol. 17, no. 3. P. 112–126. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.136.3.112-126>. (In Russ.)
9. Shalagin A. Ye., Kabirov D. E. Responsibility for the illegal trafficking of narcotic drugs in foreign legislation // Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 1 (33). P. 37–43. (In Russ.)

Информация об авторе:

Эйсмонт Я. А. – адъюнкт.

Information about the author:

Eismont Ya. A. – adjunct.

Статья поступила в редакцию 19.12.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 19.12.2025; approved after reviewing 31.01.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 332.1(470)

Наталья Евгеньевна Конькова
Уфимский юридический институт
МВД России, Уфа, Россия, KonkovaNE@mail.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ
И ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ**

Аннотация. В статье исследуются теоретико-методологические подходы и прикладные аспекты функционирования региональных экономических систем в условиях геополитической нестабильности и структурной трансформации национальной экономики. Актуальность работы обусловлена необходимостью переосмысления роли регионов как субъектов экономической политики, обеспечивающих достижение национальных целей развития. Цель исследования заключается в выявлении ключевых факторов устойчивости региональных систем и анализе современных тенденций их пространственной трансформации. Методологическую базу составили системный подход, методы сравнительного и статистического анализа, а также теоретические положения пространственной и региональной экономики. В результате исследования систематизированы теоретические взгляды на эволюцию понимания региональной экономики от территории к экосистеме, проанализирована современная региональная дифференциация, выявлены основные факторы адаптации регионов к новым условиям (структура экономики, уровень технологического развития, кадровый потенциал, логистическая связанность). В обсуждении представлены сценарии пространственного развития и роль инструментов государственной политики в нивелировании диспропорций. Сделан вывод о возрастании значимости сбалансированного развития научно-технологического потенциала и абсорбционной способности регионов. Полученные результаты могут быть использованы при разработке стратегий регионального развития и корректировке мер региональной политики.

Ключевые слова: региональная экономика, пространственное развитие, экономическая система региона, региональная дифференциация, устойчивость региона, технологическое развитие, экосистемный подход, межрегиональное взаимодействие, сбалансированность развития, факторы роста

Для цитирования: Конькова Н. Е. Трансформация региональных экономических систем в условиях новой реальности: факторы устойчивости и пространственного развития // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 2 (26). С. 87–96.

Original article

Natalia E. Konkova
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Ufa, Russia, KonkovaNE@mail.ru

**TRANSFORMATION OF REGIONAL ECONOMIC SYSTEMS
IN THE NEW REALITY: FACTORS OF SUSTAINABILITY
AND SPATIAL DEVELOPMENT**

Abstract. The article explores theoretical and methodological approaches and applied aspects of the functioning of regional economic systems in the context of geopolitical instability and structural transformation of the national economy. The relevance of the work is driven by the need to rethink the role of regions as subjects of economic policy that ensure the achievement of national development goals. The aim of the study is to identify key factors of sustainability of regional systems and to analyze current trends in their spatial trans-

formation. The methodological basis comprises a systems approach, methods of comparative and statistical analysis, as well as theoretical principles of spatial and regional economics. As a result of the study, theoretical views on the evolution of understanding of regional economics from territory to ecosystem are systematized; current regional differentiation is analyzed; the main factors of regional adaptation to new conditions (economic structure, level of technological development, human potential, logistical connectivity) are identified. The discussion presents scenarios of spatial development and the role of state policy instruments in mitigating disparities. It is concluded that the importance of balanced development of scientific and technological potential and the absorptive capacity of regions is increasing. The obtained results can be used in developing regional development strategies and adjusting regional policy measures.

Keywords: regional economy, spatial development, regional economic system, regional differentiation, regional resilience, technological development, ecosystem approach, interregional cooperation, balanced development, growth factors

For citation: Konkova N. E. Transformation of regional economic systems in the new reality: factors of sustainability and spatial development // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 2 (26). P. 87–96. (In Russ.)

Введение

Современный этап развития российской экономики характеризуется фундаментальными изменениями условий функционирования региональных систем. Смена геополитического ландшафта, беспрецедентное санкционное давление, переориентация логистических и торговых потоков на Восток и Юг, а также структурная трансформация промышленности формируют «новую реальность», к которой вынуждены адаптироваться все без исключения субъекты Российской Федерации. В этих условиях региональная экономика, как научное направление и сфера практического управления, сталкивается с вызовом: требуются новые подходы к пониманию сущности регионального развития, адекватные современной динамике социально-экономических процессов.

Происходит трансформация объектности и проблематики региональной экономики: от рассмотрения региона как географической территории или квазикорпорации исследователи переходят к его пониманию как сложной экосистемы, где ключевую роль играют связи, институты и инновационная среда [1].

Сейчас меняется сам подход к управлению, поэтому старые наработки в анализе регионов уже не подходят.

Разница между регионами становится все заметнее. Данные Федеральной служ-

бы государственной статистики (далее – Росстат) и Центрального банка Российской Федерации (далее – Банк России) за 2024–2025 гг. это подтверждают: одни территории показывают рекордный рост (Юг, Дальний Восток), а в других – на Урале, в Сибири и на Северо-Западе – наблюдается спад и сокращение вложений в экономику.

Отсюда главный вопрос: что помогает региону сохранять устойчивость, когда происходят внешние кризисы?

Цель работы – опираясь на реальные данные и существующие теории, определить, какие факторы сегодня влияют на развитие регионов, как они трансформируются и что помогает им оставаться устойчивыми в новых условиях.

За основу взяты труды по региональной экономике как классиков (работы Вебера, Лёша по размещению производств), так и современных авторов (Гранберг, Минакир)¹ [2].

Использован системный подход, позволяющий рассматривать регион не как изолированную административную единицу, а как открытую социально-экономико-географическую систему, интегрированную в национальное и глобальное экономическое пространство.

Методы

В ходе работы применялись следующие методы исследования:

¹ Гранберг А. Г. Основы региональной экономики : учеб. для вузов. 3-е изд. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 495 с.

1. Теоретический анализ и синтез – при изучении эволюции научных представлений о региональной экономике, обобщении подходов к определению региональной экономической системы, представленных в трудах Н. Н. Некрасова, А. И. Татаркина, Е. Г. Анимиды и других авторов [3].

2. Метод терминологического анализа использован для разграничения понятий «региональная экономика», «региональная экономическая система» и «пространственное развитие», что позволило уточнить категориальный аппарат исследования (подход А. В. Кифяк) [4].

3. Сравнительный и статистический анализ применялся для оценки современного положения регионов, выявления лидеров и аутсайдеров экономической динамики. Информационную базу составили данные Росстата, аналитические материалы Банка России, а также результаты эмпирических исследований, опубликованные в научной периодике.

4. Метод факторного анализа позволил выделить группы факторов, влияющих на адаптационные возможности региональных систем (технологические, структурные, кадровые, логистические). В частности, учтены подходы к оценке инновационной и абсорбционной способности регионов, предложенные Н. А. Кравченко и соавторами.

5. Метод метаанализа применен для обработки массива отечественных публикаций по проблематике региональной экономики за последние годы с целью выявления доминирующих исследовательских трендов.

Такой комплексный методический инструментарий позволил обеспечить достоверность полученных результатов и обоснованность сформулированных выводов.

Результаты

Проведенный анализ теоретических источников и доступных эмпирических данных (оперативная статистика Росстата, аналитические материалы Банка России за январь – ноябрь 2025 г., экспертные оценки) позволяет представить основные результаты исследования в трех ключевых блоках: эволюция теоретических представлений, со-

временная региональная динамика, факторы устойчивости региональных систем.

1. Эволюция понимания региональной экономики. Систематизация научных подходов, представленных в работах 1970–2020-х гг., показала существенную трансформацию взглядов на объект исследования. Если в классических работах Н. Н. Некрасова регион определялся как крупная территория с характерными природными ресурсами и специализацией хозяйства, то в современной интерпретации акцент смещается на воспроизводственные, инновационные и институциональные аспекты. А. И. Татаркин и Е. Г. Анимиды обосновали формирование парадигмальной теории региональной экономики, в рамках которой регион предстает как многофункциональная и многоаспектная система. Новейшие исследования трактуют регион через призму экосистемного подхода, где ключевыми становятся процессы генерации знаний, трансфера технологий и сетевого взаимодействия экономических агентов [3; 5].

2. Дифференциация регионального развития в 2024–2025 гг. Анализ текущей экономической динамики выявил усиление пространственной неоднородности. Согласно данным за 2025 год, при общем замедлении темпов экономического роста России (выпуск по базовым видам деятельности вырос лишь на 0,9 % за 11 месяцев 2025 г.), региональная картина крайне неоднородна.

В добывающем секторе ярко проявилось преимущество восточных регионов. Близость к азиатским рынкам стала драйвером роста для добычи угля в Хабаровском крае (+10 %) и Якутии (+25 %), а также газа в Иркутской области (+48,6 %). Одновременно с этим добывающие регионы Урала, Северо-Запада и Юга столкнулись с падением производства из-за санкционных ограничений и сокращения рынков сбыта (алмазы Архангельской области, уголь Ростовской области и Кузбасса) [6].

В обрабатывающей промышленности драйверами роста выступили регионы с развитым производством потребительских товаров (пищевая, фармацевтическая про-

мышленность Центрального федерального округа), а также регионы, сумевшие переориентировать экспорт (например, молочную продукцию Липецкой области на рынки Казахстана). Наиболее устойчивыми оказались регионы с диверсифицированной структурой экономики и высокой долей отраслей, работающих на внутренний спрос.

3. Что делает регион устойчивым? Если посмотреть на работы авторитетных коллективов и эмпирические данные, можно выделить три главных момента:

– во-первых, технологический баланс. Как отмечает Н. А. Кравченко и соавторы, успех приносят не сами по себе наука или высокие технологии, а их сочетание. Лидеры отличаются высокими затратами на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), уровнем цифровизации и внятной инновационной политикой [7];

– во-вторых, работа с кадрами. Проблема с квалифицированными специалистами сегодня есть везде, но в сильных регионах бизнес лучше «впитывает» новые технологии и быстрее переходит к выпуску инноваций. Это зависит от того, как устроена занятость¹;

– в-третьих, инфраструктура и расположение. Смена транспортных потоков дала новые возможности Дальнему Востоку и Сибири за счет выхода на азиатские рынки. Однако старые проблемы – высокие издержки на логистику и узкие места инфраструктуры – никуда не делись, и это сдерживает даже такие крупные предприятия, как алюминиевые заводы в Хакасии.

Тем регионам, где экономика завязана на отрасли со стабильным спросом внутри страны (сельское хозяйство, переработка, строительство по госзаказу), кризисные явления удастся пережить с меньшими потерями. А вот моногорода и территории, которые сильно зависят от проблемных экспортных рынков или от инвестиционных планов крупных корпораций (например, производи-

тели вагонов или бурового оборудования), наоборот, уходят в глубокий спад.

Чтобы лучше понять, как именно меняются региональные экономики, стоит посмотреть на конкретные цифры. Они показывают, насколько сильно различаются субъекты Российской Федерации по основным социально-экономическим показателям в 2025 г. и в начале 2026 г. Если проанализировать данные Росстата, Банка России и экспертные оценки, можно выделить несколько важных тенденций.

Одним из наиболее показательных маркеров региональной неоднородности выступает уровень инфляции. По итогам 2025 г. разрыв между регионами с минимальным и максимальным ростом цен достиг 5,8 процентных пункта, что свидетельствует о существенных различиях в структуре экономики, логистической доступности и конкурентной среде. В таблице 1 представлены данные по регионам-лидерам и аутсайдерам по уровню инфляции.

Представленные данные наглядно демонстрируют, что географические и инфраструктурные факторы продолжают играть определяющую роль в формировании региональных ценовых пропорций, обуславливая сохранение повышенного уровня инфляции в удаленных и эксклавных территориях (Камчатский край, Мурманская, Калининградская области). Важно отметить позитивную динамику в части снижения инфляционных пиков: если в 2024 г. 20 регионов демонстрировали двузначную инфляцию (свыше 10 %), то по оперативным данным за 2025 год максимальный зафиксированный показатель составил 9,48 %, что свидетельствует о существенном сокращении числа регионов с критически высокой инфляцией. Это отражает эффективность мер денежно-кредитной политики Банка России и адаптацию региональных рынков к новым условиям, хотя межрегиональная дифференциация сохраняется.

Анализ динамики доходов консолидированных бюджетов субъектов России по дан-

¹ Региональная экономика и экономическая география : учеб. / В. Г. Глушкова, А. М. Луговской, Н. В. Иванова [и др.]. М. : Кнорус, 2019. 304 с.

Таблица 1

Дифференциация регионов Российской Федерации по уровню инфляции в 2025 г.

Группа регионов	Субъекты РФ	Годовая инфляция, %	Ключевые факторы
Регионы с минимальной инфляцией	г. Москва	3,68	Высокая конкуренция, развитая логистика, эффект масштаба рынка
	Чукотский автономный округ	3,99	Ограниченный потребительский рынок, адресная поддержка
	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	4,18	Высокие доходы населения, сбалансированность спроса и предложения
Регионы со средне-российской инфляцией	Российская Федерация (в среднем)	5,60	-
Регионы с максимальной инфляцией	Камчатский край	9,48	Удаленность, высокие транспортные издержки, климатические условия
	Мурманская область	8,17	Северный завоз, ограниченность логистических альтернатив
	Калининградская область	7,99	Эксклавное положение, зависимость от транзитных поставок

ным Федерального казначейства за январь – август 2025 г. (оперативная отчетность) выявил разнонаправленные тенденции, связанные с отраслевой специализацией регионов (табл. 2). Общий прирост налоговых и неналоговых доходов составил 7,2 %, однако за этим средним показателем скрывается поляризация региональных бюджетных систем.

Стоит отдельно сказать про Тюменскую и Сахалинскую области. В обоих регионах налоговые и неналоговые доходы сократились более чем на 10 % (если считать в номинале). При этом налог на прибыль упал на треть и на четверть соответственно. Помочь ситуации не смогло даже увеличение без-

возмездных поступлений из федерального бюджета – они не перекрыли потерю собственных доходов. Все это указывает на системные проблемы в нефтегазовой отрасли: тут и внешние рынки поменялись, и налоговый маневр сказался.

При этом в ряде регионов промышленность, напротив, показала взрывной рост. Рекордсменом стала Курганская область: индекс промпроизводства в 2025 г. составил 123,8 % – при среднероссийском показателе 101 %.

В число лидеров также вошли Чукотский автономный округ (+20,8 % валового регионального продукта (далее – ВРП) за счет добывающей отрасли и инвестиций),

**Динамика бюджетных доходов регионов по группам
(январь – август 2025 г.)**

Группа регионов	Характеристика	Примеры	Динамика доходов
Лидеры роста	Добыча цветных металлов, рыболовство	Забайкальский край, Камчатский край, Магаданская область	Рост налоговых доходов > 10 %
Регионы с дополнительной устойчивостью	Рост и налоговых доходов, и безвозмездных поступлений	Тверская, Амурская области; Красноярский край; Республики Тыва, Хакасия	Опережающая динамика по обоим каналам
Промышленно развитые регионы в зоне риска	Черная металлургия, нефтегазодобыча	Липецкая, Вологодская области; Ямало-Ненецкий, Ненецкий автономные округа	Снижение налога на прибыль организаций > 5 %
Регионы со спадом доходов > 10 %	Моноспециализация в проблемных отраслях	Тюменская, Сахалинская, Кемеровская области	Падение налога на прибыль на 25–33 %

Калужская область (+7,7 % благодаря импортозамещению и новым проектам), Республика Адыгея (+7,3 % за счет агропромышленного комплекса (АПК), пищевого и туризма), а также Кабардино-Балкария (+5,5 % по ВРП, где ключевыми секторами выступили туризм, гидроэнергетика и переработка сельхозпродукции).

Успех Курганской области эксперты объясняют сочетанием сразу нескольких факторов: увеличением гособоронзаказа (на отдельных предприятиях – на 30–50 %, а производство электрооборудования выросло в 5,7 раза), мультипликативным эффектом для смежных отраслей (производство одежды прибавило 57 %, мебели – 46 %), а также масштабной поддержкой со стороны государства.

Важно подчеркнуть, что значительный рост отчасти объясняется эффектом низкой базы, однако устойчивость положительной динамики свидетельствует о структурных улучшениях в экономике региона [8].

Интегральную оценку положения регионов позволяют получить комплексные рейтинги. По итогам первого полугодия 2025 г.

лидерами рейтинга социально-экономической устойчивости стали нефтегазовые регионы «тюменской матрешки»: Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Тюменская область (табл. 3).

Как отмечает научный руководитель Центра конъюнктурных исследований Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» Георгий Остапкович, высокие позиции этих регионов обусловлены прежде всего уровнем доходов населения, позволяющим компенсировать сложные климатические условия и удаленность от центра. Это подтверждает тезис о том, что в современной региональной экономике качество жизни и покупательная способность становятся важнейшими факторами устойчивости.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют выйти на уровень концептуального обсуждения перспектив регионального развития. В работе зафиксирован важный концептуальный переход: регион теперь предлагается рассматривать не как статичную территорию, а как динамичную экосистему. У этого подхо-

Позиции регионов «тюменской матрешки» в рейтинге устойчивости

Регион	Место в рейтинге	Ключевые преимущества
Ямало-Ненецкий автономный округ	1	Высокий уровень зарплат (2-е место в РФ), развитая социальная инфраструктура
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	В первой десятке	Диверсифицированная нефтедобыча, высокие доходы населения
Тюменская область	В топ-20	Сбалансированная экономика, развитый агропромышленный комплекс

да есть прямой выход на практику – он меняет логику управления. Вместо того чтобы стремиться к искусственному выравниванию регионов (что на практике почти недостижимо), стоит сосредоточиться на раскручивании точек роста и создании условий для сетевого партнерства.

Анализ современных данных показывает: правы И. Н. Молчанов и Н. П. Молчанова, утверждая, что без более эффективного использования имеющихся региональных мощностей говорить о достижении общенациональных целей сложно [9].

Конечно, неравномерность в развитии – явление естественное, отражающее сильные стороны территорий. Однако слишком высокая степень контрастности, особенно усилившаяся из-за недавних кризисов, таит в себе угрозу для единства экономики. В такой ситуации неизбежно встает вопрос о роли властей. Опираясь на работы Е. С. Тукмачевой, можно заключить, что сглаживание диспропорций между регионами требует не разрозненных действий, а продуманной государственной стратегии, нацеленной на преодоление разобщающих барьеров [6].

Инструментарий такой политики может включать как традиционные методы (госкорпорации, федеральные целевые программы (ФЦП), инфраструктурные бюджет-

ные кредиты), так и новые механизмы, ориентированные на поддержку региональных инновационных экосистем¹.

Дискуссионным остается вопрос о критериях эффективности регионального развития. Традиционные показатели ВРП или промышленного производства не всегда отражают способность региона к адаптации. Перспективным представляется использование методологии интегральной оценки устойчивости региональных систем, предложенной в работах З. А. Ибрагимовой, которая учитывает не только экономические, но и социальные, экологические и технологические параметры. Такой подход позволяет фиксировать не столько сиюминутные успехи, сколько долгосрочный потенциал развития [10].

Выявленные эмпирические закономерности требуют теоретического осмысления в контексте современных подходов к региональной устойчивости. Старое деление на сырьевые и обрабатывающие регионы уже не работает. В 2025 г. картина смешанная: с одной стороны, проблемы в нефтегазовых Тюменской и Сахалинской областях, с другой – успехи у добывающих регионов Дальнего Востока.

Сейчас исследователи все чаще смотрят на развитие регионов через принципы

¹ Рубин Л. Не кризис, а адаптация? География успехов и провалов регионов // Экономика и жизнь. 2026. 19 февр. URL: <https://www.eg-online.ru/article/501834/> (дата обращения: 05.03.2026).

управления бизнесом на экологической основе, то есть оценивают экологию, социальную сферу и качество управления. Такой взгляд помогает выявить, где именно перекосы: например, в одном регионе провалы в экологии, в другом – слабое управление¹.

Отдельно стоит разобрать Северный Кавказ. В ESG-рейтингах эти регионы оказываются внизу, но не потому, что там не думают об устойчивом развитии. Объективно есть ограничения: нехватка специалистов, мало качественных проектов, слабая работа институтов, высокая зависимость от федерального бюджета. Это указывает на необходимость дифференцированного подхода к оценке регионального развития, учитывающего стартовые условия и институциональный контекст.

Опыт Курганской области демонстрирует растущее значение межрегиональных связей. Если ранее регион в большей степени ориентировался на внутрирегиональное развитие, то сегодня заключены соглашения о кооперации с Челябинской, Тюменской областями и Югрой, планируется расширение сотрудничества со Свердловской областью. Это подтверждает тезис о переходе от модели автономного регионального развития к экосистемному подходу, где ключевую роль играют сетевые взаимодействия и межрегиональные цепочки создания стоимости.

На основе анализа сложившихся трендов и консенсус-прогнозов экспертов можно обозначить вероятные направления развития в среднесрочной перспективе. Согласно прогнозным оценкам, в 2026 г. при сохранении жесткой денежно-кредитной политики ожидается стабилизация инфляции в регионах на уровне 4,5–5,0 %. При этом, по прогнозам, сохранятся структурные различия между регионами, адаптированными к новым условиям (Центр, Юг, Дальний Восток), и регионами, столкнувшимися с системными проблемами в традиционных отраслях специализации.

Как показал проведенный анализ, в среднесрочной перспективе ключевыми факторами успеха выступают [11]:

- способность к диверсификации экономики (рекомендация для Курганской области развивать электронику, фармацевтику, переработку сельхозпродукции);
- развитие логистической инфраструктуры и снижение транспортных издержек;
- привлечение частных инвесторов и снижение административных барьеров;
- подготовка кадров как для традиционных, так и для новых отраслей.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает тезис о глубокой трансформации региональной экономики как научной дисциплины и как сферы практического управления. Основные выводы работы сводятся к следующему:

1. В современной науке происходит смена парадигмы: регион все чаще рассматривается не как статичная территория, а как динамичная экосистема, способная к генерации и абсорбции инноваций, адаптации к внешним шокам и саморазвитию;

2. Анализ экономической динамики по оперативным данным за 2024–2025 гг. демонстрирует усиление региональной дифференциации под влиянием структурных и геополитических факторов. Ключевыми факторами успеха становятся не столько наличие ресурсов, сколько сбалансированность экономики, развитый научно-технологический потенциал, близость к новым рынкам сбыта и способность преодолевать кадровые и логистические ограничения.

3. Устойчивость региональных систем в современных условиях определяется комплексом факторов: уровнем технологического развития, качеством человеческого капитала, отраслевой структурой и инфраструктурной связанностью. Важнейшим условием выступает сбалансированность инновационной и абсорбционной способности территории [11].

4. Государственная региональная политика требует корректировки с учетом экосистемного подхода. Приоритетом должно стать не столько выравнивание, сколько «выращивание» точек роста, стимулирова-

¹ Гранберг А. Г. Основы региональной экономики : учеб. для вузов. 3-е изд. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 495 с.

ние межрегиональной кооперации и устранение инфраструктурных разрывов, препятствующих целостности экономического пространства.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработ-

ку методик количественной оценки устойчивости региональных экосистем, а также на изучение механизмов пространственной диффузии инноваций и «спилловер»-эффектов между регионами-лидерами и регионами-последователями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дондокова Е. Б., Танхаев О. П., Батожаргалова Ж. Б. Трансформация понимания региональной экономики // Вестник Пермского университета. Сер.: Экономика. 2025. Т. 20, № 4. С. 491–504. <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2025-4-491-504>.
2. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.
3. Татаркин А. И., Анимитца Е. Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // Экономика региона. 2012. № 3 (31). С. 11–21.
4. Кифяк А. В. Методология формирования региональных экономических систем // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 9 (179). С. 23–31. <https://doi.org/10.26726/rppe2025v9mofofor>.
5. Гаврилец Ю. Н., Тараканова И. В. Опыт статистического и энтропийного анализа взаимосвязей информационных и производственных отраслей региональной экономики России // Экономика и математические методы. 2023. Т. 59, № 4. С. 38–52. <https://doi.org/10.31857/S042473880028218-8>.
6. Тукмачева Е. С. Тенденции развития региональных и локальных рынков в обеспечении единого экономического пространства // Управленческий учет. 2025. № 5. С. 108–114.
7. Кравченко Н. А., Юсупова А. Т., Халимова С. Р. Позиционирование российских регионов в контексте сбалансированности научного и технологического развития // Регион: экономика и социология. 2025. № 3 (119). С. 106–131. <https://doi.org/10.15372/REG20250305>.
8. Бухвальд Е. М., Митрофанова И. В., Валентик О. Н. Пространственные аспекты новой системы национальных целей развития России // Региональная экономика. Юг России. 2024. Т. 12, № 4. С. 5–15. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2024.4.1>.
9. Молчанов И. Н., Молчанова Н. П. Региональная наука и ее роль в управлении развитием экономического пространства // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 112. С. 207–220. <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-112-2025-207-220>.
10. Ибрагимов З. А. Assessing the development of regional economic systems // Финансовые исследования. 2024. № 1 (82). С. 165–173.
11. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М. : Альпина Паблишер, 2016. 947 с.

REFERENCES

1. Dondokova E. B., Tankhaev O. P., Batozhargalova Zh. B. Transformation in understanding regional economy // Perm University Herald. Economy. 2025. Vol. 20, no. 4. P. 491–504. <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2025-4-491-504>. (In Russ.)
2. Minakir P. A., Demyanenko A. N. Spatial economics: evolution of approaches and methodology // Spatial economics. 2010. No. 2. С. 6–32. (In Russ.)
3. Tatarkin A. I., Animitsa E. G. Formation of a paradigmatic theory of regional economics // Economy of region. 2012. No. 3 (31). P. 11–21. (In Russ.)
4. Kifyak A. V. Methodology of formation of regional economic systems // Regional problems of economic transformation. 2025. No. 9 (179). P. 23–31. <https://doi.org/10.26726/rppe2025v9mofofor>. (In Russ.)
5. Gavrillets Yu. N., Tarakanova I. V. Experience of statistical and entropy analysis of relationships between the information and production sectors of the regional economy of Russia // Economics and mathematical methods. 2023. Vol. 59, no. 4. P. 38–52. <https://doi.org/10.31857/S042473880028218-8>. (In Russ.)

6. Tukmacheva E. S. Trends in the development of regional and local markets to ensure a common economic space // Management accounting. 2025. No. 5. P. 108–114. (In Russ.)
7. Kravchenko N. A., Yusupova A. T., Halimova S. R. Positioning of Russian regions in the context of balanced scientific and technological development // Region: economics and sociology. 2025. No. 3 (119). P. 106–131. <https://doi.org/10.15372/REG20250305>. (In Russ.)
8. Buchwald E. M., Mitrofanova I. V., Valentik O. N. Spatial aspects of a new system of national development goals for Russia // Regional economy. South of Russia. 2024. Vol. 12, no. 4. P. 5–15. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2024.4.1>. (In Russ.)
9. Molchanov I. N., Molchanova N. P. Regional science and its role in managing the development of the economic space // Public administration. Electronic bulletin. 2025. No. 112. P. 207–220. <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-112-2025-207-220>. (In Russ.)
10. Ibragimova Z. A. Assessing the development of regional economic systems // Financial research. 2024. No. 1 (82). P. 165–173. (In Russ.)
11. Porter M. International competition. Competitive advantages of countries. Moscow : Alpina Publisher, 2016. 947 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Конькова Н. Е. – кандидат экономических наук.

Information about the author:

Konkova N. E. – Candidate of Economics.

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена после рецензирования 24.03.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 12.03.2026; approved after reviewing 24.03.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 316(470.57)

Зухра Фанусовна Гарипова
Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, Уфа, Россия, loyal-z@bk.ru, ORCID: 0000-0002-0069-575X

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА: ВЫЯВЛЕНИЕ БАРЬЕРОВ И ПОИСК ПУТЕЙ ИНКЛЮЗИИ

Аннотация. Статья представляет результаты комплексного социологического исследования барьеров инклюзивного образования на примере Республики Башкортостан. Методология исследования основана на триангуляции данных, полученных с помощью репрезентативного опроса родителей детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) и с инвалидностью, фокус-группового и экспертного интервью. Анализ данных выявил системные проблемы, среди которых доминируют острый дефицит квалифицированных кадров, неполное соблюдение рекомендаций экспертных органов, а также выраженное территориальное неравенство в доступе к основному и дополнительному образованию. Полученные результаты демонстрируют дисбаланс в функционировании инклюзивной среды: при относительно успешной социализации детей показатели успеваемости и уровень развития профориентационной работы не достигают высоких значений. Особое внимание уделено высокому уровню эмоционального выгорания родителей в городской среде и возрастной динамике буллинга в отношении детей с ОВЗ. В заключении статьи обосновывается необходимость межведомственного подхода и разработки дифференцированных стратегий поддержки для преодоления выявленных барьеров.

Ключевые слова: инклюзивное образование, дети с ОВЗ, дети-инвалиды, кадровый дефицит, психолого-медико-педагогическая комиссия, дополнительное образование, социализация, эмоциональное выгорание родителей, буллинг

Для цитирования: Гарипова З. Ф. Социологический анализ образовательного неравенства: выявление барьеров и поиск путей инклюзии // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 2 (26). С. 97–108.

Original article

Zukhra F. Garipova
Institute of Strategic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia, loyal-z@bk.ru, ORCID: 0000-0002-0069-575X

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF EDUCATIONAL INEQUALITY: IDENTIFYING BARRIERS AND SEARCHING FOR WAYS FOR INCLUSION

Abstract. The article presents the results of a comprehensive sociological study of barriers to inclusive education using the example of the Republic of Bashkortostan. The research methodology is based on triangulation of data obtained through a representative survey of parents of children with disabilities, a focus group interview, and an expert interview. The analysis of the data revealed systemic problems, including a severe shortage of qualified personnel, incomplete compliance with expert recommendations, as well as significant territorial inequality in access to basic and additional education. The results demonstrate an imbalance in the

functioning of the inclusive environment: despite relatively successful socialization of children, their academic performance and the level of development of career guidance are not high. Special attention is paid to the high level of parental burnout in urban areas and the age-related dynamics of bullying against children with disabilities. In conclusion, the need for an interdisciplinary approach and the development of differentiated support strategies to overcome the identified barriers is substantiated.

Keywords: inclusive education, children with disabilities, educational inequality, staff shortage, psychological, medical, and pedagogical commission, additional education, socialization, parental burnout, bullying

For citation: Garipova Z. F. Sociological analysis of educational inequality: identifying barriers and searching for ways for inclusion // Society, law, and statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 2 (26). P. 97–108. (In Russ.)

Введение

Современная система образования стоит перед вызовом построения подлинно инклюзивной среды, обеспечивающей равный доступ к качественному обучению для всех детей, включая детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) и детей-инвалидов. Несмотря на декларируемые правовые нормы и государственные программы, на пути реализации инклюзивного образования сохраняются существенные барьеры, носящие структурный, кадровый и социокультурный характер [1, с. 105].

Республика Башкортостан, как крупный полиэтнический регион с разнообразной социально-территориальной структурой, представляет собой репрезентативное поле для изучения данной проблематики. Анализ ситуации в регионе позволяет выявить универсальные для страны вызовы и специфические локальные факторы, влияющие на качество инклюзивной образовательной среды [2, с. 197]. Настоящая статья нацелена на преодоление существенного пробела в региональных эмпирических исследованиях, предлагая комплексную социологическую диагностику барьеров инклюзии через призму ключевых «стейкхолдеров» – родителей детей с ОВЗ [3, с. 48].

Методы

Методологическую основу исследования составил комплексный подход, сочетающий количественные и качественные методы: репрезентативный социологический опрос с охватом 62 муниципальных образований Республики Башкортостан, фокус-группы с 10 родителями детей-инвалидов, а также глубинное экспертное интервью с директо-

ром Центра «Мы вместе» (Региональная общественная организация родителей детей с инвалидностью «СоДействие» Республики Башкортостан (далее – РОО «СоДействие» РБ)).

Онлайн-анкетирование родителей детей с ОВЗ и с инвалидностью было проведено весной 2025 г. Из 5946 начальных ответов после верификации было отобрано 3450 релевантных анкет (58 %), что обеспечивает репрезентативность данных в масштабах региона. География респондентов: г. Уфа – 5 % (185 чел.), другие города Республики Башкортостан – 31 % (1059 чел.), муниципальные районы – 64 % (2206 чел.).

Для выявления ключевых проблем и глубинных причин их возникновения была проведена фокус-группа на базе государственного автономного общеобразовательного учреждения Образовательный центр «Йондоз». В число участников фокус-группы вошли 10 родителей детей-инвалидов от 7 до 10 лет, обучающихся в настоящее время и в прошлом в различных образовательных учреждениях республики (в том числе в коррекционных образовательных учреждениях) по адаптированной основной общеобразовательной программе. Основные диагнозы детей включали расстройства аутистического спектра, задержку психического развития и другие нарушения. Обсуждение было сосредоточено на ретроспективной оценке ранее полученного образовательного опыта.

В качестве метода верификации и конкретизации количественных данных был также применен метод полуструктурированного интервью с ключевым экспертом в сфере инклюзивного образования и сопро-

вождения семей, воспитывающих детей с ОВЗ. Экспертом выступила Юлия Александровна Горохова – семейный детский психолог, психолог развития, ведущий специалист по ранней помощи, а также директор Центра семьи и детства «Мы вместе» (проект РОО «СоДействие» РБ) [4, с 115]. Целью интервью являлось получение качественных данных о практических аспектах и системных проблемах в сфере инклюзивного образования, ранней помощи и сопровождения детей с ОВЗ и их семей. В фокусе обсуждения находились такие ключевые темы, как: организационная деятельность и проекты экспертной организации, вопросы межведомственного взаимодействия и финансирования, анализ кадрового дефицита, специфика диагностики и раннего вмешательства, а также психологическое состояние родителей и их актуальные потребности в сфере образования и социализации детей. Данные, полученные в ходе интервью, позволили содержательно углубить результаты массового опроса, выявив институциональные и практические барьеры, не всегда очевидные в количественных данных.

Результаты

Анализ результатов опроса позволил выявить и ранжировать ключевые барьеры, препятствующие, по оценкам родителей, созданию эффективной инклюзивной образовательной среды в Республике Башкортостан. Как показывает рейтинг значимости проблем (рис. 1), на первый план выходят системные кадровые и ресурсные дефициты.

Наиболее остро родители ощущают недостаток квалифицированных специалистов (логопедов, дефектологов, психологов, тьюторов). Вторая по значимости проблема – неготовность самих учителей к работе с детьми с ОВЗ, вызванная отсутствием времени, сил и мотивации [5, с. 55]. Операционные и инфраструктурные сложности, такие как длительные очереди при записи в психолого-медико-педагогическую комиссию (далее – ПМПК), неудобное местоположение или удаленность школы и дефицит мест в образовательных учреждениях, дополня-

ют картину, формируя комплекс взаимосвязанных барьеров на пути к полноценной инклюзии [6, с. 438]. Рейтинг отражает не только частные трудности, но и указывает на структурные пробелы в ресурсном и кадровом обеспечении системы инклюзивного образования в регионе.

Создание специальных условий обучения в соответствии с рекомендациями ПМПК или медико-социальной экспертизы (далее – МСЭ) является основой реализации прав детей с ОВЗ на образование. Однако данные исследования свидетельствуют о существенном дефиците полноценной поддержки в этом направлении. Лишь 46 % родителей в Республике Башкортостан считают, что специальные условия в школе, где учится их ребенок, полностью соответствуют предписаниям ПМПК и/или МСЭ. Каждый пятый респондент (22 %) констатирует лишь частичное выполнение рекомендаций, а для 7 % семей наблюдается категорическое несоответствие. Особое беспокойство вызывает высокий процент родителей (24 %), затруднившихся дать однозначную оценку. Эта неопределенность выступает тревожным индикатором, который может указывать либо на низкий уровень информированности родителей о содержании рекомендаций и процессе их реализации, либо на их слабую вовлеченность в образовательный процесс и диалог со школой.

Сфера дополнительного образования для детей с ОВЗ демонстрирует острый разрыв между высоким социальным запросом и ограниченными возможностями его удовлетворения, усугубленным выраженным территориальным неравенством (рис. 2).

В целом по республике дополнительные занятия (кружки, секции, занятия с репетиторами) посещают 51 % детей с особыми потребностями. Однако этот показатель скрывает глубокую диспропорцию между городом и сельской местностью. В Уфе дополнительным образованием охвачено 67 % детей, в других городах республики – 59, тогда как в муниципальных районах эта доля падает до 46 %. Таким образом, дети в сельской местности практически в полтора

1. Недостаток квалифицированных учителей и специалистов (логопедов, дефектологов, психологов, тьюторов).
2. Неготовность учителей обучать детей с ОВЗ (отсутствие времени, сил, мотивации).
3. Отсутствие в школе условий, рекомендуемых ПМПК
4. Наличие длительных очередей при записи в ПМПК.
5. Местоположение школы/расстояние до нее.
6. Отсутствие (дефицит) мест в школе.

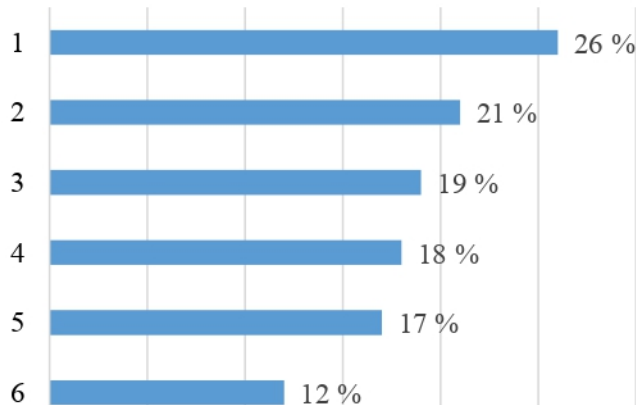

Рис. 1. Рейтинг проблем инклюзивной среды при оценке их значимости родителями в ходе опроса, в %

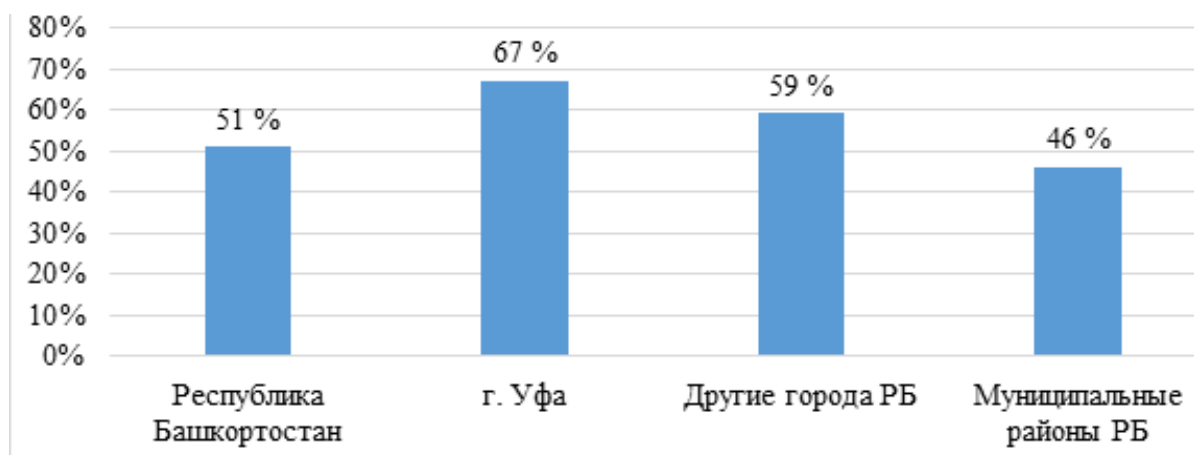

Рис. 2. Доля детей с ОВЗ, получающих дополнительное образование, в %

раза реже имеют доступ к развивающим занятиям вне основной школьной программы [7, с. 106].

На рис. 3 представлены ответы на вопрос: «По какой причине ребенок не посещает дополнительные занятия?»

Основными барьерами, препятствующими получению дополнительного образования, родители называют отсутствие подходящих программ непосредственно в школах (25 %) и опасение перегрузки ребенка (20 %). Парадоксально, но проблема территориальной недоступности, которая традиционно ассоциируется с сельскими территориями, наиболее остро ощущается в Уфе: 21 % уфимских родителей указали на удаленность организаций допобразования, что в полтора раза превышает среднереспуб-

ликанский показатель (14 %). Это указывает на недостаточную развитость инклюзивной инфраструктуры дополнительного образования даже в столице региона [7, с. 110].

В целом по республике понимание необходимости дополнительных занятий есть у половины родителей. При этом территориально доля таковых варьируется: в городах выше, чем в муниципальных районах (рис. 4).

Структура родительских запросов четко отражает их приоритеты в выборе дополнительных занятий. Наибольший спрос сформирован на коррекционно-развивающие занятия с узкими специалистами: логопедом, психологом и дефектологом. Почти столь же востребована поддержка по основным школьным предметам – русскому языку и ма-

Рис. 3. Распределение причин непосещения детьми с ОВЗ дополнительных занятий в РБ, в %

Рис. 4. Доля родителей, понимающих необходимость дополнительных занятий для своих детей, в %

тематике. Значимым направлением является социализация и физическое развитие через спортивные занятия (плавание, адаптивная физкультура) и творческие кружки, что подчеркивает стремление родителей к разностороннему развитию ребенка [7, с. 113].

На рис. 5 представлены данные, отражающие мнение родителей о результатах развития детей по итогам учебного года.

По всем анализируемым параметрам доли положительных оценок («Да, значительные изменения») многократно превышают доли нейтральных ответов («Изменений нет»). Это свидетельствует о том, что инклюзивная образовательная среда в Рес-

публике Башкортостан в целом воспринимается семьями как эффективная и развивающая.

Наибольший прогресс отмечается в сфере жизненных компетенций. Абсолютным лидером по доле положительных оценок являются бытовые навыки и навыки самообслуживания (53,7 %). Высокие результаты также демонстрируют взаимодействие и коммуникация с людьми (48,0 %), поведение (43,4) и настроение (45,0 %). Параметры, непосредственно связанные с учебным процессом, такие как усидчивость и внимание (32,3 %), мотивация к учебе (31,0) и память (33,2 %), показывают заметно бо-

Рис. 5. Оценка родителями изменений в развитии ребенка в 2024/2025 учебном году по сравнению с предыдущим годом в целом по РБ, в %

лее низкие значения. Наименее выраженная динамика и наибольшая неопределенность наблюдаются в ресурсозависимых аспектах. Показатели, тесно связанные с физическим здоровьем и нейропсихологическими ресурсами (физическое состояние, выносливость, память, внимание), не только имеют одни из самых низких процентов положительных оценок, но и демонстрируют максимальные доли ответов «Изменений нет» (около 22–23 %). Это может отражать как объективные ограничения в коррекции этих аспектов, так и дефицит узких специалистов (эрготерапевтов, нейропсихологов) и специальных программ в школах. Приведенные результаты опроса подтверждают эффективность инклюзии в республике в создании принимающей среды.

Отметим, что при оценке результативности процесса обучения сохраняется территориальный разрыв: в Уфе хорошую успеваемость отмечают 40 % родителей, в сельской местности эта доля снижается до 23 %, что отражает неравенство в ресурсном обеспечении и качестве образовательных услуг [8, с. 38]. Наиболее проблемным звеном оказывается профориентационная работа. Лишь

37 % родителей оценивают ее положительно («хорошо»), при этом каждый восьмой (12 %) затруднился с ответом. Такая высокая доля неопределенности прямо указывает на дефицит системной информации и четких ориентиров в вопросах будущего профессионального становления детей с ОВЗ.

При этом планы родителей на будущее их детей демонстрируют прагматичный подход. Основной образовательной траекторией после школы более половины семей (54 %) видят получение среднего профессионального образования (СПО) в колледжах и техникумах, что ассоциируется с практико-ориентированным обучением и более быстрым выходом на рынок труда. Высшее образование рассматривают как вариант 16 % родителей (рис. 6).

Каждый восьмой родитель рассчитывает на будущее трудоустройство своего ребенка, рассматривая работу как ключевой элемент социализации и самостоятельной жизни. Однако эти ожидания омрачены серьезными опасениями. Главными барьерами родители считают трудности с поиском подходящей работы (25 %) и неготовность самого ребенка к самостоятельной трудовой

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Каким Вы видите будущее ребенка?» в РБ, в %

деятельности (21 %). В урбанизированной среде Уфы эти страхи выражены особенно остро: 39 и 38 % соответственно, что может быть связано как с более высокими требованиями городского рынка труда, так и с более критичным взглядом горожан на уровень подготовки детей [9, с.77].

Проблема психологического благополучия самих родителей, воспитывающих детей с ОВЗ, имеет выраженную территориальную специфику. В целом по республике признаки эмоционального выгорания, связанного с заботой о ребенке, отмечают у себя 21 % опрошенных (рис. 7).

Однако в городской среде, особенно в Уфе, с симптомами выгорания сталкиваются 42 % родителей – вдвое больше, чем в среднем по региону. Этот контраст указывает на то, что хронический стресс, эмоциональное истощение и родительское выгорание являются в значительной степени порождением именно городской среды с ее высоким темпом жизни, социальным давлением, повышенными требованиями к успешности и, возможно, меньшей степенью социальной поддержки со стороны близкого окружения по сравнению с сельскими сообществами [10, с. 91].

В результате проведенного фокус-группового исследования были дополнительно подтверждены и раскрыты ключевые проблемы инклюзивной образовательной среды, выявленные в ходе анкетного опроса.

Участники фокус-группы выразили недовольство отсутствием достаточного количества учреждений, предлагающих образовательные услуги для детей с ОВЗ. Они отмечали существенные территориальные различия в качестве предоставляемых услуг: условия в городе Уфе значительно превосходят аналогичные показатели в сельских населенных пунктах и малых городах республики. Некоторые участники групповой дискуссии столкнулись с отказами в зачислении в общеобразовательные учреждения или закрытием коррекционно-воспитательных классов «из-за малого числа обучающихся», однако истинная причина, по их мнению, заключалась в нехватке необходимых ресурсов, в первую очередь кадровых.

Острой проблемой родители назвали дефицит профессионально подготовленных педагогов и специалистов поддержки (психологов, дефектологов, тьюторов). Во многих случаях учителя не способны эффективно взаимодействовать с учащимися с особыми образовательными потребностями, поскольку испытывают трудности в подборе индивидуального подхода и проявляют поверхностное понимание их потребностей [11, с. 95]. Среди недостатков респондентами назывались шаблонность педагогической практики, формализм в подходе к обучению и неспособность создавать комфортную среду для учащихся с ОВЗ [12, с. 113].

Рис. 7. Доля родителей, наблюдающих у себя признаки родительского выгорания, в %

Вызывает серьезное беспокойство практика соблюдения рекомендаций индивидуальной программы реабилитации и абилитации. Большинство респондентов подтвердили, что прописанные рекомендации нередко не соблюдаются школьными работниками, отсутствует достаточное сопровождение тьюторами и специалистами вспомогательного профиля. Некоторые семьи признались, что вынуждены самостоятельно брать на себя функции ассистирования ребенку, компенсируя недостатки школьной службы сопровождения [13, с. 263].

Родители отметили ряд сложностей в получении детьми с ОВЗ и с инвалидностью дополнительного образования. Несмотря на то, что многие дети участвуют в программах дополнительного образования, доступные программы оказываются недостаточно приспособленными для особых нужд школьников с инвалидностью. Родители отмечают, что дополнительные занятия проводятся чаще всего за пределами школьных стен, в негосударственных организациях, где качество услуг оставляет желать лучшего. Семьи выражали желание видеть большее разнообразие предложений и качественную подготовку персонала в учреждениях дополнительного образования.

Многие родители жаловались на негативное отношение общества к особым детям. Часто дети сталкиваются с буллингом со стороны сверстников и взрослых,

особенно в коллективах обычных школ. Ответственность за профилактику агрессивного поведения со стороны администрации учебных заведений признается недостаточной. Представители семей утверждают, что школа не проводит систематической работы по формированию толерантного отношения к детям с особыми потребностями.

Одной из центральных проблем инклюзивного образования, согласно мнению эксперта Ю. Гороховой, является межведомственная разобщенность. Сегодня отсутствует единый механизм кооперации между медицинскими учреждениями, органами социальной защиты и образовательными организациями. Из-за подобной изоляции возникают пробелы в процессе оказания помощи особым детям, нередко дублируются функции различных специалистов, теряются драгоценные сроки начала необходимого воздействия.

Еще одной сложностью остается кадровый дефицит. Особенную нужду ощущают семьи в специалистах узкого профиля, таких как эрготерапевты и эксперты по сенсорной интеграции. Сложившаяся ситуация обостряется отсутствием социальных нянь, чья помощь необходима семьям для повседневной заботы о ребенке с инвалидностью.

Эксперт акцентирует внимание на важности предоставления специализированной психологической поддержки самим родителям, испытывающим длительное чувство стресса и хронической усталости. Как пра-

вило, матери детей с ОВЗ проходят тяжелые периоды депрессивных состояний, тревог и чувства вины, что негативно влияет на взаимоотношения с ребенком и может провоцировать дополнительную задержку его развития.

Интересным наблюдением стала фиксация тенденции смещения акцентов в воспитательном процессе с эмоционального взаимодействия и игровой деятельности на медицинское лечение и коррекцию наруше-

ний. В погоне за устранением симптомов заболеваний взрослые забывают о базовых потребностях ребенка в теплоте отношений, совместных развлечениях и любви, что тормозит полноценное развитие личности [14, с. 155].

Исследуя проблемы инклюзивного образования в разрезе возрастных этапов, экспертом были выделены характерные трудности в общении со сверстниками (табл.).

Таблица

Возрастная специфика проблем инклюзивного образования

Возрастные группы	Особенности социального взаимодействия
Дошкольный возраст	Дети младшего дошкольного возраста довольно легко принимают наличие рядом ребят с особенностями, конфликты возникают редко
Начальная школа	Период начальной школы тоже характеризуется малым количеством серьезных конфликтов, учащиеся привычно адаптируются к новому окружению
Средняя школа	Появляется первый серьезный кризис: школьники начинают проявлять негативные реакции на присутствие ребенка с ОВЗ, возможны случаи буллинга
Старшая школа	Проблематика принимает острые формы: старшеклассники сталкиваются с открытым неприятием и агрессией со стороны сверстников и порой даже родителей обычных детей

Таким образом, отношение сверстников и общий психологический климат в микроокружении могут служить серьезным препятствием нормальной учебы и социальной интеграции подростка с особыми образовательными потребностями. При этом проблемы инклюзивного образования зависят от возрастных этапов: если в младшем возрасте конфликты редки, то в старших классах возникает открытое неприятие и агрессия со стороны сверстников. Это указывает на необходимость формирования особой стратегии поддержки и адаптации для каждой возрастной группы школьников с особыми потребностями.

Заключение

Проведенное исследование выявило комплекс системных барьеров, затрудняющих реализацию инклюзивного образования

в Республике Башкортостан. Ключевыми проблемами, подтвержденными как количественными, так и качественными методами, остаются острый дефицит квалифицированных кадров (учителей, специалистов сопровождения), неполное выполнение рекомендаций ПМПК/МСЭ, а также выраженное территориальное неравенство в доступе как к основному, так и к дополнительному образованию. Полярность родительских оценок – относительные успехи в социализации детей при скромных академических результатах и слаборазвитой профориентации – указывает на дисбаланс в функционировании инклюзивной среды, которая в большей степени выполняет адаптирующую, чем образовательную функцию [15, с. 92].

Особую тревогу вызывает психологическое благополучие родителей, особенно в го-

родской среде, где уровень эмоционального выгорания достигает критических значений. Выявленная возрастная динамика проблем социального взаимодействия (от относительной толерантности в младших возрастах до открытого неприятия и буллинга в старшей школе) подчеркивает необходимость разработки дифференцированных стратегий поддержки для каждой возрастной группы.

Только комплексный подход, объединяющий усилия государства, образовательных учреждений и гражданского общества, позволит трансформировать существующую систему в подлинно инклюзивную, обеспечивающую не только доступность, но и качество образования и полноценную социализацию для каждого ребенка с особыми образовательными потребностями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гарипова З. Ф. Нормативно-правовое регулирование инклюзивного образования в России // Социальная динамика населения и человеческий потенциал: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. М. : ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2025. С. 104–106.
2. Селиванова С. С., Мигунова Ю. В. Тенденции развития системы инклюзивной образовательной среды на примере регионов Приволжского федерального округа // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 3. С. 195–206. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2025\)3–11](https://doi.org/10.14258/SSI(2025)3–11).
3. Гарипова З. Ф. Анализ обоснованности гипотез исследования мнения родителей о состоянии инклюзивной образовательной среды в Республике Башкортостан // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2025. № 4. С. 47–63. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2025.4.4>.
4. Мигунова Ю. В. Деятельность центров, оказывающих социально-психологическую поддержку семье с детьми, имеющими ОВЗ, в оценках родителей РБ // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 114–123.
5. Столь А. В. Проблема дефицита кадров для работы с детьми с ОВЗ на примере Республики Башкортостан // Вестник МГПУ. Сер.: Экономика. 2024. № 4 (42). С. 51–67. <https://doi.org/10.24412/2312-6647-2024-442-51-67>.
6. Мигунова Ю. В. Проблемы кадровой обеспеченности коррекционного образования в России на примере регионов Приволжского федерального округа // Социальная динамика населения и человеческий потенциал : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. М. : ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2025. С. 436–438.
7. Мигунова Ю. В. Дополнительное образование школьников с ограниченными возможностями здоровья и с инвалидностью как фактор их социализации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 4 (24). С. 106–114.
8. Мигунова Ю. В. Доступность предметно-пространственной среды для детей с ОВЗ и с инвалидностью как фактор развития инклюзивного образования в Республике Башкортостан // Образование: традиции и инновации. 2025. № 2. С. 34–39.
9. Мигунова Ю. В. Роль доступной предметно-пространственной среды общеобразовательной организации в обучении детей с ОВЗ и с инвалидностью (на примере Республики Башкортостан) // Актуальные вопросы обеспечения условий инклюзивного образования в Российской Федерации : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16–17 окт. 2025 г.) / ред. С. В. Алехина, Е. В. Самсонова. М.: МГППУ, 2025. С. 74–77.
10. Селиванова С. С. Оценка некоторых аспектов инклюзивной образовательной среды (по материалам социологического исследования) // Актуальные вопросы обеспечения условий инклюзивного образования в Российской Федерации : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16–17 окт. 2025 г.) / ред. С. В. Алехина, Е. В. Самсонова. М. : МГППУ, 2025. С. 90–93.
11. Столь А. В. Перспективы инклюзии: как родители школьников с ОВЗ оценивают условия обучения в сравнении со средними региональными показателями // Актуальные вопросы обеспечения условий инклюзивного образования в Российской Федерации: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16–17 окт. 2025 г.) / ред. С. В. Алехина, Е. В. Самсонова. М. : МГППУ, 2025. С. 93–98.

12. Гимаев И. З. Экспертная оценка современных проблем формирования инклюзивной образовательной среды (результаты социологического исследования) // *Society and Security Insights*. 2025. Т. 8, № 1. С. 102–115. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2025\)1-07](https://doi.org/10.14258/SSI(2025)1-07).
13. Селиванова С. С. Проблемы организации образовательной среды для детей с особыми образовательными потребностями // Уфимский научный гуманитарный форум. 2025. № 2 (22). С. 257–266. <https://doi.org/10.47309/2713-2358-2025-2-257-266>.
14. Зарипова Г. Р. Современные методы профориентации детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования // Актуальные вопросы обеспечения условий инклюзивного образования в Российской Федерации: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16–17 окт. 2025 г.) / ред. С. В. Алехина, Е. В. Самсонова. М. : МГППУ, 2025. С. 153–156.
15. Столь А. В., Гарипова З. Ф. Унификация отчетности муниципальных образований для оценки развития инклюзивного образования // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2025. № 4 (53). С. 91–104.

REFERENCES

1. Garipova Z. F. Legal regulation of inclusive education in Russia // *Social dynamics of population and human potential: proceedings of VII International scientific and practical conference*. Moscow : ISESP RAS, 2025. P. 104–106. (In Russ.).
2. Selivanova S. S., Migunova Yu. V. Trends in the development of an inclusive educational environment based on the example of the regions of the Volga Federal District // *Society and Security Insights*. 2025. Vol. 8, no. 3. P. 195–206. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2025\)3-11](https://doi.org/10.14258/ssi(2025)3-11). (In Russ.)
3. Garipova Z. F. Analysis of hypotheses validity regarding parents' opinions about the state of an inclusive educational environment in the Republic of Bashkortostan // *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 2025. No. 4. P. 47–64. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2025.4.4>. (In Russ.)
4. Migunova Yu. V. Activities of centers providing socio-psychological support to families with children with disabilities, as assessed by parents of the Republic of Bashkortostan // *Society, law, statehood: retrospective and perspective*. 2025. No. 1 (21). P. 114–123. (In Russ.)
5. Stol A. V. The problem of staff deficit for working with children with disabilities: the example of the Republic of Bashkortostan // *MGU Journal of Economic Studies*. 2024. No. 4 (42). P. 51–67. (In Russ.)
6. Migunova Yu. V. Staffing problems of special education in Russia on the example of the regions of the Volga Federal District // *Social dynamics of population and human potential: proceedings of VII International scientific and practical conference*. Moscow : ISESP RAS, 2025. P. 436–438. (In Russ.).
7. Migunova Yu. V. Additional education of pupils with disabilities as a factor of their socialization // *Society, law, statehood: retrospective and perspective*. 2025. No. 4 (24). P. 106–114. (In Russ.)
8. Migunova Yu. V. Accessibility of the object-spatial environment for children with disabilities as a factor in the development of inclusive education in the Republic of Bashkortostan // *Education: traditions and innovations*. 2025. No. 2. P. 34–39. (In Russ.)
9. Migunova Yu. V. The role of an accessible object-spatial environment of a general education organization in teaching children with disabilities (on the example of the Republic of Bashkortostan) // *Current issues of providing conditions for inclusive education in the Russian Federation: proceedings of VIII International scientific and practical conference (Moscow, October 16–17, 2025)* / eds. : S. V. Alekhina, E. V. Samsonova. Moscow: MSUPE, 2025. (In Russ.)
10. Selivanova S. S. Assessment of some aspects of the inclusive educational environment (based on sociological research materials) // *Current issues of providing conditions for inclusive education in the Russian Federation: proceedings of VIII International scientific and practical conference (Moscow, October 16–17, 2025)* / eds. : S. V. Alekhina, E. V. Samsonova. Moscow : MSUPE, 2025. P. 90–93. (In Russ.)
11. Stol A. V. Prospects of inclusion: how parents of schoolchildren with disabilities assess learning conditions compared to average regional indicators // *Current issues of providing conditions for inclusive education in the Russian Federation: proceedings of VIII International scientific and practical conference (Moscow, October 16–17, 2025)* / eds. : S. V. Alekhina, E. V. Samsonova. Moscow : MSUPE, 2025. P. 93–98. (In Russ.)

12. Gimaev I. Z. Expert assessment of contemporary problems of inclusive educational environment formation (results of a sociological research) // Society and Security Insights. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 102–115. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2025\)1-07](https://doi.org/10.14258/SSI(2025)1-07). (In Russ.)

13. Selivanova S. S. Problems of organizing an educational environment for children with special educational needs // Ufa Humanitarian Scientific Forum. 2025. No. 2 (22). P. 257–266. <https://doi.org/10.47309/2713-2358-2025-2-257-266>. (In Russ.)

14. Zaripova G. R. Modern methods of career guidance for children with disabilities in the context of inclusive education // Current issues of providing conditions for inclusive education in the Russian Federation: proceedings of VIII International scientific and practical conference (Moscow, October 16–17, 2025) / eds. : S. V. Alekhina, E. V. Samsonova. Moscow : MSUPE. P. 153–156. (In Russ.).

15. Stol A. V., Garipova Z. F. Municipal entities report unification for assessing the inclusive education development and municipalities rating calculation: methodological approach // Municipality: economics and management. 2025. No. 4 (53). P. 91–104. (In Russ.)

Информация об авторе:

Гарипова З. Ф. – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author:

Garipova Z. F. – Candidate of Economics, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 12.03.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 12.03.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 340.113+316.77

Олег Сергеевич Мантуров¹,
Екатерина Андреевна Рыбина²
^{1, 2} Уральский юридический институт
МВД России, Екатеринбург, Россия
¹ *osmanturov@yandex.ru, ORCID: 0000-00028252-9623 (ответственный за переписку)*
² *yekaterina.rybina.2005@bk.ru*

СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Современное медиапространство характеризуется широким распространением сетевых информационных ресурсов, включая новостные и информационные порталы, сетевые группы, интернет-сообщества, паблики, социальные сети и иные. Отсутствие необходимости в специальных навыках или юридическом статусе для создания контента, мгновенное распространение информации и бесконтрольное тиражирование материалов, а также совпадение ролей получателя и распространителя информации создают уникальные условия для взаимодействия с медиасредой.

С момента появления Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» прошло более 30 лет. Очевидно, что за столь долгий срок изменился не только характер социальных отношений, но и сама природа средств массовой информации (далее – СМИ). Закрепленное данным законом понятие «средства массовой информации» в современном обществе уже утрачивает свою актуальность, и внесение изменений в него становится неизбежным. Основным вызовом для законодателя является необходимость регулирования деятельности сетевых информационных ресурсов, которые становятся все более серьезным источником массовой информации, постепенно вытесняя классические СМИ. Авторами статьи предлагается внесение изменений в законодательство, которые будут отражать реальные социальные отношения, специфику функционирования современной коммуникативной реальности.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, информационное общество, информационная безопасность, сетевые информационные ресурсы, медиапространство, цифровая трансформация, цифровая среда

Для цитирования: Мантуров О. С., Рыбина Е. А. Средства массовой коммуникации как социальный институт: вызовы для современного российского законодательства // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 2 (26). С. 109–118.

Original article

Oleg S. Manturov¹, Yekaterina A. Rybina²
^{1, 2} *The Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia*
¹ *osmanturov@yandex.ru, ORCID: 0000-00028252-9623 (corresponding author)*
² *yekaterina.rybina.2005@bk.ru*

MASS MEDIA AS A SOCIAL INSTITUTION: CHALLENGES FOR MODERN RUSSIAN LEGISLATION

Abstract. The modern media landscape is characterized by the widespread use of online information resources, including news and information portals, online groups, online communities, public pages, social

networks, and more. The lack of need for specialized skills or legal status to create content, the instantaneous spread of information, and the uncontrolled replication of materials, as well as the overlapping roles of recipient and distributor, create unique conditions for interaction with the media environment.

More than 30 years have passed since the adoption of the Russian Federation Law “On Mass Media”. It is clear that but for the nature of social relations the very nature of the media has also changed during this long period. The concept of “mass media” enshrined in this law is already losing its relevance in modern society, and amendments to this law are becoming inevitable. The main challenge for legislators is the need to regulate the activities of online information resources, which are becoming an increasingly significant source of mass information, gradually displacing traditional media. The authors of this article propose amendments to the legislation that will reflect real social relations and the specific functioning of the modern communicative reality.

Keywords: mass media, information society, information security, online information resources, media space, digital transformation, digital environment

For citation: Manturov O. S., Rybina E. A. Mass media as a social institution: challenges for modern Russian legislation // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 2 (26). P. 109–118. (In Russ.)

Введение

В XXI в. информация становится наиболее важным социальным ресурсом, конституирующим всю окружающую нас социальную действительность. В эпоху информационного общества владельцы информационных ресурсов могут формировать общественное мнение, политическую повестку, распределять экономические ресурсы, а в руках недобросовестных граждан информация может стать оружием, создающим реальную угрозу национальной безопасности.

Изменения в сфере цифровых технологий происходят в современном мире с такой скоростью, что их не способны нагнать ни политические элиты, ни аналитики. Не успевает за этими изменениями и нормативно-правовая база, порождая самые непредсказуемые, как правовые, так и социальные, коллизии. К. Шваб описывал эти процессы следующим образом: «В условиях, когда четвертая промышленная революция дала ускорение темпу изменений, перед структурами, создающими нормативно-законодательные акты, встали проблемы беспрецедентного масштаба. Сегодняшние политические, законодательные и регулирующие органы часто ощущают, что события застают их врасплох и что они не в состоянии поспевать за скоростью технологических изменений и соответствовать значимости их последствий. Круглосуточный цикл поступления

новостей оказывает давление на лидеров, заставляя их немедленно давать комментарии или предпринимать те или иные действия, в результате чего у них оказывается меньше времени на то, чтобы отреагировать продуманным, принципиальным и тщательно просчитанным образом. Существует реальная опасность утратить контроль над важными процессами, особенно в условиях мировой системы, включающей в себя почти две сотни независимых государств и тысячи различных культур и языков» [1, с. 56].

Актуальность темы представленной работы обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, определяющих контуры современной социальной реальности, – развитием цифровых платформ и резким увеличением скорости распространения информации, изменением роли человека в медиaprостранстве, все нарастающим разрывом между современными технологиями и законодательством. Особую актуальность исследование средств массовой коммуникации (далее также – СМК) приобретает в условиях усиливающегося с каждым годом негативного воздействия информации на социум, что приводит к необходимости принятия нормативных правовых актов, ограничивающих свободную циркуляцию информации, могущей стать угрозой для безопасности человека, общества и государства. В данной статье мы будем отталкиваться от утверждения о том, что «негативное

влияние многих платформ, создаваемых и используемых в Интернете, а также бесконтрольное распространение недозволенного Законом Российской Федерации «О СМИ» контента на носителях, не являющихся СМИ, приводит к поиску законодательных средств обеспечения информационной безопасности» [2, с. 28]. В связи с этим нам кажется особенно важным выработать четкое представление о степени взаимозависимости технологических изменений и природы социальной реальности, которая должна найти свое неизбежное закрепление в правовом пространстве.

Методы

Настоящее исследование ориентировано на институциональный подход к пониманию сущности средств массовой коммуникации. В процессе исследования использован диалектический подход к представленной проблеме, сопряженный с герменевтическим и структурно-функциональным методами социальных и гуманитарных наук.

Результаты

Научный интерес к проблематике массовой коммуникации зародился в самом начале прошлого столетия. В истории социологии пробуждение интереса к научному исследованию прессы связывают с именем Макса Вебера, который в 1910 г. провозгласил журналистику одним из видов профессиональной политической деятельности [3]. Исследования массовой коммуникации одним из первых были осуществлены Г. Лассуэллом. В работе «Структура и функции коммуникации в обществе» [4] им рассматривались, в частности, коммуникация как средство сохранения власти правящими элитами, факторы, влияющие на эффективность коммуникации, каналы, посредством которых передается информация, процесс отбора информации для публикации и др. П. Ф. Лазарсфельдом была предложена двухступенчатая модель коммуникации [5]. На то, что средства коммуникации призваны дать человеку не просто новую информацию, но чувство общности с другими (безликими) людьми, их мыслями и чувствами, указывал Тард [6]. М. Хоркхаймер и Т. Адорно изу-

чали влияние массовой коммуникации на складывание массовой культуры [7]. В их работе «Диалектика просвещения» отмечено, что средства массовой коммуникации превращают массовую культуру в предмет массового потребления.

Мы можем убедиться, что термин «средства массовой коммуникации» более полувека назад выступал предметом преимущественно социологического дискурса. И только к XXI в. он утвердился в качестве концепта, описывающего изменяющуюся на наших глазах природу социальной реальности, проникая во все без исключения аспекты социальных отношений.

Взросший в научном дискурсе интерес к средствам массовой коммуникации может быть объяснен прежде всего разворачивающимся на наших глазах кризисом традиционных средств массовой информации (далее также – СМИ). Можно уверенно заявлять, что в наши дни средства массовой коммуникации вытесняют собой из социального пространства средства массовой информации. Два этих термина лишь на первый взгляд выглядят сходными, но между ними есть существенная разница.

Основные формы существования классических СМИ – это печатные издания (газеты и журналы), радиовещание, телевидение, информационные агентства. Средства массовой коммуникации многие исследователи обозначают как «неклассические средства массовой информации», хотя мы считаем, что сам термин «средства массовой коммуникации» намного шире, чем средства массовой информации. СМК включают в себя не только формы закрепления информации, но и способы и методы, с помощью которых организованные поставщики информации передают или помогают распространять ее на широкую аудиторию, не очерченную границами социального пространства. «Понятие средств массовой коммуникации является сложным и обладает определенной структурой, состоящей из средств массовой информации (телевидение, печать, сеть «Интернет») и технических средств коммуникации (телефоны, смартфоны, персональ-

ные компьютеры). Следовательно, понятие средств массовой коммуникации является более широким, чем средства массовой информации, так как массовая коммуникация включает в себя опосредованные средства воздействия на человека, социальные группы и общество в целом» [8, с. 172–173].

По отношению к СМИ человек (читатель, зритель, слушатель) является, по сути, пассивным потребителем информации, тогда как использование средств массовой коммуникации предполагает социальную активность потребителя, его ведущую роль в информационных процессах. Если при соприкосновении со СМИ для человека главное – это получаемая информация, то в случае со СМК – это возможность участвовать в коммуникации с другими людьми по поводу представленной информации (участие в референтных группах, пабликах, общение через комменты, репостинг в собственные паблики, группы и т. п.).

Есть существенная разница и в характере работы над информацией. После прочтения информационного материала в СМИ читатель либо принимает мнение автора, либо формирует собственное мнение касательно информационного повода. В случае со СМК окончательное мнение потребителя информации формируется после активного обсуждения ее с другими людьми на том же ресурсе, где данная информация была размещена. В отношении СМИ для общения с редакцией читателю приходится приложить значительные усилия (к примеру, писать письма в надежде на опубликование его мнения по поводу заметки), тогда как в средствах массовой коммуникации действует принцип отсроченной обратной связи. Размещенное на страницах СМК сообщение может быть прокомментировано и через несколько лет, когда оно уже потеряло актуальность или воспринимается в негативном свете в связи с конкретными социально-политическими реалиями.

СМК отличается от СМИ и набор функций, которые они выполняют. Если для последних упор делается на информационной составляющей, то ведущими в случае со

СМК являются социально психологические функции. Ж. С. Сыздыкова выделяет среди них функции: социальной ориентировки и участия в формировании общественного мнения; аффилиации (социальной идентификации); контакта с другим человеком; самоутверждения (самопознания и самореализации) [9, с. 85]. Информация, предоставляемая СМИ, часто является поводом для читателя задуматься, тогда как потребителю СМК важна не столько информация сама по себе, сколько возможность осуществления эмоциональной разрядки (посредством комментов, лайков и т. п.).

Как же соотносятся между собой два термина и, соответственно, два социальных института, которые они представляют? Н. В. Розенберг и А. В. Логинов дают следующее определение термину «средства массовой коммуникации»: «Средства массовой коммуникации представляют собой общественный институт, который производит отбор и переработку информации, устанавливает правила и нормы коммуникации и тем самым обеспечивает экономическое, политическое, социальное и культурное взаимодействие субъектов. Как социальный институт они осуществляют координацию и оптимизируют познание в условиях неопределенности и ограниченных возможностей рациональной деятельности субъектов» [10, с. 82]. В данном определении мы хотим подчеркнуть, что средства массовой коммуникации в современном мире уже являются социальным институтом, а значит, как и любой другой социальный институт, они не могут быть исключены из поля сугубо правовых отношений. Подобного же мнения придерживается и один из современных исследователей средств массовой коммуникации И. Ф. Петров, который утверждает: «Средства массовой информации являются неотъемлемой частью системы массовых коммуникаций и действуют как социальный институт, обладая специфическими характеристиками... Будучи субъектом социальных коммуникаций, они в то же время являются их объектом. Социальные отношения во всем их многообразии выступают в качестве

источника и конечным объектом влияния средств массовой коммуникации» [11, с. 25].

Логическая характеристика отношений между двумя понятиями также позволяет нам понять, что они находятся в отношении подчинения: СМИ являются неотъемлемой частью СМК, тогда как сами СМК давно «вышагнули» за границы возможностей и влияния СМИ. К средствам массовой коммуникации мы можем отнести: информационные ресурсы во всех своих видах и формах (информационные и рекламные ресурсы, книги, газеты, журналы, блоги, открытые страницы в мессенджерах и т. д.); технические средства передачи информации, то есть различные устройства и технологии, используемые при передаче информации неопределенной (массовой) аудитории; сама аудитория, которая, потребляя информацию посредством СМК, включается в процесс по ее воспроизводству и созданию (со всеми присущими аудитории возрастными, половыми, социальными характеристиками). Спецификой средств массовой коммуникации является возможность отсутствия у субъектов ее получения и воспроизводства статуса журналиста (к примеру, данным статусом не обладает большинство блогеров, хотя, создавая информационные материалы и формируя информационную повестку, они данную функцию частично выполняют, часто не неся за это юридической ответственности). Все перечисленные элементы неразрывно связаны между собой в процессах формирования информационного пространства.

Классификация СМК в настоящий момент затруднительна, поскольку новые цифровые технологии намного опережают прогнозы ученых-теоретиков, равно как и усилия законодателя по закреплению меняющейся социальной действительности посредством нормативных правовых актов. Нам остается лишь фиксировать, что «на сегодняшний день разработано и внедрено большое количество форматов, которые

можно отнести к интернет-СМК, в том числе веб-сайты, социальные сети (российские и зарубежные) и мессенджеры, блоги, видеохостинги <...>, различные приложения и чаты. Перечень платформ не ограничивается данным списком. С развитием технологий появляются новые виды интернет-СМК, которые направлены на массовое информирование граждан. При этом некоторые платформы имеют целевую направленность или их производителем может выступать один пользователь» [12, с. 166].

Особая роль в развитии средств массовой коммуникации принадлежит сетевым информационным ресурсам. Популярность и лавинообразный рост последних объясняется сразу несколькими факторами: для их создания не обязательно обладать специальными навыками или юридическим статусом; ведение и поддержка данных ресурсов не требуют от их создателя профессиональных навыков журналиста, но при этом предполагает моментальное распространение информации и бесконтрольное тиражирование медиаконтента; создание и популяризация информационных ресурсов через «раскрутку» приносит их владельцу ощутимый доход, прежде всего от продажи рекламных площадей и участия в программах по монетизации.

Указанные факторы в современной социально-политической ситуации приводят к тому, что вышедшие из-под контроля законодателя сетевые информационные ресурсы становятся одним из основных средств негативного информационно-психологического воздействия на общество со стороны самых разных сил, что ставит перед ним задачу поиска наиболее эффективных стратегий регулирования деятельности этих ресурсов во всех их формах и проявлениях.

В настоящий момент основным правовым регулятором данных отношений выступает Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации»¹, главное назначение которого состояло в ре-

¹ О средствах массовой информации : закон Российской Федерации от 27 дек. 1991 г. № 2124-І. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

гулировании информационного пространства, в установлении правил регистрации независимых СМИ, ответственности журналистского сообщества перед гражданами за вред, который способно причинить свободное распространение информации. С момента появления упомянутого закона прошло более 30 лет, и становится очевидным, что за столь долгий срок изменился не только характер социальных отношений, но и сама природа средств массовой информации. Закрепленное им понятие «средства массовой информации» в современном обществе уже утрачивает свою актуальность, чем и объясняется постоянное внесение изменений в данный нормативный правовой акт.

Основным вызовом для законодателя является необходимость регулирования деятельности сетевых информационных ресурсов, которые становятся все более серьезным источником массовой информации, постепенно вытесняя классические СМИ. Этот вызов лишь подкрепляется появлением различных технологий, инновационных форматов воспроизведения контента, количеством и усилившейся ролью социальных сетей, необходимостью постоянной адаптации к международным стандартам. Создание и повсеместное распространение фейковых информационных материалов становится зримой угрозой для национальной безопасности, и действующий закон «О средствах массовой информации» не позволяет бороться с данной угрозой полномасштабно. Очевидно, что происходит смещение информационной функции СМИ на коммуникативную. И. Ф. Петров справедливо указывает на то, что «средства массовой информации являются непосредственным участником социальных коммуникаций, поэтому анализ СМИ вне коммуникативных процессов будет неполным» [11, с. 26].

Вопросы регулирования деятельности новых средств массовой коммуникации, яв-

ляющиеся очевидным вызовом для российского законодателя, нашли свое отражение в законодательстве ряда стран. Несмотря на то, что в зарубежных странах также нет единого законодательного акта, вводящего в правовой дискурс термин «средства массовой коммуникации», в некоторых правовых системах мы можем увидеть воплощенные в законодательстве нормы, регулирующие деятельность так называемой *new media*.

Так, в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. 427-З «О средствах массовой информации» мы можем встретить юридически закрепленные термины «новостной агрегатор», «сетевое издание», «интернет-ресурс» с соответствующими дефинициями. Наиболее интересно для нас определение последнего: «интернет-ресурс – интернет-сайт, страница интернет-сайта, форум, блог, приложение для мобильного устройства, иной информационный ресурс (его составная часть), размещенный в глобальной компьютерной сети Интернет, посредством которых распространяется массовая информация»¹. Данное определение довольно широко, что позволяет подвести под него любые формы массовой коммуникации, которые могут возникнуть в будущем.

В Республике Армения Закон «О массовой информации» от 13 декабря 2003 г. дополнен Законом от 5 августа 2020 г. №ЗР-39512 «Об аудиовизуальных медиа»². Данными законами вводится понятие «сетевое средство информации», в дефиниции которого исключается основной признак СМИ согласно российскому законодательству – периодичность. Так, под сетевым средством информации понимается любой информационный ресурс, имеющий определенный адрес, доступный для неограниченного числа лиц и содержащий информацию независимо от периодичности пополнения, продолжительности времени хранения и других критериев. Понятие журналиста в армян-

¹ О средствах массовой информации : закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800427> (дата обращения: 20.03.2026).

² Об аудиовизуальных медиа : закон Республики Армения от 5 авг. 2020 г. № ЗР-39512. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=7300> (дата обращения: 20.03.2026).

ском законодательстве (широкое по своему содержанию по сравнению с российским) дополнено понятием «лицо, осуществляющее информационную деятельность», что позволяет включить в его объем неограниченный круг физических и юридических лиц, направленно формирующих массовую коммуникацию.

В Республике Казахстан в последние годы принят целый ряд законов, направленных на регулирование отношений в сфере массовых коммуникаций, в частности законы от 19 июня 2024 г. № 93-VIII ЗРК «О масс-медиа»¹ и от 10 июля 2023 г. № 18-VIII ЗРК «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе»². Эти документы вводят понятия «масс-медиа», «продукция масс-медиа», «мониторинг масс-медиа», позволяющие объединить в одну сферу правоприменения средства массовой информации (их ключевой признак все тот же – периодичность) и интернет-ресурсы (определение данного понятия как раз таки не закреплено, что позволяет включать в его содержание любые вновь появляющиеся в сети Интернет формы воплощения массовой коммуникации). Наиболее новаторским нам кажется закон «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе», юридически закрепляющий такие понятия, как «аккаунт», «инфлюенсер (блогер)», «сервис обмена мгновенными сообщениями», «онлайн-платформа» и т. д. На наш взгляд, юридические нормы, закрепленные указанными двумя законами, в совокупности могли бы стать основой создания единого правового акта, регламентирующего сущность и способы функционирования средств массовой коммуникации.

Заметим, что перечисленные нами правовые акты появились в последние несколько лет. Что же касается России, то законодатель, несмотря на кардинально изменившуюся с момента утверждения Закона

«О средствах массовой информации» социальную реальность, по сей день не решает-ся принять всеобъемлющий федеральный закон, регулирующий деятельность субъектов создания, распространения и получения массовой информации. Вместо этого мы можем наблюдать частое появление отдельных нормативных правовых актов, целью принятия которых является регулирование новых информационных технологий, устранение двусмысленности в правовых понятиях и определениях, определение механизмов контроля за соблюдением законодательства в информационной среде и установление ответственности за его нарушение, принятие дополнительных мер по защите прав лиц, распространяющих информацию, и др. Все принимаемые «дополнения» помогают сделать законодательство более актуальным и эффективным в условиях быстро меняющегося медийного пространства, но не приближают законодателя к решению стратегической задачи по его обновлению в соответствии с социально-политическими реалиями, фактически конституирующими современное медиапространство, а значит, и социальную реальность.

Закключение

Анализ существующей нормативно-правовой базы в области функционирования средств массовой коммуникации наталкивает нас на мысль о необходимости реформирования законодательства в области осуществления деятельности средств массовой информации.

Во-первых, согласно закону о СМИ, «под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным

¹ О масс-медиа : закон Республики Казахстан от 19 июня 2024 г. № 93-VIII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000093> (дата обращения: 20.03.2026).

² Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе : закон Республики Казахстан от 10 июля 2023 г. № 18-VIII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000018> (дата обращения: 20.03.2026).

наименованием (названием)». Но многие современные средства массовой коммуникации (включая ряд неклассических СМИ) не являются периодическими изданиями и не предполагают периодического распространения информации. Очевидно, требуется введение в законодательство новой дефиниции, не ограничивающей перечень средств массовой коммуникации такой характеристикой, как периодичность.

Во-вторых, рефлексии законодателя требует сам статус журналиста. Согласно закону о СМИ, «под журналистом понимается лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию». В случае с современными средствами массовой коммуникации редактированием, сбором информации, подготовкой информационных материалов часто занимается лицо, ни в коей мере (юридически) не являющееся журналистом. В качестве данного лица могут выступать обычные пользователи, блогеры, лидеры общественного мнения. Чтобы определить их юрисдикцию, может представляться уместным ввести в законодательство термин «субъекты правоотношений в сфере массовой коммуникации», объединяя в нем (сошлемся на новеллы законодательства Республики Беларусь) конкретные органы государственной власти (к примеру, Феде-

ральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций), редакцию и журналистов периодических изданий, владельцев интернет-ресурсов и сетевых изданий, блогеров (под ними мы можем понимать физических лиц, размещающих информацию на страницах интернет-ресурсов и онлайн-платформ в целях получения материальной выгоды). Очевидно, что юридический статус каждого из обозначенных субъектов должен быть закреплён в едином федеральном законе, также законодательно необходимо установить их права, обязанности и меру ответственности.

На основании этого нам видится неизбежным принятие на основе однозначно устаревшего Закона «О средствах массовой информации» федерального закона «О средствах массовой коммуникации», который учитывал бы специфику создания и воспроизводства информации в цифровом медиaprостранстве, природу современных носителей информации, изменившуюся роль индивида как основного агента конституирования информационного пространства. Данный шаг неизбежен, иначе проблемы регулирования современных форм коммуникаций рискуют перерасти в бесконечное закрепление законодателем правового определения новых понятий, связанных с массовой коммуникацией, оставив на заднем плане стратегическую задачу по установлению действенных механизмов контроля и ответственности в сфере угроз информационной безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. 138 с.
2. Силкин В. В., Шарков Ф. И. Наступление эры медиакommunikаций: унаследование права четвертой власти цифровой медиасферой // Коммуникология. 2021. Т. 6, № 3. С. 22–34.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия / пер. с нем. и вступ. ст. А. Ф. Филиппова. М. : Рипол-классик, 2021. 292 с.
4. Lasswell H. D. The structure and function of communication in society // The communication of ideas. N. Y.: Harper and Brothers, 1948.
5. Лазарфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Массовая коммуникация в современном мире. М. : АВАНТИ ПЛЮС, 2004. С. 148–159.
6. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М. : Институт психологии РАН, изд-во «КСП+», 1998. 416 с.

7. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. СПб. : Медиум, 1997. 312 с.
8. Матвеева А. В. Средства массовой коммуникации и их воздействие на социальные установки и нравственное становление молодежи // Студенческая наука и XXI век. 2024. Т. 21, № 1 (24). Ч. 2. С. 172–174.
9. Сыздыкова Ж. С. Психологический и социально-психологический аспект функционирования средств массовой коммуникации // Коммуникология. 2015. Т. 3, № 4. С. 73–91.
10. Розенберг Н. В., Логинов А. В. Институт средств массовой информации и коммуникации как фактор развития социальной мобильности современной молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2013. № 4 (28). С. 78–85.
11. Петров И. Ф. Социальные коммуникации и средства массовой информации // Теория и практика мировой науки. 2023. № 7. С. 25–28.
12. Джумасов Р. С. Роль средств массовой коммуникации в сети Интернет в социальном управлении на примере Тюменской области // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 5 (74). С. 165–172. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2021.88.39.005>.
13. Уразова С. Л. Социальные сети как форма общественного диалога и массовых коммуникаций // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 2 (150). С. 26–33.
14. Мантуров О. С. Цифровое медиaprостранство как среда взаимодействия полиции и гражданского общества : моногр. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2023. 93 с.
15. Мантуров О. С. Цифровая медиареальность и стратегии конструирования коммуникации // Медиа сфера и медиаобразование: специфика взаимодействия в современном социокультурном пространстве : сб. науч. статей X Междунар. науч.-методич. конф., Могилев, 22–26 мая 2023 г. Могилев : Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2023. С. 78–82.

REFERENCES

1. Schwab K. The fourth industrial revolution. Moscow : Eksmo, 2016. 138 p. (In Russ.)
2. Silkin V. V., Sharkov F. I. The advent of the era of media communications: the inheritance of the right of the fourth power by the digital media sphere // Communicology. 2021. Vol. 6, no. 3. P. 22–34. (In Russ.)
3. Weber M. Politics as a vocation and profession / translated from German and introduced by A. F. Filippov. Moscow : Ripol-classic, 2021. 292 p. (In Russ.)
4. Lasswell H. D. The structure and function of communication in society // The communication of ideas. N. Y. : Harper and Brothers, 1948.
5. Lazarsfeld P., Merton R. Mass communication, mass tastes, and organized social action // Mass communication in the modern world. Moscow : AVANTI PLUS, 2004. P. 148–159. (In Russ.)
6. Tarde G. Opinion and the crowd // Psychology of crowds. Moscow : Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, KSP+ Publishing House, 1998. 416 p. (In Russ.)
7. Horkheimer M., Adorno T. Dialectics of enlightenment. Philosophical fragments / translated from German by M. Kuznetsova. St. Petersburg : Medium, 1997. 312 p. (In Russ.)
8. Matveeva A. V. Mass communication media and their impact on social attitudes and moral development of young people // Student science and the 21st century. 2024. Vol. 21, no. 1 (24). Part 2. P. 172–174. (In Russ.)
9. Syzdykova Zh. S. Psychological and socio-psychological aspect of the functioning of mass communication media // Communicology. 2015. Vol. 3, no. 4. P. 73–91. (In Russ.)
10. Rosenberg N. V., Loginov A. V. Institution of mass media and communication as a factor of modern youth's social mobility development // University proceedings. Volga region. 2013. No. 4 (28). P. 78–85. (In Russ.)
11. Petrov I. F. Social communications and mass media // Theory and practice of world science. 2023. No. 7. P. 25–28. (In Russ.)
12. Dzhumasov R. S. The role of online mass media in social management on the example of Tyumen region // Bulletin of Surgut State Pedagogical University. 2021. No. 5 (74). P. 165–172. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2021.88.39.005>. (In Russ.)

13. Urazova S. L. Social networks as a form of public dialogue and mass communications // Izvestia of Ural federal University. Series 1: Problems of education, science and culture. 2016. No. 2 (150). P. 26–33. (In Russ.)

14. Manturov O. S. Digital media space as an environment for interaction between the police and civil society : monograph. Yekaterinburg : Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. 93 p. (In Russ.)

15. Manturov O. S. Digital media reality and communication design strategies // Media sphere and media education: specifics of interaction in the modern socio-cultural space : collection of scientific articles of the 10th International scientific and methodological conference, Mogilev, May 22–26, 2023. Mogilev : Educational Institution “Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus”, 2023. P. 78–82. (In Russ.)

Информация об авторах:

Мантуров О. С. – кандидат философских наук;

Рыбина Е. А. – б/с, б/з.

Information about the authors:

Manturov O. S. – Candidate of Philosophy;

Rybina E. A. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 22.02.2026; одобрена после рецензирования 14.04.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 22.02.2026; approved after reviewing 14.04.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья

УДК 316.46:321.64(470)“18/19”

Рустэм Фаритович Гарипов¹, Урал Абубакирович Кашапов², Тимур Фуатович Сулейманов³

¹ Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия, gar.rustem@mail.ru

² Федеральное казенное профессиональное образовательное учреждение № 145 ФСИН России, Уфа, Россия, ural.kashapov.2014@mail.ru

³ Комиссия по канонизации святых Уфимской епархии Башкортостанской митрополии РПЦ МП, Уфа, Россия, suleimanov1957@mail.ru

**КРИТИКА ВОЖДИЗМА В РАБОТАХ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ВЗГЛЯДОВ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА И Н. А. БЕРДЯЕВА**

Аннотация. Цель данной статьи заключается в анализе взглядов на феномен вождизма двух выдающихся российских мыслителей конца XIX – начала XX в., представлявших различные идеологии, – К. П. Победоносцева и Н. А. Бердяева. Несмотря на серьезные различия между ними, их критические суждения по этому предмету сохраняют большую ценность и в наши дни в силу глубины и проницательности анализа, актуальности взглядов. Консервативный мыслитель К. П. Победоносцев вскрыл тесную связь парламентских институтов, политических партий и вождизма. Н. А. Бердяев показал, что в современных условиях разобщенные люди вновь стремятся к объединению, чем пользуются различные вожди-демагоги, предлагая для них красивые лозунги и ложные идеи и применяя новые средства их внушения. Вождизм вырастает на почве дехристианизации и последующей дегуманизации общества.

Ключевые слова: вождь, вождизм, парламентаризм, политические партии, коллективизм, демократия, массовый человек, толпа

Для цитирования: Гарипов Р. Ф., Кашапов У. А., Сулейманов Т. Ф. Критика вождизма в работах русских мыслителей конца XIX – начала XX в.: сравнительный анализ взглядов К. П. Победоносцева и Н. А. Бердяева // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 2 (26). С. 119–125.

Original article

Rustem F. Garipov¹, Ural A. Kashapov², Timur F. Suleimanov³

¹ Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia, gar.rustem@mail.ru

² Federal State Professional Educational Institution No. 145, the Federal Penitentiary Service, Ufa, Russia, ural.kashapov.2014@mail.ru

³ Commission for the Canonization of Saints, Ufa Diocese of the Bashkortostan Metropolis of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), Ufa, Russia, suleimanov1957@mail.ru

CRITIQUE OF LEADERISM IN THE WORKS OF RUSSIAN THINKERS OF THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE VIEWS OF K. P. POBEDONOSTSEV AND N. A. BERDYAEV

Abstract. The purpose of this article is to analyze the views on the phenomenon of leaderism by two prominent Russian thinkers of the late 19th and early 20th centuries, representing different ideologies: K.P. Pobedonostsev and N. A. Berdyaev. Despite significant differences between them, their critical judgments on this subject remain highly valuable today due to the depth and insight of their analysis and the relevance of their views. The conservative thinker K. P. Pobedonostsev revealed the close connection between parliamentary institutions, political parties, and leaderism. N. A. Berdyaev demonstrated that under modern conditions disunited people are once again striving for unification, which various demagogue leaders exploit, offering them beautiful slogans and false ideas and using new means of inculcation. Leaderism, in fact, grows out of the de-Christianization and subsequent dehumanization of society.

Keywords: leader, leaderism, parliamentarism, political parties, collectivism, democracy, mass man, crowd

For citation: Garipov R. F., Kashapov U. A., Suleimanov T. F. Critique of leaderism in the works of Russian thinkers of the late 19th – early 20th centuries: a comparative analysis of the views of K. P. Pobedonostsev and N. A. Berdyaev // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 2 (26). P. 119–125. (In Russ.)

Введение

В отечественной политологии, философии, социальной психологии, истории и социологии изучение явления вождизма является важным сюжетом при всестороннем исследовании институтов власти и управления, поэтому мнения российских мыслителей прошлого о вождизме, несмотря на определенный субъективизм, заслуживают глубокого научного анализа. В отечественной науке их вновь стали изучать с начала 1990-х гг. и добились важных результатов. В этом плане интересно сравнить взгляды представителей двух противоположных лагерей русской социально-политической мысли конца XIX – начала XX в. – К. П. Победоносцева и Н. А. Бердяева. Именно в этот период проблема вождизма приобретает особую остроту в общественно-политической жизни как России, так и Европы. Несмотря на серьезные различия между ними, критические суждения этих оригинальных мыслителей по этому предмету продолжают сохранять большую ценность и в наши дни в силу глубины и проницательности анализа, актуальности взглядов.

Методы

Авторы статьи применили сравнительно-исторический метод, который позволил выявить общее и особенное во взглядах на

данную проблему представителей столь разных течений российской мысли, а также общенаучные методы анализа и синтеза.

Результаты

Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) являлся видным русским правоведом и государственным деятелем, безусловным «духовным лидером» царской России (по словам Н. А. Бердяева), воспитателем и наставником двух российских императоров – Александра III и его сына Николая II. В 1880–1905 гг. занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода. Наряду с публицистом Михаилом Катковым считался основным идеологом консервативной общественно-политической мысли России конца XIX в. [1, с. 152].

Несмотря на созданную в либеральных кругах репутацию противника прогресса [1, с. 153], К. П. Победоносцев отличался редким умом и проницательностью, а его взгляды во многом актуальны и сейчас. В частности, он вскрыл тесную связь парламентских институтов и вождизма.

К. П. Победоносцев писал, что раньше, до прихода либеральных идей, монархи обладали безусловным превосходством над подданными, опираясь на «превосходнейших людей» и согласие всего общества. Но с XIX в. в Европе (по примеру Англии)

стали появляться парламенты. Их депутаты стали выражать в основном не общественные интересы, а «частные интересы партии или группы», что, по его словам, «ведет к моральному упадку общества и самих демократических парламентов» [2, с. 34].

Монархический охранительный консерватизм Победоносцева определил его критический взгляд на суть парламентского правления, которое он называл «великой ложью нашего времени». По его мнению, избранный депутат парламента будет голосовать «не столько за разумные решения для всего народа, сколько для своей партии, от которой он избран и поэтому обязан ей. Более того, мнение партии может отличаться от его собственного» [2, с. 40–41].

Он утверждал, что парламентские выборы стали подобием игры, управляемой интригами, обманом и подкупом. Законодательство, таким образом, оказывается в руках «малограмотных и корыстных людей». Со временем в этом процессе начали участвовать все меньше достойных личностей, и парламент постепенно потерял свою представительную функцию, становясь «механизмом, создающим множество несовершенных законов, которые ограничивают свободу в интересах узкого круга» [2, с. 35].

В результате Победоносцев пришел к выводу, что парламент представляет собой учреждение, предназначенное для удовлетворения индивидуальных амбиций, тщеславия и личных интересов депутатов. Он иронично отмечал: «На фасаде этого здания высечена фраза: «Все для блага общества». Далее он утверждал, что парламентаризм — это «высшее проявление триумфа эгоизма, предназначенное для служения собственному «Я» [2, с. 40–41].

После проведения выборов депутат парламента зависит уже не от своих избирателей, о которых теперь можно забыть, а в основном уже от партийных лидеров, для которых характерны «чрезмерная болтливость, вульгарность и лстивость, широкое использование понятий, понятных массовой аудитории» [3, с. 44]. Для таких лидеров становятся особенно важными само ораторское

мастерство, способность улавливать настроение массы и использовать ее эмоции.

К. П. Победоносцев отмечал, что лидер обращается к эмоционально-чувственному восприятию толпы, а не к рациональным аргументам. В такой ситуации оказывается более влиятельным тот, кто использует яркие, живые слова, а не ясные и структурированные доводы, говорящие о сути вопроса. Толпа больше реагирует на гремющие, искусно подобранные фразы, которые были неоднократно повторены и рассчитаны на инстинкты, скрывающиеся в массовом сознании. К сожалению, «народная масса легко поддается магии пустых обещаний и внезапно приходит к решениям, о которых впоследствии сожалеет» [3, с. 47].

Таким образом, возникает народный представитель с полномочиями, которые он использует в зависимости от своих личных качеств. Если он активен, то создает партию, а если ординарен, то присоединяется к какой-то уже существующей. Далее мыслитель обращал внимание на черты, присущие предводителям партий. Ключевая их характеристика — это «сильная воля, которая напоминает физическую силу и не требует наличия высоких нравственных качеств. Лидер может не обладать умом, зато чаще всего имеет напористую, эгоистичную и злобную натуру» [3, с. 44]. Даже среди более достойных людей лидеры с низкими моральными качествами могут занять руководящие позиции в парламенте. Вождизм, по мнению Победоносцева, связан как раз с лидерством в политических партиях в парламенте.

Консервативный идеолог объяснял, что по теории партия — это объединение людей, обладающих схожими взглядами и стремящихся совместно реализовать свои идеи в законопроектах, которые они поддерживают. Вообще такие союзы обычно характерны для небольших групп. Но значительная партия в парламенте появляется «лишь под воздействием амбиций отдельных личностей, вокруг которых и формируется» [3, с. 44].

К. П. Победоносцев различал теорию парламентаризма и его практическое во-

площение, показывая, как эти идеалы выглядят на практике. На уровне теории в парламент должны входить только самые достойные представители «из лучших и любимых граждан, однако на практике в него попадают наиболее честолюбивые и наглые личности» [3, с. 49]. В теории избиратель голосует за кандидата, которого знает и которому доверяет, но на практике чаще всего он выбирает незнакомца, основываясь лишь на «речах и криках» его партии. По теории «парламентские дела должны управляться разумом и бескорыстными побуждениями, но на практике доминирует воля, эгоизм и красноречие» [3, с. 49].

Он отмечал, что люди по своей сути делятся на две группы. Первые – это те, кто не выносит никакого проявления власти над собой и стремятся сами доминировать над окружающими. Вторые, в свою очередь, избегают принимать на себя ответственность за решения, которые требуют мужества, и уклоняются от выражения своей волевой позиции; таким образом, они показывают, что склонны к подчинению. В результате этого «одаренные люди часто становятся подчиненными напористым личностям, и делают это охотно, принимая решение делегировать свои усилия им, а также возлагать на них моральную ответственность. Они инстинктивно ищут вождя и готовы стать послушными его инструментами, при этом теша себя мыслью, что вождь приведет их к победе и к богатству» [3, с. 47].

Деятельность парламента вообще контролируется партийными лидерами. Именно они принимают решения, организуют парламентские споры и одерживают победы. Парламентские сессии, по сути, являются спектаклем для публики. Произносимые речи служат лишь для поддержания иллюзии парламентской активности, для восхваления самих ораторов и повышения их популярности для карьерного роста. Только иногда принимаются важные решения, которые действительно имеют значение для общества. Как будут распределены голоса при принятии решения, обычно определяется вне рамок заседаний. Поэтому ключевыми

качествами лидера являются «решительность, эгоизм и ораторское мастерство» [3, с. 47–48]

Выводы К. П. Победоносцева о сущности демократического парламентаризма остаются актуальными и сейчас. Особенно важны его слова, что отдельный депутат не в состоянии оказать значительное влияние на решение по ключевым законопроектам. Все важнейшие решения в области законодательства и парламентской деятельности принимаются лишь при поддержке той политической фракции, которая имеет преобладающее большинство в парламенте, необходимое для проведения тех или иных законов. А этими фракциями как раз и руководят вожди-демагоги. Сама система парламентского правления порождает вождизм.

Теперь обратимся к мыслям младшего современника К. П. Победоносцева и во многом его оппонента, известного русского религиозного и политического мыслителя, социолога, представителя экзистенциализма и персонализма Николая Александровича Бердяева (1874–1948). Его взгляды были часто эклектичны и противоречивы. Но в истории философской мысли этот автор выделяется ярко выраженным антропоцентризмом, глубоким вниманием к смыслу человеческого существования, к проблеме свободы [4, с. 19]. Особенно это заметно в его работе «Судьба человека в современном мире (к пониманию нашей эпохи)» (1934). Философ указывал, что в современную эпоху высшей ценностью становится не сам человек и не его права, а сила государства и социального коллектива. Права и интересы людей стали игнорироваться, а государство, будь то коммунистическое или фашистское, становится главным действующим лицом, превращая человека в объект анализа, что, по мнению Бердяева, является крайней формой «объективизации» человеческой жизни [5, с. 513].

При этом коллективизм и коллективная мораль всегда существовали в истории человечества и постоянно проявлялись в историческом процессе. У человека с давних времен наблюдалась природная склонность к объединению – это проявление его «бро-

шенности» в несовершенный мир [5, с. 484]. Он всегда был тесно связан с различными формами коллективизма: в родах, семьях, племенах, нациях, государствах, военных организациях, сословиях, классах, профессиях и религиозных общностях. Его мышление соответствовало сознанию тех социальных групп, в которых он жил. Развитие мышления происходило внутри рамок рода и соответствовало условиям общественной жизни.

Бердяев, анализируя идеологии своего времени – фашизм, национал-социализм и коммунизм, выявлял их общую черту: «отрицание свободы, которая несет в себе скептицизм, отсутствие веры и равнодушие к истине». Эти идеологии опираются на «коллективизм, что ведет к всеобщему обезличиванию», где индивидуальное мышление стандартизируется, а оригинальные суждения нивелируются, исчезая в массе [6, с. 173].

Такое унифицированное мышление создает «массового человека – личность без индивидуальности, способную на большую жертвенность» [7, с. 12]. В итоге наблюдается возвращение к стадной природе, но в новых цивилизованных и технизированных формах. Результатом этого явления становится человек, который становится восприимчивым к манипуляциям над своим сознанием и волей, ищет идола в образе вождя, доверяется ему и следует за ним. По мнению философа, происходит «дехристианизация, а вследствие этого – дегуманизация, то есть отчуждение человека от человечности» [5, с. 324].

Бердяев отмечал, что человечество вошло в «эпоху цезаризма». Описывая этот феномен, он указывает на его плебейский характер, подчеркивая, что цезаризм станет «выражением плебейского восстания, стремящегося к разрушению аристократических основ в культуре». Современный вождь, по мысли философа, может быть «предвестником нового цезаря; он представляет собой лидера народных масс, который был выдвинут обществом в текущий момент» [8, с. 47]. Основным инструментом в управлении этими массами для «вождя» служит демагогия.

Демагогия, как средство, дает возможность вождю удерживаться у власти. Он «полностью зависит от тех масс, которыми он управляет, действуя как деспот; его власть основана на психологии и инстинктах больших групп людей» [5, с. 507]. Власть таких лидеров основывается на подсознательных мотивациях, которые играют значительную роль в механизмах управления [9, с. 349].

В современном мире в основе власти лежит прежде всего ее «умение обращаться к массовым подсознательным и иррациональным устремлениям» [9, с. 94]. Все «аспекты человеческого существования – мысли, совесть и даже интимные моменты жизни – становятся объектом регуляции». А современные «методы рационализации и технологизации начинают пробуждать в человеке подсознательные и иррациональные инстинкты, включая стремления к насилию и доминированию» [5, с. 484]. Наглядным примером этого он считал Германию после Первой мировой войны. Тогда немецкий народ находился «в состоянии коллективного безумия от пережитого унижения» Версальского мирного договора 1919 г. В таком состоянии люди «напряженно искали вождя, который поведет за собой массы и даст избавление, разрешит все их вопросы». Такой фигурой, порожденной «коллективной одержимостью масс», и стал Гитлер [5, с. 487]. Всеобщий запрос выдвинул соответствующего вождя, опиравшегося на подсознательные инстинкты масс и черпающего в этом свою силу.

Философ также указывал, что корни вождизма находятся в демократии, сложившейся после Великой французской революции. По его словам, концепция демократии, провозглашенная Ж.-Ж. Руссо, не только не дает индивиду свободы и признания его неотъемлемых прав, но также полностью подавляет личность. «Государственный абсолютизм характеризует не только строгие монархии, но и самые демократические формы правления». Такой пример представляет собой буржуазная демократия с ее официальной абсолютистской моделью народовластия. «Демократия заимствовала

инстинкты и привычки абсолютизма, что прослеживается во всех демократических революциях» [5, с. 137–138].

Н. А. Бердяев также отмечал, что вожизм приводит к установлению тоталитарного режима. Для него характерно наличие обязательной идеологии, «будь то коммунистическая, национал-социалистская, или фашистская, которая представляет собой некую лжерелигию (идолопоклонничество), а идолом там является вождь». Потому этот режим «преследует все религии как конкурентов». При этом «тоталитаризм отвечает религиозной потребности, он есть эрзац религии» [6, с. 184].

Заключение

Удалось установить, что ведущие представители разных идеологических течений российской дореволюционной и послереволюционной социально-философской мысли сумели (каждый по-своему) установить важные условия появления вожизма, а также проанализировать отрицательные черты

такого типа властных отношений, как вожизм. По мнению обоих мыслителей, вожизм как раз и вырастает на почве дехристианизации общества.

Изучение мнений двух ярких представителей противоположных направлений в российской социально-политической мысли рубежа XIX – XX вв. – К. П. Победоносцева и Н. А. Бердяева – имеет большое значение. Они анализировали не только саму природу вожизма, но и механизмы его возникновения и функционирования, а также взаимоотношения индивида и общества. Многие русские мыслители XIX–XX вв. были убеждены, что духовное начало, тесно связанное с религией, должно лежать в основе всего человеческого бытия. А сами демократические процедуры часто приводили к появлению вождей-демагогов и тиранов, подавляющих свободу народа и создающих новое, более тяжкое угнетение, причем новые технические средства создавали для этого широкие возможности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тесля А. Русский консерватор: о системе политических воззрений К. П. Победоносцева 1870–1890-х годов // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 1. С. 151–172.
2. Победоносцев К. П. Новая демократия // Московский сборник / изд. К. П. Победоносцева. Изд. 5-е, доп. М. : Синодальная типография, 1901. 366 с.
3. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени // Московский сборник / изд. К. П. Победоносцева. Изд. 5-е, доп. М. : Синодальная тип., 1901. 366 с.
4. Бердяев Н. А. Мое философское мирозерцание // Н. А. Бердяев о русской философии : в 2 ч. / сост., вступ. ст. и примеч. Б. В. Емельянова, А. И. Новикова. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. Ч. 2. С. 238–367.
5. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н. Русская идея. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгарт, 2005. С. 541–618.
6. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринт. воспроизв. издания YMCA-PRESS, 1955. М. : Наука. 1990. 224 с.
7. Блюменкранц М. А. Романтик духа // Бердяев Н. А. Сочинения. М. : Эксмо-Пресс; Харьков : Фолио, 2000. С. 3–10.
8. Бердяев Н. А. Новое средневековье // Бердяев Н. Русская идея. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгарт, 2005. С. 479–540.
9. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2008. 864 с.

REFERENCES

1. Teslya A. The Russian conservative: on the system of K. P. Pobedonostsev's political views in the 1870–1890s // Sociological review. 2017. Vol. 16, no. 1. P. 151–172. (In Russ.)
2. Pobedonostsev K. P. New democracy // Moscow collection / published by K. P. Pobedonostsev. 5th ed., supplemented. Moscow : Synodal Printing House, 1901. 366 p. (In Russ.)

3. Pobedonostsev K. P. The great lie of our time // Moscow collection / published by K. P. Pobedonostsev. 5th ed., supplemented. Moscow : Synodal Printing House, 1901. 366 p. (In Russ.)
4. Berdyaev N. A. My philosophical worldview / N. A. Berdyaev about Russian philosophy : in 2 parts / comp., introductory article and commentaries by B. V. Emelyanov, A. I. Novikov. Sverdlovsk : Ural University Publishing House, 1991. Part 2. P. 238–367. (In Russ.)
5. Berdyaev N. A. The fate of man in the modern world (towards understanding our era) // Berdyaev N. Russian idea. Moscow : Eksmo ; St. Petersburg : Midgart, 2005. P. 541–618. (In Russ.)
6. Berdyaev N. A. Origins and meaning of Russian communism. Reprint reproduction of the YMCA-PRESS publication, 1955. Moscow : Nauka, 1990. 224 p. (In Russ.)
7. Blumenkranz M. A. Romantic of the spirit // Berdyaev N. A. Essays. Moscow : Eksmo-Press ; Kharkov : Folio, 2000. P. 3–10. (In Russ.)
8. Berdyaev N. A. New Middle Ages // Berdyaev N. Russian idea. Moscow : Eksmo; St. Petersburg : Midgart, 2005. P. 479–540. (In Russ.)
9. Kara-Murza S. G. Manipulation of consciousness. Moscow : Eksmo, 2008. 864 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Гарипов Р. Ф. – кандидат исторических наук, доцент;
 Кашапов У. А. – кандидат исторических наук;
 Сулейманов Т. Ф. – кандидат философских наук, доцент.

Information about the authors:

Garipov R. F. – Candidate of History, Associate Professor;
 Kashapov U. A. – Candidate of History;
 Suleymanov T. F. – Candidate of Philosophy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.12.2025; одобрена после рецензирования 13.05.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 16.12.2025; approved after reviewing 13.05.2026; accepted for publication 18.06.2026.

Научная статья
УДК 316.6:351.74(470)

Мария Сергеевна Морщакина¹, Василий Васильевич Пустовалов², Ульяна Александровна Зинова³

^{1, 2} Академия управления МВД России, Москва, Россия

³ Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия, tya-ulyana@mail.ru

¹ morchakina@mail.ru

² pustovalov.05@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕГАТИВНОМУ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

Аннотация. В статье раскрываются отдельные вопросы, связанные с социальной проблемой – негативным информационно-психологическим воздействием, оказываемым на жителей Республики Крым. Рассмотрена работа подразделения информации и общественных связей Министерства внутренних дел Российской Федерации по Республике Крым (далее – МВД по Республике Крым), результаты которой свидетельствуют о росте доверия к полиции, высоком уровне информированности граждан о деятельности полиции. Проанализированное количество размещенных информационных пресс-релизов, социальных акций свидетельствует о том, что данное направление деятельности позволяет значительно снизить негативное информационно-психологическое воздействие. В статье раскрыт процесс изменения и развития информационного сопровождения деятельности органов внутренних дел Республики Крым, выявлены факторы, влияющие на эффективность противодействия негативному информационно-психологическому воздействию как социальной проблеме, представлены отдельные организационные и практические аспекты деятельности подразделения информации и общественных связей МВД по Республике Крым, направленные на оперативное и своевременное информирование граждан, способствующие минимизации негативного информационно-психологического воздействия.

Ключевые слова: PR-деятельность, информационная среда, цифровые коммуникационные платформы, негативное информационно-психологическое воздействие, информационные кампании, инфографика, контент

Для цитирования: Морщакина М. С., Пустовалов В. В., Зинова У. А. Противодействие негативному информационно-психологическому воздействию как социальной проблеме в органах внутренних дел Российской Федерации (на примере Республики Крым) // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 2 (26). С. 126–134.

Original article

Maria S. Morshchakina¹, Vasily V. Pustovalov², Ulyana A. Zinova³

^{1, 2} Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

³ Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, Magnitogorsk, Russia, tya-ulyana@mail.ru

¹ morchakina@mail.ru

² pustovalov.05@mail.ru

COUNTERING THE NEGATIVE INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL IMPACT AS A SOCIAL PROBLEM IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION (USING THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA)

Abstract. The article reveals some issues related to the social problem – the negative informational and psychological impact exerted on residents of the Republic of Crimea. The work of the information and public relations department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Crimea is reviewed, the results of which indicate an increase in the level of trust in the police, a high level of awareness of citizens about the activities of the police. The analyzed number of information press releases and social actions posted indicates that this area of activity can significantly reduce the negative informational and psychological impact. The article reveals the process of changing and developing information support for the activities of the internal affairs bodies of the Republic of Crimea, identifies factors affecting the effectiveness of countering negative information and psychological effects as a social problem, presents certain organizational and practical aspects of the activities of the information and public relations unit of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Crimea, aimed at promptly and timely informing citizens, helping to minimize negative informational and psychological impact.

Keywords: PR-activity, information environment, digital communication platforms, negative information and psychological impact, information campaigns, infographics, content

For citation: Morshchakina M. S., Pustovalov V. V., Zinova U. A. Countering the negative information and psychological impact as a social problem in the internal affairs bodies of the Russian Federation (using the example of the Republic of Crimea) // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 2 (26). P. 126–134. (In Russ.)

Введение

Современный этап развития российского общества характеризуется масштабными процессами цифровой трансформации, что обуславливает принципиальные изменения в характере коммуникаций между государственными институтами и гражданами. Органы внутренних дел Российской Федерации адаптируются к новым условиям информационного взаимодействия, когда традиционные модели односторонней коммуникации через средства массовой информации замещаются интерактивными форматами прямого диалога в коммуникативном пространстве социальных сетей. Например, распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2022 г. № 2523-р¹ закрепило обязательность присутствия государственных органов в социальных сетях, что стимулировало развитие цифровых коммуникаций правоохранительных структур.

Особую актуальность приобретает исследование PR-деятельности тех территориальных органов, где осложнена геополитическая обстановка и осуществляется

интенсивное информационно-психологическое воздействие, являющееся одной из социальных проблем. Данный опыт представляет значительный научный и практический интерес для выработки эффективных стратегий коммуникационной деятельности полиции в цифровом пространстве.

В результате экспансии цифровых технологий в различные сферы жизни к современному дню очевидно, что в условиях смешанной реальности происходит «...формирование цифровой личности как части реальной личности» [1, с. 76].

Методы

Основу комплекса методов составил контент-анализ информационных материалов о деятельности органов внутренних дел Республики Крым, эмпирическую базу исследования – открытые данные: пресс-релизы, размещенные на официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), информационные посты в официальных аккаунтах МВД по Республике Крым. Для анализа были выбраны ключевые годы – 2014–2019 гг.,

¹ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209050038> (дата обращения: 10.02.2026).

характеризующие этап реформирования деятельности подразделений информации и общественных связей МВД по Республике Крым, а также современный период для оценки текущего состояния озвученной проблематики.

Результаты

Присоединение Республики Крым к Российской Федерации в 2014 г. создало уникальные условия для формирования системы взаимодействия органов внутренних дел и средств массовой информации на новых территориях. Процесс интеграции правоохранительных структур Крыма в единую систему МВД России сопровождался масштабными изменениями в организации информационной работы, что потребовало создания эффективных механизмов коммуникации с населением полуострова в условиях сложной геополитической обстановки. Информационное пространство Крыма в рассматриваемый период характеризовалось высокой степенью конфликтности, противоборством различных нарративов, активным внешним информационным воздействием, направленным на дестабилизацию общественно-политической ситуации [2, с. 67].

Начальный этап формирования отдела информации и общественных связей МВД по Республике Крым в 2014–2015 гг. был отмечен необходимостью решения нескольких стратегических задач одновременно. Требовалось обеспечить преемственность в работе правоохранительных органов, сохранить доверие населения к полиции в условиях смены государственной принадлежности территории, противодействовать негативному информационно-психологическому воздействию, направленному на дискредитацию российских правоохранительных органов [3, с. 28].

Специфика информационной среды Крыма определялась несколькими факторами. Сетевые сообщества социальных медиа на полуострове оказались разделены по линии поддержки или неприятия воссоединения с Россией, что создавало сложную конфигурацию информационных потоков. Украинские и прозападные медиаресурсы

продолжали активную работу на крымскую аудиторию, распространяя негативную информацию о деятельности российских правоохранительных органов. Крымскотатарское население, часть которого заняла оппозиционную позицию по отношению к России, также требовало особых подходов в информационной работе [2, с. 68].

Анализ структуры социальных медиа показал наличие как пророссийских, так и антироссийских групп, ведущих активную информационную деятельность. Пророссийский сегмент характеризовался масштабными и устойчивыми взаимосвязями между сообществами, что обеспечивало большую эффективность распространения информации. Однако антироссийские группы сохраняли способность генерировать информационные поводы и привлекать внимание к негативным аспектам ситуации в Крыму. Значительная часть пользователей социальных сетей занимала нейтральную позицию, что создавало возможности для информационного воздействия с обеих сторон [2, с. 70].

Стратегия информационной деятельности МВД по Республике Крым в первые годы после воссоединения была направлена на решение нескольких приоритетных задач. Формирование позитивного образа российской полиции предполагало широкое освещение успешных операций по раскрытию преступлений, задержанию опасных преступников, пресечению деятельности организованных преступных групп. Демонстрация результативности работы правоохранительных органов служила доказательством способности российской полиции эффективно защищать права и интересы граждан Крыма. Профилактическая работа включала проведение информационных кампаний по предупреждению преступлений, повышению правовой грамотности населения, разъяснению нового российского законодательства [4, с. 22].

Одним из основных источников информации является официальный сайт МВД России. В 2011 г. Управление по взаимодействию с институтами гражданского

общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел Российской Федерации приступило к модернизации интернет-сайтов МВД России и его территориальных органов. В результате проведенной организационной и технической работы в 2013 г. введен в эксплуатацию аппаратно-программный комплекс «Официальный интернет-сайт МВД России», объединивший официальные сайты всех территориальных органов МВД России, подразделений центрального аппарата Министерства, образовательных организаций, что повысило цитируемость, востребованность и степень доверия граждан к данному информационному источнику. Рассматривая публикационную активность МВД по Республике Крым, можно отметить положительную динамику по размещению информации

о деятельности полиции на официальном сайте МВД России (рис.).

Взаимодействие с местными средствами массовой информации выстраивалось на принципах открытости и доступности информации о деятельности полиции. Сотрудники отдела информации и общественных связей МВД по Республике Крым организовывали регулярные брифинги для журналистов, предоставляли комментарии по резонансным событиям, обеспечивали присутствие представителей средств массовой информации при проведении значимых оперативно-служебных мероприятий. Формирование пула лояльных журналистов, готовых объективно освещать работу правоохранительных органов, стало важной составляющей информационной стратегии [5, с. 213].

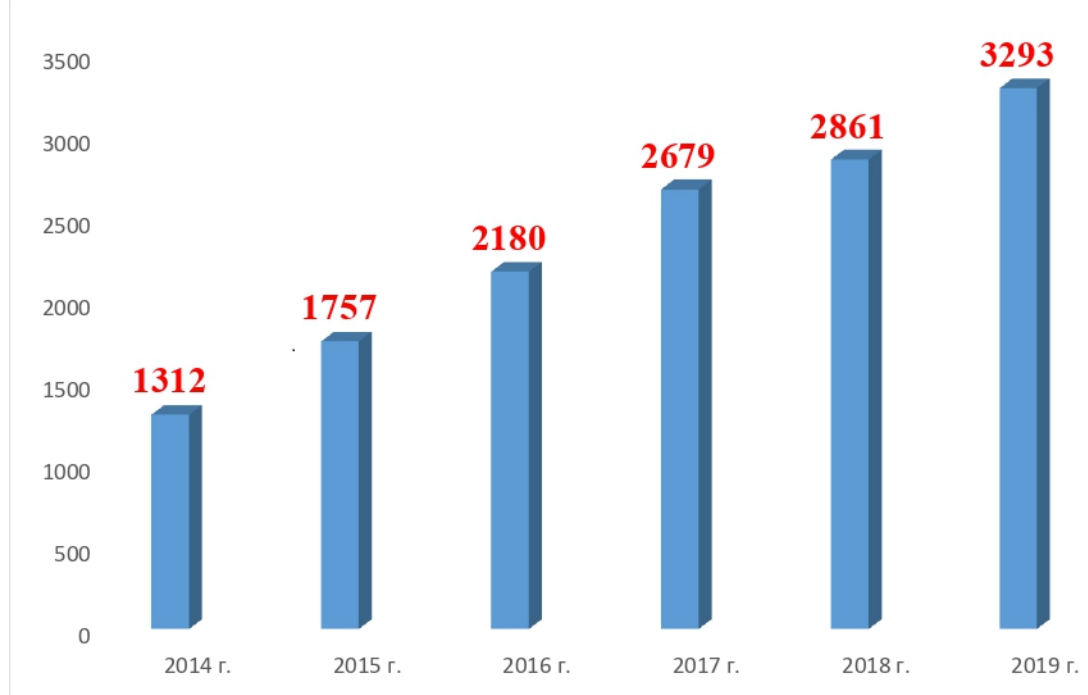

Рис. Количество релизов, размещенных на сайте МВД России

Цифровые коммуникационные платформы приобрели особое значение в условиях информационного противоборства вокруг Крыма. Создание официальных аккаунтов МВД по Республике Крым в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», официального канала МВД по Республике Крым в национальном мессенджере МАХ позволило наладить

прямую коммуникацию с населением, оперативно реагировать на информационные вбросы, распространять достоверную информацию о деятельности полиции. Анализ показал, что наибольшей популярностью у крымской аудитории пользуются социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники», что обусловило концентрацию усилий на этих платформах. Каналы в мессенджерах

обеспечивали оперативность распространения информации и привлекали молодежную аудиторию [4, с. 23].

На сегодняшний день количество подписчиков на официальные группы «Полиция Крыма / МВД по Республике Крым» в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассниках» составляет более 32 тыс. человек.

Мониторинг информационного пространства составил важнейшее направление деятельности подразделений информации и общественных связей МВД по Республике Крым. Систематическое отслеживание публикаций в социальных сетях, на новостных сайтах, в мессенджерах позволяло выявлять негативные информационные поводы, фиксировать распространение недостоверной информации, оперативно реагировать на информационные атаки, обеспечивать возможность количественной и качественной оценки информационных потоков. Ежемесячный объем упоминаний МВД по Республике Крым в различных источниках составлял несколько тысяч публикаций.

Противодействие распространению фейковой информации стало одной из центральных задач отдела информации и общественных связей МВД по Республике Крым. Недостоверные сообщения о нарушениях прав человека со стороны полиции о якобы имевших место случаях превышения полномочий сотрудниками, о коррупции в правоохранительных органах активно распространялись в информационном пространстве с целью дискредитации российских властей на полуострове. Подразделение информации и общественных связей разработало механизм оперативного опровержения недостоверной информации, включающий проверку фактов, подготовку официальных комментариев, распространение достоверной информации через все доступные каналы коммуникации [6, с. 63].

Противодействие распространению негативного информационно-психологического воздействия как социальной проблеме способствует обеспечению профессиональной работоспособности и надежности деятельности личного состава

органов внутренних дел Российской Федерации. Дефиниции «информационная борьба / война», «информационно-психологическое противоборство / противостояние», «негативное информационно-психологическое воздействие», «психологический стресс / перегрузка» введены в терминологический оборот экстремальной психологии и психологическую практику благодаря трудам ряда отечественных и зарубежных специалистов (Е. Г. Баранов, В. А. Бодров, Л. П. Гримак, А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни, А. В. Карпов, Л. А. Китаев-Смык, Р. Лазарус, И. Б. Лебедев, И. Г. Малкина-Пых, С. В. Матюшенко, Г. Селье и др.).

Под негативным информационно-психологическим воздействием понимается способ полимодального влияния на индивида или группу (общность) с целью изменения идеологических, социальных или психологических установок, трансформации эмоциональных состояний, стимулирования типов поведения, наносящих ущерб личности, социуму или государству в целом, с использованием различных методов явного и скрытого психологического принуждения [7]. Поэтому подразделение информации и общественных связей МВД по Республике Крым постепенно создавало и продолжает создавать все условия для формирования информационной разборчивости не только личного состава полиции, но и граждан, используя возможности ведомственных аккаунтов.

Организация взаимодействия с общественными организациями и институтами гражданского общества способствовала укреплению доверия населения к правоохранительным органам. Общественный совет при МВД по Республике Крым, включающий представителей различных социальных групп, национальных и религиозных общин, экспертного сообщества, стал площадкой для диалога между полицией и обществом. Регулярные заседания данного совета, обсуждение актуальных проблем правоохранительной деятельности, общественный контроль за соблюдением прав граждан в деятельности полиции повышали легитим-

ность правоохранительных органов в глазах населения. Создание общественных приемных, проведение встреч руководства Министерства с населением в районах республики обеспечивали обратную связь и позволяли учитывать мнение граждан при выработке управленческих решений [8, с.154].

Профилактическая составляющая информационной деятельности реализовывалась через проведение широкомасштабных информационных кампаний по различным направлениям. Антинаркотическая пропаганда, предупреждение мошенничества, особенно в отношении пожилых граждан, профилактика правонарушений среди несовершеннолетних, обеспечение безопасности дорожного движения – по всем этим направлениям подразделение информации и общественных связей готовило информационные материалы, проводило акции, организовывало взаимодействие со школами, вузами, общественными организациями.

Работа с молодежью требовала особых подходов с учетом специфики медиапотребления этой возрастной группы. Молодые люди получают информацию преимущественно через социальные сети, предпочитают визуальный контент текстовому, ценят интерактивность и возможность участия. Подразделение информации и общественных связей МВД по Республике Крым разработало специальные форматы работы с молодежью, включающие проведение онлайн-викторин, конкурсов, челленджей в социальных сетях, организацию экскурсий в подразделения полиции, дней открытых дверей. Например, Межрегиональный телемост «Крым и Россия – идем вместе!», посвященный десятилетию присоединения Крыма к России, объединил юных инспекторов движения Республики Крым и Тульской области; челлендж керченской Госавтоинспекции «Зажги свою звезду. Стань ярче на дороге!» объединил воспитанников детских садов и школьников; в Судаче на «Тавриде. АРТ» в рамках образовательной смены «Наука как искусство 2.0» состоялся открытый диалог, посвященный знанию правовых основ, а также интеллектуальная игра «Тайны

юриспруденции». Организаторами мероприятия выступили Крымское региональное отделение Ассоциации юристов России совместно с МВД по Республике Крым, Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Молодежные общественные объединения в настоящее время очень популярны, поэтому взаимодействие с ними способствует расширению возможностей донесения информации до молодежной аудитории [9, с.101].

Качественные изменения в информационной деятельности проявлялись в совершенствовании контента, расширении форматов коммуникации, повышении профессионализма сотрудников подразделения информации и общественных связей. Если на начальном этапе преобладали простые текстовые форматы новостных сообщений, то сегодня активно используются видеоматериалы, инфографика, прямые трансляции, интервью с руководством и сотрудниками подразделений полиции. Создание собственной медиастудии, оснащение современным оборудованием, обучение сотрудников навыкам видеосъемки и монтажа существенно повысили качество производимого контента. Истории о героях-полицейских, рассказанные и показанные на страницах официальных аккаунтов ведомства, оказывают сильное убеждающее воздействие на пользователей сети Интернет, кроме того, они содержат в себе немалый воспитательный эффект [10, с. 8].

Взаимодействие с региональными медиagrupпами, имеющими значительную аудиторию в Крыму, обеспечивало широкий охват населения информацией о деятельности полиции. Партнерские отношения с ведущими телеканалами, радиостанциями, новостными порталами позволяли размещать информационные материалы на площадках с высоким уровнем доверия аудитории. Регулярное участие руководства МВД по Республике Крым в телевизионных программах, радиоэфирах, интервью для печатных и онлайн-изданий повышало публичность и открытость деятельности правоохранительных органов.

Специальная военная операция, начавшаяся в 2022 г., создала новые вызовы для информационной деятельности правоохранительных органов Крыма. Повышенное внимание к полуострову как важному стратегическому объекту, угроза диверсионно-террористической деятельности, необходимость противодействия панике и дестабилизации общественной ситуации потребовали корректировки информационной стратегии. Обеспечение информационной безопасности, предотвращение распространения сведений, могущих нанести ущерб национальной безопасности, противодействие враждебной пропаганде стали приоритетными задачами. Инструменты повышения доверия к органам внутренних дел являются важным аспектом развития современного общества. Обладая легитимностью и авторитетом, органы власти имеют возможность регулировать и управлять различными сферами жизни граждан [11, с. 16].

Заключение

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что сотрудники отдела информации и общественных связей МВД по Республике Крым учат жителей полуострова самому главному – выявлять и отсеивать заведомо недостоверную и ложную информацию, предлагая пользователям социальных сетей ориентироваться на ведомственные аккаунты

МВД России. Таким образом, значительное положительное влияние на восприятие информации [12] и противодействие негативному информационно-психологическому воздействию как социальной проблеме в системе МВД России оказывает правильная организация ее подачи.

Оценка эффективности деятельности отдела информации и общественных связей МВД по Республике Крым с 2014 по 2025 год позволяет констатировать достижение значительных результатов. Создана работоспособная система информационного взаимодействия правоохранительных органов с населением, сформирована профессиональная команда специалистов по связям с общественностью, освоены современные инструменты цифровых коммуникаций. Общественное мнение в совокупности с информационной политикой ведомства способствует поддержанию доверия граждан к органам внутренних дел в долгосрочной перспективе и повышению уровня удовлетворенности населения сотрудничеством с правоохранительными органами [13, с. 60]. Благодаря профессиональному подходу к организации деятельности сотрудники отдела информации и общественных связей МВД по Республике Крым являются надежным щитом, ограждающим жителей от негативного информационно-психологического воздействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Солдатова Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 71–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308>.
2. Пырма Р. В. Структура сетевых сообществ социальных медиа в информационном потоке внешнего давления на Крым // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10, № 4. С. 65–72. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-4-65-72>.
3. Беженцев А. А. Взаимодействие правоохранительных органов с общественностью: понятие, цели и задачи // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 1 (108). С. 27–32.
4. Невский С. А., Черкасов Р. В., Яковлев О. В. Оценка деятельности ОВД РФ в современных информационно-коммуникационных ресурсах // Научный портал МВД России. 2022. № 2 (58). С. 19–27.
5. Карита А. И. Роль Министерства внутренней политики, информации и связи в формировании позитивного имиджа Республики Крым // Наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. статей III Междунар. науч.-практ. конф. : 2 ч. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2022. Ч. 2. С. 211–214.

6. Беженцев А. А. Взаимодействие правоохранительных органов с общественностью: функции, методы и принципы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 1 (102). С. 62–71.
7. Петров В. Е., Кокурин А. В., Литвинова А. В. Негативное информационно-психологическое воздействие как детерминанта стагнации профессионально-личностного развития представителей силовых ведомств // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2024. № 47 (3). С. 207–227.
8. Васильева И. Н. О социальной коммуникации органов внутренних дел с гражданами (по результатам экспертного опроса) // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 152–158.
9. Щанина Е. В., Нарбекова Л. Ш. Молодежные общественные объединения и их роль в молодежной среде (на примере Пензенской области) // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11, № 2 (42). С. 100–110. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-2-10>.
10. Челнокова Е. А., Казначеева С. Н., Калинкина К. В., Григорян Н. М. Сторителлинг как технология эффективных коммуникаций // Перспективы науки и образования. 2017. № 5 (29). С. 7–12.
11. Бондаренко В. В., Кузнецова Е. В. Инструменты интернационализации и повышения институционального доверия к органам власти в среде международного контингента в отечественных вузах в условиях трансформации цифровой среды // Цифровая социология. 2023. Т. 6, № 4. С. 13–19. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-4-13-19>.
12. Шнерх И. А., Вахтина Л. Г., Зинова У. А. Деятельность психологической службы в социальной адаптации школьников в постканикулярный период // Психология XXI столетия : сб. по материалам ежегодного конгресса, Ярославль, 27–29 окт. 2017 г. / Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского ; Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова ; Международная академия психологических наук. Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, 2017. С. 460–463.
13. Зуева О. В., Сокуров А. Б. Общественное мнение – критерий официальной оценки деятельности органов внутренних дел // Инновационная наука. 2023. № 10-2. С. 57–60.

REFERENCES

1. Soldatova G. U. Digital socialization in the cultural and historical paradigm: a changing child in a changing world // Social psychology and society. 2018. Vol. 9, no. 3. P. 71–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090308>.
2. Pyrna R. V. The structure of network communities of social media in the information flow of external pressure on the Crimea // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2020. Vol. 10, no. 4. P. 65–72.
3. Bezhtentsev A. A. Interaction between law enforcement and the public: concept, goals and objectives // Jurist-Pravoved. 2024. No. 1 (108). P. 27–32.
4. Nevskiy S. A., Cherkasov R. V., Yakovlev O. V. Assessment of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation in modern information and communication resources (media, social networks and blogosphere) // Scientific portal of the Russian Ministry of Internal Affairs. 2022. No. 2 (58). P. 19–27 (In Russ.)
5. Karita A. I. The role of the Ministry of Internal Policy, Information and Communications in the formation of a positive image of the Republic of Crimea // Science and education: current issues, achievements and innovations : collection of articles of the 3rd International scientific and practical conference : in 2 parts. Penza : Nauka and Prosveshchenie, 2022. Part 2. P. 211–214. (In Russ.)
6. Bezhtentsev A. A. Interaction of law enforcement with the public: functions, methods and principles // Scientific bulletin of Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. No. 1 (102). P. 62–71. (In Russ.).
7. Petrov V. E., Kokurin A. V., Litvinova A. V. Negative informational and psychological impact as a determinant of stagnation of professional and personal development in representatives of law enforcement agencies // Lomonosov psychology journal. 2024. No. 47 (3). P. 207–227. (In Russ.)
8. Vasilieva I. N. On social communication of internal affairs bodies with citizens (based on the expert survey results) // Sociological studies. 2021. No. 2. P. 152–158. (In Russ.)
9. Shchanina E. V., Narbekova L. Sh. Youth public associations and their role in the youth environment (case study of the Penza region) // Science. Society. State. 2023. Vol. 11, no. 2 (42). P. 100–110. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-2-10>. (In Russ.)

10. Chelnokova E. A., Kaznacheeva S. N., Kalinkina K. V., Grigoryan N. M. Storytelling as technology of effective communications // Perspectives of science and education. 2017. No. 5 (29). P. 7–12. (In Russ.)

11. Bondarenko V. V., Kuznetsova E. V. Tools for internationalisation and increasing institutional trust to authorities in the international contingent environment of domestic universities in the transformation conditions of the digital environment // Digital sociology. 2023. Vol. 6, no 4. P. 13–19. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-4-13-19>. (In Russ.)

12. Shnerkh I. A., Vakhtina L. G., Zinova U. A. The activity of the psychological service in the social adaptation of schoolchildren in the post-classical period // Psychology of the 21st century : a collection based on the materials of the annual congress, Yaroslavl, October 27–29, 2017 / Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky ; Yaroslavl State University named after P. G. Demidov ; International Academy of Psychological Sciences. Yaroslavl : Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 2017. P. 460–463. (In Russ.)

13. Zueva O. V., Sokurov A. B. Public opinion as a criterion for the official assessment of the activities of internal affairs bodies // Innovative science. 2023. No. 10-2. P. 57–60. (In Russ.)

Информация об авторах:

Морщакина М. С. – б/с; б/з;

Пустовалов В. В. – б/с; б/з;

Зинова У. А. – доктор психологических наук, академик Международной академии психологических наук.

Information about the authors:

Morshchakina M. S. – no academic degree;

Pustovalov V. V. – no academic degree;

Zinova U. A. – Doctor of Psychology, Full Member of the International Academy of Psychological Sciences.

Статья поступила в редакцию 11.03.2026; одобрена после рецензирования 31.03.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 11.03.2026; approved after reviewing 31.03.2026; accepted for publication 18.06.2026.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»

К опубликованию принимаются рукописи научных статей, соответствующие тематике журнала, по своему содержанию отражающие результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, посвященных актуальным проблемам развития юридических, экономических, социологических и философских наук, которые ранее не направлялись в другие издания и не публиковались по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки).

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами:

- Введение;
- Методы;
- Результаты;
- Обсуждение (при наличии);
- Заключение.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, содержащий не менее 15 научных источников и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). На все источники в библиографическом списке должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в библиографический список анонимных источников и нормативных документов (постановлений, законов, инструкций и т. д.) в связи с тем, что они не могут быть про-

индексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в библиографическом списке труднодоступных, неопубликованных, малотиражных, а также локальных, популярных и образовательных источников: газет, неопубликованных отчетов, учебных пособий и учебников, справочников и словарей. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 7 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является закрытым (односторонним / двусторонним слепым).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка на опубликование научной статьи.

Предоставление материала в редакцию

Материалы предоставляются в редакцию через официальный сайт журнала «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива». Для подачи материала автору необходимо пройти регистрацию.

После регистрации в личном кабинете нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Создать» → «Журнальная статья».

Ввести название статьи. Откроется окно создания статьи. Заполнить информацию в разделах «Метаданные» и «Авторы». Загрузить в разделе «Файлы» (нажать на кнопку «Загрузить»):

- статью в формате .docx;
- статью с подписями авторов на последнем листе в формате .pdf ;
- иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и др.) в формате .jpg (при наличии);
- отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);
- заявку на опубликование научной статьи в формате .pdf.

Разделы «Текст», «Список литературы» и «Тематики» заполнять не нужно.

Нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Заявка на публикацию». В списке изданий выбрать «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива», в списке рубрик выбрать актуальную рубрику из предложенного списка и нажать «Отправить заявку».

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи все изменения вносятся в текстовый документ. Первоначальный вариант статьи удаляется, а исправленный – загружается в раздел «Файлы» на странице заявки.

Заявка на опубликование научной статьи электронном в научном журнале «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»
Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ (название статьи) в рубрике _____
Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет, электронных научных библиотеках. Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций. Согласен на обработку и распространение своих персональных данных в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией. О себе сообщаю следующую информацию: ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____ Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ:
РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»**